

КУЛЬТОВЫЙ
РОМАН
АМЕРИКАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В МИРЕ
ПРОДАНО БОЛЕЕ

20
МЛН
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

С. Э. ХИНТОН
ИЗГОИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
АНАСТАСИИ ЗАВОЗОВОЙ

**LIVE
BOOK**

Annotation

Маленький городок в Оклахоме, 60-е годы. В давнем конфликте противостоят друг другу банды подростков – грязеры и вобы. Первое правило грязеров – по одному не ходить, второе – не попадаться. И всегда стоять за друзей горой, что бы они ни сделали. 14-летний Понибой Кертис уверен: богатеньким деткам – вобам, золотой молодежи с западной части города – никогда не понять ребят из бедных кварталов с восточной стороны. И лишь одна страшная ночь, одна стычка с вобами все меняет.

Сьюзан Элоиза Хинтон начала писать роман «Изгой» в 1965 году. Написанная искренне и от души, книга повествует о проблемах реальных подростков – представителей подростковых банд, жителей бедных кварталов, детей из неполных семей. Американская ассоциация библиотекарей включила роман Хинтон в список «100 запрещенных книг XX века»: в некоторых штатах он остается под запретом до сих пор, во многих других – давно включен в школьную программу.

В 1983 году книга была экранизирована режиссером Фрэнсисом Фордом Копполой. Фильм стал успешным стартом в большое кино для юных Патрика Суэйзи, Тома Круза, Си Томаса Хауэлла, Мэтта Диллона, Эмилио Эстевеса и Ральфа Маччио.

-
- [Сьюзан Хинтон](#)
 -
 - [Предисловие переводчика](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [notes](#)

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

Сьюзан Хинтон

Изгой

© S. E. Hinton, 1995

© Анастасия Завозова, перевод на русский язык, 2016

© Виктор Сонькин, перевод стихотворения, 2016

© Livebook Publishing Ltd, 2016

* * *

Предисловие переводчика

Недолговечное золото

Роман С. Э. Хинтон «Изгой»

Пожалуй, странно будет начать предисловие к роману с совета его не читать, но об этом все-таки стоит сказать сразу. Если вы – взрослый, и не просто взрослый, а таковым себя считаете – зрелым, сформировавшимся, серьезным человеком, которому не до пустяков и которого уже миновали все эти подростковые треволнения, сомнения и неуверенности, то вам, наверное, лучше сразу закрыть эту книгу и не тратить на нее свое время. Потому что львиная доля невероятного и непреходящего очарования романа «Изгой» заключается как раз в том, что он был написан подростком и для подростков.

Сьюзан Элоиза Хинтон, школьница из города Тулсы, штат Оклахома, начала писать роман «Изгой» в 1965 году, когда ей было шестнадцать лет. Поводом для этого послужила история, случившаяся с другом Хинтон. Его посреди белого дня и на глазах у прохожих избili несколько подростков из богатых кварталов. До этого Хинтон редко задумывалась о том, что круг ее общения состоит преимущественно из грязеров – набриолиненных парней с сигаретами, которые жили в бедной части города. Точнее, не задумывалась о том, что кому-то приходит в голову не просто делить людей на группы по тому, как они одеваются, где живут и сколько у них денег, а еще и откровенно из-за этого ненавидеть их. Сама Хинтон вспоминает, как однажды шла домой с компанией друзей – мимо них проехала машина, из которой им прокричали: «Грязилы!», и тогда она впервые, глянув на своих идущих вразвалочку, попыхивающих сигаретами друзей, подумала: «Господи, да они же хулиганы!»

После той самой истории с избием возмущенная Хинтон пришла домой и кинулась записывать свои мысли и впечатления от случившегося. Так начался роман «Изгой» – со сцены, где главный герой, четырнадцатилетний мальчишка из бедного квартала, идет домой из кино и по дороге на него нападают пятеро парней, представителей «золотой молодежи». Современная американская писательница Рэйнбоу Рауэлл, очень известный автор нескольких подростковых книг, говоря о романе Хинтон, отметила в том числе, что он весь написан как будто бы «на выдохе», в нем нет ни пауз, ни промедлений, только поток яростной речи,

внутренний монолог подростка, – и это действительно так. Поначалу Хинтон даже не собиралась издавать роман, ей просто нужно было выплеснуть куда-то свою злость на людей, избивших ее друга и возмущение всей сложившейся ситуацией, тем, на какие узкие кастовые группки поделена вся их школа. (Школьное противостояние дошло до того, вспоминала Хинтон в одном из интервью, что представители разных группировок входили в школу через разные двери.) Но однажды она показала роман своей подруге, а та показала его своей матери, которая в свое время написала и издала книгу для детей. Роман ей так понравился, что она отправила его своему нью-йоркскому агенту и в день выпускного бала Сьюзан Хинтон получила контракт на издание книги.

Нельзя сказать, что книга имела мгновенный успех. Какое-то время она продавалась довольно вяло, но к счастью для Хинтон именно в этот момент в США обострились дискуссии о том, какой должна быть литература для подростков. Сама Хинтон вспоминает, что в ее детстве книжки были «или про лошадей, или о том, как «Мэри-Джейн едет на бал», а ничего о том, как вообще живут реальные подростки, прочесть было и нельзя. Когда дискуссия вышла на новый виток, все больше и больше учителей и библиотекарей стали приводить в пример роман «Изгой». Они отмечали подлинную, живую, не подслащенную тональность романа и то, что его героями стали мальчишки, которых раньше как будто бы никто и не замечал – представители подростковых банд, жители бедных кварталов, дети из неполных семей. Именно выбор героев, кстати, придал книге ореол некоторой скандальности. Во многих штатах книга была запрещена, даже несмотря на то, что с момента публикации было продано около 20 миллионов экземпляров. Именно реалистичность персонажей стала причиной запрета – несовершеннолетние герои книги курят, употребляют алкоголь, сталкиваются с насилием в семье, дерутся, грубо разговаривают и сами зачастую преступают закон. Американская библиотечная ассоциация включила роман Хинтон в список «100 запрещенных книг XX века», но во многих штатах он входит в школьную программу.

По роману даже снят фильм – в 1983 году фанаты книги написали петицию, которую подписали тысячи человек. Они просили, чтобы экранизацией фильма занялся Фрэнсис Форд Коппола, и режиссер согласился. В фильме снялись тогда еще совсем юные и мало кому известные Си Томас Хауэлл, Патрик Суэйзи, Том Круз, Роб Лоув, Мэтт Диллон, Эмилио Эстевес и Ральф Маччио. Небольшое cameo – полуминутная роль санитарки в больнице – досталась и Сьюзан Хинтон, с которой у Копполы сложились очень теплые отношения.

Эта яростная, страстная и до сих пор очень живая любовь к роману, которая с 1967 года, в общем-то, и не думает угасать, вызвана, конечно, тем, с чего и началось это предисловие. Это роман, написанный подростком – для подростков. Написанный искренне, на выдохе и от души. Роман, который после того, как его прочитывают впервые – в десять, одиннадцать или двенадцать лет, – оставляет по себе воспоминания и чувства, которых уже никогда не будет, если прочесть роман в каком-то отчетливо взрослом, отчетливо серьезном состоянии. Конечно, поскольку автору романа было всего 15–16 лет, когда она его писала, не стоит ждать от книги какой-то исключительной литературной отточенности. Но некоторую незрелость и наивность выражений с лихвой окупает удивительно искреннее чувство, которым пронизан весь роман, чувство, благодаря которому Хинтон и пробилась к сердцам своих незрелых читателей – желание не столько написать книгу, сколько выплеснуть подростковую ярость и ужас взросления, через которые нам всем рано или поздно приходится пройти.

Поэтому при переводе я постаралась аккуратно сохранить и передать стиль автора – во всей его юношеской простоте и угловатости – и ни в коем случае ничего не улучшать. Надеюсь, мне это удалось, но любые ошибки, как водится, все равно остаются на совести переводчика.

Анастасия Завозова, июль – октябрь 2016

Глава первая

Когда я вышел из темного кинотеатра на солнце, думал я только о Поле Ньюмане и о том, как буду добираться домой. Хотел бы я быть похожим на Пола Ньюмана – он крутой, а я – нет, но вообще я не так уж плохо и выгляжу. Волосы у меня светло-каштановые, почти рыжие, а глаза – зеленовато-серые. Жаль, что не совсем серые, конечно, потому что почти у всех парней, которых я терпеть не могу, как раз зеленые глаза, но тут уж выбрать не приходится. У меня длинные волосы, сзади ровные, в линию, и челка отросшая, парни обычно покороче носят, но я грязер, и в нашем квартале мало кто вообще стрижется. И потом, мне лучше с длинными волосами.

Идти до дома было далеко, а я был один, но я и так всегда один в кино хожу, просто чтобы мне не мешали смотреть фильмы, чтобы можно было уйти в них с головой, прожить их вместе с актерами. Когда вдвоем с кем-нибудь кино смотришь, как-то неловко становится, вроде как кто-то у тебя через плечо книжку читает. Этим-то я и отличаюсь. Ну, то есть вот один мой старший брат, Газ, которому шестнадцать – уже почти семнадцать, – по жизни ничего не читает, а моему самому старшему брату, Дэррелу которого мы все зовем Дэрри, и вовсе не до книг или картинок, потому что он много работает, и, в общем, я от них отличаюсь. И в нашей банде никто так, как я, насчет кино и книжек не загоняется. Было время, я даже думал, что я на целом свете один такой. Ну и ходил везде один.

Газ хотя бы старается меня понять, от Дэрри и этого не дождешься. Но Газ, он вообще не такой как все, он все понимает, ну почти. Например, он не орет на меня целыми днями как Дэрри, не обращается со мной так, будто мне шесть, а не четырнадцать. Я никого так не любил, как Газа, даже маму с папой. Он веселый и всегда улыбается, а Дэрри – строгий, суровый и не улыбается почти никогда. Но Дэрри к двадцати годам через многое пришлось пройти, слишком быстро пришлось повзрослеть. А Газ не повзрослеет никогда. Не знаю даже, что лучше. Но когда-нибудь да узнаю.

Короче, я шел домой, думал про киношку и внезапно пожалел, что иду один. Грязерам не стоит слишком часто ходить поодиночке, а то на них и наехать могут, ну, или кто-нибудь выскочит и заорет: «Гряяязь!», от чего, понятно, тоже лучше не становится. Наезжают на нас вобы. Не знаю точно, с большой это буквы пишется или с маленькой, это сокращение – «высшее общество», золотая молодежь, богатенькие детки с западной части города.

Это как слово «грязеры», которым называют всех нас, парней с восточной стороны.

Мы беднее, чем вобы и средний класс. Ну и, наверное, беднее тоже. Не как вобы, конечно, которые наезжают на грязеров и разносят дома, накачавшись со скуки пивом, и про которых в газетах сначала пишут, что они позорят весь город, а потом – что приносят неоценимую пользу обществу. Грязеры почти та же шпана, мы воруем, ездим на переделанных тачках, грабим автозаправки и время от времени сходимся на драки с другими бандами. Ну, то есть я-то как раз ничего такого не делаю. Попадись я полиции, Дэрри меня убьет. С тех пор как мама с папой погибли в автоаварии, нам троим можно жить вместе, только если мы себя хорошо ведем. Поэтому мы с Газом на неприятности стараемся не нарываться – и не попадаться, если нарываемся. То есть я что хочу сказать – почти все грязеры так себя ведут, и так же, как все, мы не стрижем волосы и носим джинсы с футболками, и кожаные куртки, и кроссовки или ботинки, и не заправляем рубашки в брюки.

Можно было дожидаться, когда Газ или Дэрри придут с работы, и пойти в кино с кем-нибудь из них. Они бы меня отвели, или отвезли, или даже пошли бы со мной в кино, хотя Газ вечно ерзает и ни одного фильма поэтому нормально посмотреть не может, а Дэрри в кино просто помирает со скуки. Дэрри считает, что нечего, мол, глазеть на чужую жизнь, ему и своей хватает. А можно еще было попросить кого-нибудь из нашей банды сходить со мной, кого-нибудь из четырех парней, с которыми мы – я, Дэрри и Газ – вместе росли и которые нам как семья. Мы, считай, что братья, потому что когда растешь в таком спевшемся районе, как наш, всех знаешь как облупленных. Думаю я головой, позвонил бы Дэрри, и он бы заехал за мной по пути с работы, или Смешинке Мэтьюсу – это парень из нашей банды, – если б я его попросил, он бы приехал за мной на машине, но иногда я просто ни о чем не думаю. Дэрри жутко бесится, когда я такие штуки откалываю, потому что я вроде как умный – у меня и оценки хорошие, и вообще я умный, и все такое, но головой я не думаю, и все тут. Ну и потом, я люблю ходить пешком.

Впрочем, я решил, что не так уж и люблю ходить пешком, когда заметил, что за мной тащится красный «корвейр». До дома было еще почти два квартала, поэтому я прибавил ходу. На меня еще ни разу не наезжали, но я видел Джонни после того, как он напоролся на четверых вобов, и зрелище это было не из приятных. После этого Джонни от собственной тени шараялся. Джонни тогда шестнадцать было.

Конечно, все было без толку – в смысле, шагу прибавлять, – и я понял

это еще до того, как «корвейр» притормозил рядом со мной и из него вылезли пять вобов. Я здорово струхнул – я, конечно, крепкий, но для своих четырнадцати все равно маловат, а эти парни были все как один больше меня. Я машинально просунул большие пальцы в шлевки джинсов, ссутулился и стал прикидывать, удастся ли мне убежать, если я прямо сейчас рвану с места. Я вспомнил Джонни – какое у него было лицо, все в синяках и порезах, вспомнил, как он плакал, когда мы его нашли на поле почти без сознания. Джонни здорово достается дома, поэтому надо очень постараться, чтоб он заплакал.

Мне было холодно, но тут я разом вспотел. Ладони стали влажными, струйка пота побежала по спине. Со мной так бывает, когда мне по-настоящему страшно. Я огляделся, высматривая бутылку, палку, хоть что-нибудь – Стив Рэндл, лучший друг Газа, однажды отбитым бутылочным горлышком отмахался от четверых парней, – но рядом ничего такого не было. Так и стоял там как вкопанный, пока они меня окружали. Не умею я головой думать. Они, скалясь, не торопясь, медленно кружили вокруг меня.

– Эй, грязила, – сказал один наигранно-дружелюбным голосом. – Сейчас мы тебе поможем, грязила. Отрежем твои грязные длинные патлы.

На нем была клетчатая рубашка. До сих пор стоит перед глазами. Синяя рубашка в клетку. Один парень расхохотался, потом, понизив голос, выругался. Я не знал, что и сказать. Когда тебя вот-вот побьют, тем для разговора вообще немного, так что я помалкивал.

– Хочешь подстричься, грязер? – средних размеров блондин вытащил из заднего кармана нож, раскрыл его.

Тут я наконец придумал, что сказать.

– Нет.

Я попятился подальше от ножа. Ну и, разумеется, наткнулся на одного из вобов. Они меня вмиг повалили. Руки-ноги прижали к земле, один уселся мне на грудь и уперся коленями мне в локти, и если вам кажется, что это не больно, то у вас не все дома. Я чувствовал запах лосьона для бритья – «Английская кожа» – и застарелого табака и тогда еще подумал, дурак, не задохнусь ли до того, как они что-нибудь мне сделают. Мне даже этого хотелось, до того я испугался. Я стал вырываться, и у меня даже почти получилось, но тут они навалились посильнее, а тот, что сидел у меня на груди, пару раз мне врезал. Так что я лежал смиренно, только ртом воздух хватал и огрызался. Мне к горлу приставили нож.

– А если стрижка начнется чуть ниже подбородка?

Тут до меня дошло, что меня могут убить. Я слетел с катушек. Заорал – Газ, Дэрри, хоть кто-нибудь. Мне стали зажимать рот рукой, и я

вцепился в эту руку со всех сил, чувствуя, как бежит по зубам кровь. Я услышал, как кто-то выругался себе под нос, мне снова врезали и стали совать в рот носовой платок. Один парень все повторял:

– Заткните его, да заткните же!

Потом послышались крики, раздался топот, вобы подскочили, а я остался лежать на земле, хватая ртом воздух. Лежал там и думал, что вообще происходит – кто-то перепрыгнул через меня, кто-то пробежал мимо, а у меня голова шла кругом, и я не соображал ничего. Тут кто-то ухватил меня под мышки и рывком поставил на ноги. Оказалось – Дэрри.

– Ты в порядке, Понибой?

Лучше бы он меня не тряс. Меня и без того мутило. Но я понял, что это Дэрри – и по голосу, и по тому, что Дэрри всегда со мной грубо обращается, даже когда не нарочно.

– Нормально все. Не тряси меня, Дэрри. Я в норме.

Он тут же перестал.

– Извини.

Это он для виду. Дэрри никогда и ни за что не извиняется. Я все думаю, до чего же странно, что он – вылитый отец, а ведет себя с точностью до наоборот. Отцу было всего сорок, когда он погиб, а выглядел он на двадцать пять, и многие думали, что папа с Дэрри не отец с сыном, а братья. Но они только внешне похожи – отец никому не грубил без причины.

В Дэрри шесть футов и два дюйма росту, он широкоплечий и мускулистый. У него темно-каштановые волосы, спереди вечно спутанные, а сзади все в вихрах – точь-в-точь как у папы, но вот глазами Дэрри ни на кого не похож. Глаза у него – будто две прозрачных бледно-зеленых льдинки. Взгляд у него очень решительный, как и он сам. Он выглядит старше своих двадцати – он крутой, классный и умный. Если б не эти его холодные глаза, он был бы прямо очень красивым. Ничего, кроме простых, голых фактов, он не признает. Зато головой думает.

Я снова уселся на землю, потер щеку, куда мне сильнее всего врезали.

Дэрри сунул кулаки в карманы.

– Не сильно они тебя, нет?

Сильно. У меня все тело саднило и болело, грудь ныла, и я так разнервничался, что у меня руки тряслись, и реветь хотелось, но Дэрри этого не скажешь.

– Нормально я.

Газ прискакал обратно. Тут я уже сообразил, что за шум я слышал – это банда примчалась меня спасать. Он шлепнулся на землю рядом со

мной, осмотрел мою голову.

– Что, Понибой, порезали тебя немножко?

Я только тупо на него уставился:

– Порезали?

Он вытащил носовой платок, смочил кончик слюной и осторожно прижал его к моей голове.

– Как свинью – кровь идет.

– Кровь идет?

– Сам погляди! – он показал мне платок, который будто по волшебству стал красным. – Они что, с ножом на тебя полезли?

Я вспомнил голос: «Хочешь подстричься, грязер?» Наверное, они задели меня лезвием, когда пытались заткнуть мне рот.

– Ага.

Я не знаю никого красивее Газа. Он красивый не как Дэрри – Газ красивый, как кинозвезда, такой красивый, что на него люди на улицах оборачиваются. Он пониже Дэрри и слегка поменьше, зато лицо у него выразительное, с тонкими чертами и он как-то ухитряется казаться сразу и задумчивым, и бесшабашным. У него темно-золотые волосы, которые он зачесывает назад, – длинные, гладкие и прямые; а летом они так выгорают на солнце, что становятся ослепительного пшенично-золотистого цвета. Глаза у него темно-карие – живые, веселые глаза, которые могут смотреть на тебя с нежностью и сочувствием – а потом вдруг вспыхнуть от ярости через секунду. Глаза у него папины, но Газ такой один. Он пьянеет, когда танцует или участвует в гонках, и при этом к алкоголю даже близко не подходит. На нашей стороне почти все парни пьют – хотя бы изредка. Но Газ не пьет вовсе – ему и не нужно. Он пьянеет просто от жизни. И он всех понимает.

Газ глянул на меня повнимательнее. Я поспешно отвернулся, потому что, сказать по правде, уже хлюпал носом. Я знал, что я весь белый, и чувствовал себя так же, и трясся, как лист.

Газ только руку на плечо мне положил.

– Ну-ну, Понибой. Они тебя больше не тронут.

– Знаю, – ответил я, но тут земля у меня под ногами стала расплываться, и по щекам покатались горячие слезы. Я раздраженно смахнул их. – Напугался только, и все.

Я судорожно вздохнул и перестал плакать. Нельзя перед Дэрри плакать. Разве что тебе досталось, как тогда Джонни, когда мы нашли его на парковке. А по сравнению с Джонни мне так и вообще не досталось.

Газ взъерошил мне волосы:

– Ты, Пони, парень что надо.

Я невольно улыбнулся – Газ кого хочешь развеселит. Наверное, это потому, что он сам все время улыбается.

– Газ, вот ты псих, ты совсем ненормальный.

Дэрри смотрел на нас так, будто хотел нас стукнуть лбами.

– Оба вы чокнутые.

Газ только бровь вздернул, этому он у Смешинки научился.

– Похоже, у нас это семейное.

Дэрри уставился на него, но потом тоже расплылся в улыбке. Газировка один не боится Дэрри и обожает его дразнить. Я б матерого гризли и то охотнее бы подразнил, но Дэрри как будто даже любит, когда Газ его дразнит.

Ребята из нашей банды гнались за вобами до самой машины, швыряясь в них камнями. Теперь они бежали назад, к нам – четверо поджарых, крепких парней. Матерые ребята, это по ним сразу видно. Я вырос вместе с ними, и они считают меня своим, хоть я и младше, потому что я – братишка Дэрри и Газа и еще умею держать рот на замке.

Стиву Рэндлу – семнадцать, он высокий и худой, у него густые набриолиненные волосы, которые он вечно зачесывает в замысловатый кок. Он смысленый и пронырливый, и они с Газом – лучшие друзья с первого класса. Стив специализировался на машинах. Никто не мог скрутить колпак с машины быстрее и тише него, а кроме того, он машины знал вдоль и поперек и мог водить все что угодно, лишь бы колеса были. Они с Газом вместе работали на заправке, Стив – неполный день, Газ – полный, и клиентов у них было больше всех в городе. То ли потому, что Стив так хорошо разбирался в машинах, то ли потому, что к Газу девчонки слетались как мухи на мед, уж сказать не могу. Стив мне нравился только потому, что он был лучший друг Газа. Ему я не нравился, для него я был «хвостик» и малышня. Газ всегда брал меня с собой, если они с ним куда-нибудь шли без девчонок, и Стива это бесило. Но я тут был ни при чем, Газ сам меня звал, я с ним не просился. Газ меня малышней не считает.

Старше всех – Смешинка, и он же в банде главный остряк. Росту в нем где-то футов шесть, он крепко сложен и очень гордится своими рыжеватыми бакенбардами. У него серые глаза и улыбка до ушей, и даже помирай он – все равно будет отпускать шуточки. Его просто-напросто не заткнешь, как будто ему смешинка в рот попала. Отсюда и прозвище. Даже учителя уже забыли, что на самом деле его зовут Кейт, да и мы редко вспоминаем, что у него вообще-то имя есть. Жизнь для Смешинки – одна затяжная шутка. Он славился выкидным ножом с черной рукояткой и

умением ловко воровать в магазинах (а иначе и ножа у него бы не было), и еще он вечно паясничал перед копами. Не мог удержаться, и все тут. Над каждым его словом не хочешь, а будешь смеяться, вот его и подмывало потешаться над копами, чтобы хоть как-то скрасить их унылую жизнь. (Это он мне так объяснил.) Он любит драки, блондинок и – по какой-то необъяснимой причине – ходить в школу. В свои восемнадцать с половиной он по-прежнему младшеклассник, и так ничему и не научился. Он ходит туда просто потехи ради. Вот он мне нравился, и даже очень, потому что с ним мы вечно смеялись над самими собой да и над чем хочешь. Он мне напоминал Уилла Роджерса – может, из-за улыбки.

Но если вы спросите, кто в банде самая заметная фигура, я скажу, что это Даллас Винстон – Далли. Я любил его рисовать, когда он был на взводе, потому что тогда его характер можно передать буквально двумя штрихами. У него лицо как у эльфа, скуластое и с острым подбородком, зубы мелкие и острые, как у зверька, а уши – как у рыси. Волосы у него такие светлые, что почти белые, и он не признает никаких там стрижек, никакого масла для волос, поэтому волосы падают ему на лоб рваными прядями, сзади торчат вихрами и кудрявятся за ушами и на затылке. У него голубые, пронзительно ледяные глаза, в которых застыла ненависть ко всему миру. Далли три года прожил в бандитском Нью-Йорке, его впервые арестовали, когда ему было десять. Тонкая грань, которая отделяет грязера от бандита, в Далли была неразличима. Он был такой же бедовый, как хулиганы из южных кварталов, вроде банды Тима Шепарда.

В Нью-Йорке Далли выпускал пары в драках банда на банду, но здесь организованные банды – редкость, вместо них тут группки друзей, которые держатся вместе, а война здесь идет между социальными классами. Когда мы собираемся схлестнуться, это обычно означает, что двое чего-то не поделили, и тут как раз мимо проходили все их друзья. Ну-да, у нас есть даже банды с названиями, Речные Короли, например, и Тигры с Тибер-стрит, но тут, на юго-западе, соперничающих банд нет. Поэтому Далли, конечно, время от времени ввязывался в хорошую драку, но ненавидеть ему было особо и некого. Ни с какой бандой мы не воевали.

Только с вобами. А их не победить, хоть ты что делай, потому что им все потакают, и даже если мы их отлупим, ничего от этого не изменится. Может, Далли потому и был такой злой.

О Далли ходила слава. В полиции на него было целое досье. Его арестовывали, он напивался, он участвовал в родео, врал, мошенничал, воровал, обчищал карманы у пьяных, колотил детишек – в общем, чего только ни делал. Он мне не нравился, но он был умный и его волей-неволей

приходилось уважать.

Последним – и самым мелким – был Джонни Кейд. Представьте себе маленького черного щенка, который мечется в толпе, среди чужих людей, а его все пинают, и получите Джонни. Он был самым младшим, мне почти ровесник, худощавый вдобавок, меньше всех остальных. Глаза у него большие и черные, а лицо загорелое, угольно-черные волосы он густо смазывает бриолином и зачесывает набок, но они до того длинные, что вечно падают ему на глаза растрепанной челкой. На всех он смотрит нервно и подозрительно, особенно после того, как его вобы отделали. В банде он был любимчиком, младшим братишкой. Отец вечно лупил его, а матери до него дела не было, и только если что-нибудь было не по ней, она орала на него так, что у нас дома слышно было. Как по мне, а это для него было еще похуже взбучки. Если б не мы, он бы уже миллион раз из дому сбежал. Если б не банда, Джонни в жизни бы не знал, что такое любовь и теплота.

Я поспешно вытер глаза:

– Ну чего, поймали?

– Не-а. Успели свалить, вонючие... – Смешинка жизнерадостно обругал вобов всеми словами, какие он знал или выдумал.

– Малыш в порядке?

– Я в порядке.

Я не знал, что еще сказать. В компании я все больше помалкиваю, даже когда я с бандой. Я сменил тему.

– Я и не знал, Далли, что тебя уже выпустили.

– За хорошее поведение. Отъехал пораньше.

Даллас зажег сигарету и протянул ее Джонни. Все присели – покурить, передохнуть. После перекура всегда полегче делается. Я перестал дрожать и был уже не таким бледным. Сигарета меня успокоила. Смешинка вскинул бровь.

– Синяк у тебя что надо, парень.

Я осторожно потрогал щеку.

– Правда?

Смешинка важно кивнул.

– И порез классный. Кейфово выглядишь.

Кейфово и кайфово – два разных слова. Кейфово – значит круто, кайфово – модно, клево, например, пластинка может быть кайфовой, или тачка. У нас и то, и другое считается комплиментом.

Стив стряхнул пепел в мою сторону.

– Ты чего это придумал – одному шататься?

Ну кому как не старине Стиву об этом вспомнить.

– Я шел домой из кино. Я не думал...

– Ты вообще не думаешь, – перебил меня Дэрри, – ни дома, нигде, особенно когда надо. В школе думаешь, потому что оценки приносишь хорошие, и от книжек тебя не оторвать, но ты хоть раз головой своей здраво подумал? Нет, сэр, куда уж там. И раз уж тебе так приспичило пойти одному, хоть бы нож захватил.

Я ничего не отвечал, только дырку в кроссовке разглядывал. Мы с Дэрри друг друга просто не понимаем. Ничем ему не угодишь. Возьми я нож с собой, так он наорал бы на меня за то, что с ножом таскаюсь. Принесу из школы четверку, так ему нужны пятерки, а принесу пятерку, так он обязательно скажет, чтоб больше никаких четверок. Пойду играть в футбол – нет, надо учиться, а возьмусь за книжку – нет, лучше б шел играть в футбол. На Газировку он никогда не орал, даже когда тот школу бросил, он не орет, даже когда Газу влепят штрафы за превышение скорости. Он только на меня орет.

Газ вскинулся:

– Слышь ты, отвали от моего братишки! Он не виноват, что в кино ходить любит, и не виноват, что вобы нас пасут, и будь у него нож, то-то у них был бы повод порезать его на лоскуты.

Газ всегда за меня вступается.

Дэрри раздраженно ответил:

– Когда я захочу, чтоб один младший брат меня поучил, как мне с другим моим младшим братом себя вести, обязательно тебя спрошу... братишка.

Но после этого он от меня отцепился. Газа он обычно слушает. Ну почти всегда.

– В следующий раз попроси, чтоб кто-нибудь из нас с тобой сходил, – сказал Смешинка. – Тебе никто не откажет.

– Кстати, о киношке, – Далли зевнул, щелчком отбросил окурочок, – я завтра вечером собираюсь в «Двойной сеанс». Кто со мной, поискать приключений?

Стив покачал головой.

– Мы с Газом завтра на игру собрались, вместе с Эви и Сэнди.

И не обязательно было на меня так смотреть. Я и не собирался с ними проситься. Газу я об этом, конечно, никогда не скажу, потому что Стив ему очень нравится, но я Стива Рэндла иногда просто терпеть не могу. По правде. Иногда я его просто ненавижу.

Дэрри вздохнул, я от него ничего другого и не ожидал. У Дэрри теперь ни на что не было времени.

– Я завтра вечером работаю.

Далли поглядел на остальных.

– А вы? Смешинка? Джонни-кекс, вы с Пони пойдете?

– Мы с Джонни пойдём, – сказал я. Я знал, что Джонни по собственной воле и рта не раскроет. – Можно, Дэрри?

– Можно, раз в школу потом не идти.

Это по выходным Дэрри меня куда хочешь отпускает. Но если наутро в школу, он мне и носа из дому высунуть не дает.

– Я планировал завтра вечером хорошенько накидаться, – сказал Смешинка, – но если не выйдет, подойду к вам.

Стив глядел на руку Далли. У того на пальце снова красовалось кольцо, которое он снял с пьяного старшеклассника.

– Вы с Сильвией снова разбежались?

– Да, и теперь насовсем. Эта дрянь опять мне рога наставила, пока я в тюрьме сидел.

Я представил себе Сильвию, Эви, Сэнди и всех бесчисленных блондинок Смешинки. Только такие девчонки на нас внимание и обращают, думал я. Бойкие, крикливые девчонки с густо накрашенными ресницами, девчонки, которые слишком часто хихикают и слишком много ругаются. Хотя вот Сэнди, девчонка Газа, мне даже нравилась. Она была натуральной блондинкой, а взгляд ее ярко-голубых глаз был таким же мягким, как и ее смех. У нее ни дома хорошего не было, ничего такого, она была из наших – из грязеров, – но девчонка она что надо. Но я все равно часто задавался вопросом, а другие девчонки – какие они? Ясноглазые девчонки, которые носят платья пристойной длины и ведут себя так, будто при первом удобном случае готовы в нас плюнуть. Некоторые нас просто побаивались, ну и, зная Далласа Уинстона, я их понимаю. Но большинство просто смотрело на нас как на мусор – так же, как вобы, когда те проносились мимо в своих «мустангах» и «корвейрах» и вопили, что мы «Гряааазь!». И я все думал про них. Про девчонок, в смысле... Плакали ли они, когда их парней арестовывали, как Эви, например, когда замели Стива, или просто-напросто бросали их, как Сильвия – Далласа? Хотя, наверное, их парней не арестовывали, и не избивали, и не лупцевали на родео.

Я все раздумывал об этом, когда делал домашку вечером. Нам по английскому задали читать «Большие надежды», и пацан этот, Пип, мне нас самих напоминал – ему все казалось, будто на нем клеймо какое-то, потому что он, значит, не джентльмен и потому, что девчонка на него свысока смотрит. Со мной такое однажды было. На биологии надо было препарировать червяка, а лезвие было тупое, ну я и вытащил свой

выкидной нож. И едва я лезвием щелкнул – я забылся тогда, а то в жизни бы нож не вытащил, – как сидевшая справа девчонка как-то так ахнула и сказала: «Значит, правду говорят. Ты хулиган». Мне от этого не сказать, чтоб клево стало. В классе было полно вобов – меня вечно записывают в интенсивы, потому что я вроде как умный – и им это показалось очень смешным. А вот мне – не очень. Девчонка была симпатичная. Желтый цвет ей здорово шел.

Мы, конечно, чаще всего за дело получаем, думал я. Даллас – так всегда получает за дело, и сказать по правде, мало ему еще. А Смешинка... Смешинке не нужно и половины того, что он тырит из магазинов. Ему просто кажется, что это весело – тырить все, что не приколочено. Правда я понимаю, почему Газировка со Стивом вечно ввязываются в драки и ночные гонки – у них у обоих слишком много энергии, слишком много чувств, а выплеснуть это все особо и некуда.

– Сильнее проминай, Газ, – услышал я бормотание Дэрри. – А то меня усыпишь.

Я поглядел в открытую дверь. Газировка массировал Дэрри спину. Дэрри ее снова потянул, он кладет крыши, и вечно затаскивает наверх по две коробки черепицы вместо одной. Я знал, что Газ его усыпит, Газ, когда захочет, кого угодно усыпить может. Ну и он считает, что Дэрри слишком много работает. Я с ним согласен.

Дэрри не заслужил того, чтобы вкалывать как старикан, когда ему всего двадцать. В школе его все просто обожали, он был капитаном футбольной команды и его выбрали Парнем года. Но у нас просто не хватило денег, чтобы отправить его в колледж, даже с его спортивной стипендией. А теперь он с одной работы бежит на другую, ему о колледже и думать некогда. Поэтому больше он ничего не делал, и никуда, кроме спортзала, не ходил – разве что изредка выбирался со старыми друзьями покататься на лыжах.

Я потер щеку, которая стала лиловой. Погляделся в зеркало – выглядел я круто. Но Дэрри заставил меня залепить порез пластырем.

Я вспомнил, как жутко Джонни выглядел, когда его побили. Я имел такое же право ходить по улицам, как и вобы, а Джонни так вообще им в жизни ничего плохого не сделал. За что вобы нас так ненавидят? Мы к ним не вяжемся. Раздумывая над этим, я чуть не заснул над книгой.

Газировка, который уже давно улегся, сонно прикрикнул, чтоб я выключал свет и шел спать. Я дочитал главу и лег.

Я лежал рядом с Газом, уставясь в стену, и перед глазами у меня стояли лица обступавших меня вобов и синяя клетчатая рубашка, в

которую был одет тот блондин, и я снова услышал хриплый голос: «Хочешь подстричься, грязер?» Я поежился.

– Мерзнешь, Понибой?

– Немножко, – соврал я.

Газ обнял меня за шею. Забормотал сонно:

– Слышь, парень, когда Дэрри на тебя орет... он это не со зла. У него просто проблем больше, чем ему по возрасту положено. Не принимай все всерьез... понимаешь, Пони? Не заводись из-за него. Он очень тобой гордится, потому что ты вон какой умник. Просто ты у нас младшенький... короче, он тебя очень любит. Понял?

– Как не понять, – ответил я, стараясь, чтоб Газ не заметил сарказма. – Газ?

– А?

– А почему ты школу бросил?

Этого я так и не смог понять. Трудно смириться с тем, что он бросил учебу.

– Потому что я тупой. Я нормально сдать мог только физкультуру и автомеханику.

– Ты не тупой.

– Тупой, тупой. Ты помолчи лучше, я тебе расскажу кое-что. Только Дэрри не говори.

– Ладно.

– Я, наверное, женюсь на Сэнди. Когда она школу закончит, а я работу получше найду, типа того. Хотя, может, придется подождать, пока ты школу закончишь. Чтобы Дэрри пока с деньгами помогать – счета, все такое.

– Кайфово. Но ты погоди, дай я школу закончу, а то кто будет Дэрри окорачивать.

– Не надо так, парень. Сказал же, он, когда говорит, почти ничего такого не думает...

– Ты влюблен в Сэнди? Ну и как это?

– Хмммммм, – он счастливо вздохнул. – Очень классно.

И уже через секунду он задышал тихо и размеренно. Я повернул голову, чтобы взглянуть на него, и в лунном свете он был все равно что сошедший на землю греческий бог. Я подумал, как же он сам выносит собственную красоту. Потом вздохнул. Я не очень понял, что он там говорил насчет Дэрри. Для Дэрри я – лишний рот, мальчик для битья. Дэрри меня любит? Я представил себе его прозрачные, суровые глаза. Тут Газ в кои-то веки ошибся, думал я. Дэрри ничего и никого не любит, ну разве что Газа. Я и сам с трудом вспоминал, что он вообще человек. Ну и

наплевать, врал я себе. Мне на него наплевать тоже. У меня есть Газ, и Газ будет со мной, пока я школу не закончу. Плевал я на Дэрри. Но я врал, и сам знал, что вру. Я себе все время вру. И сам себе никогда не верю.

Глава вторая

Далли дожидался нас с Джонни под фонарем на углу Пикетт и Саттон-стрит, ну и раз уж мы пришли рано, у нас осталось время, чтоб пошататься по торговому центру. Мы купили кока-колу, поплевались бумажными обертками от соломинок в официантку, а потом просто болтались в магазине, приглядывались к вещам, которые так и просились в руки, пока продавец не просек в чем дело и не предложил нам пройти на выход. Опомнился он правда поздновато: Далли прошел на выход с двумя пачками «Кула»^[1] за пазухой.

Потом мы перешли дорогу и пошли по Саттон до «Динго». У нас в городе куча мест, где можно смотреть кино из машины, – вобов всегда много «У Расти» или на «Съезде», а грязеры ходят в «Динго» и к «Джею». В «Динго» народ собирается горячий: как туда ни придешь, там вечно драка, а однажды там даже девчонку подстрелили. Мы там походили, поболтали со всеми грязерами, со всеми парнями – просовываясь в окна машин, запрыгивая на задние сиденья, – разузнали все о том, кто в бегах, а кто в тюрьме, кто с кем гуляет, а кто с кем чего не поделил, кто что своровал, и когда, и зачем. Мы там все про всех знали. Пока мы там были, один здоровенный двадцатитрехлетний грязер и автостопер из Мексики успели неплохо так подраться. Мы свалили, когда они повытаскивали ножи, потому что так скоро и копы подтянутся, а кому в своем уме охота легавым на глаза попадаться.

Мы перешли Саттон, срезали путь за «Скидками от Спенсера», магазином, где все продавалось задешево, потом пару минут гоняли по полю двух младшекласников, ну а когда порядком стемнело, перелезли через забор и пробрались в «Двойной сеанс». Это был самый большой в городе открытый кинотеатр, по вечерам там показывали по два фильма подряд, а по выходным – четыре, можно было сказать, что идешь в «Двойной сеанс», и за это время хоть весь город обойти.

Деньги на проход у нас были – если ты не на машине, билет стоит всего четвертак, – но Далли терпеть не может делать все по закону. Он любит показывать, будто ему наплевать, мол, есть он, этот закон, или нет его. Только и искал, где б закон нарушить. Мы уселись прямо напротив стойки с едой. Тут никого не было, только в переднем ряду сидели две девчонки. Далли невозмутимо их оглядел, а потом прошел до конца ряда и

уселся прямо за ними. У меня появилось нехорошее чувство, что Далли и тут решил взяться за старое, и я оказался прав. Он начал разговаривать – довольно громко, чтобы девчонки слышали. И начал-то с гадостей, а потом и вовсе разошелся. Даллас, если захочет, может быть жутким пошляком, ну и, похоже, тогда ему как раз захотелось. У меня полыхали уши. Смешинка, Стив, да даже Газ, ему подпели бы, просто ради того, чтобы девчонок смутить, но я таких шуток не понимаю. У меня как будто язык отнялся, а Джонни вскочил и сбежал за кока-колой.

Если б девчонки были из наших, из грязерш, я б не так растерялся – и, как знать, может даже помог бы старине Далласу. Но эти двое были не из наших. Выглядели они кайфово – модно одетые и прямо симпатичные. Лет им на вид было шестнадцать-семнадцать. Одна – брюнетка с короткими волосами, у второй волосы были длинные и рыжие. Рыжая то ли злилась, то ли боялась. Она вся вытянулась в струнку на стуле и яростно жевала жвачку. Другая делала вид, будто не слышит Далли. Далли потихоньку закипал. Он закинул ноги на спинку стула рыжей девчонки, подмигнул мне и побил свой собственный рекорд по пошлым высказываниям. Девчонка обернулась и холодно на него взглянула.

– Убери ноги и рот закрой.

Черт, до чего же она была красивая. Я ее знал, чирлидерша из нашей школы. Мне всегда казалось, что она задавака.

Далли только взглянул на нее, но ноги не убрал.

– Ну и кто меня заставит?

Вторая, надувшись, разглядывала нас.

– Это тот грязер, который у Слэш Джей^[2] иногда жокеем подрабатывает, – сказала она, как будто мы рядом не сидели и ее не слышали.

Этот тон я миллион раз слышал. «Грязер... грязер... грязер». О да, слишком часто этот тон приходилось слышать. А они-то что делают в автокинотеатре без машины, подумал я, а Даллас сказал:

– Я вас знаю. Видал вас на родео.

– Ты бы так на быке держался, какобычиваешься, – холодно сказала рыжая и отвернулась.

Далли и глазом не моргнул.

– А вы, значит, вокруг бочек скачете?^[3]

– Отстань, – огрызнулась рыжая, – не то колов позову.

– Ой-ой-ой, – со скучающим видом отозвался Далли, – ты прямо до смерти меня напугала.

Крошка, тебе стоит мой список судимостей на досуге полистать. – Он лукаво ухмыльнулся. – Догадайся, за что я сидел?

– Пожалуйста, отстань, – сказала она. – Отстань, будь паинькой.

Далли лихо хохотнул.

– А я не паинька. Кока-колу хочешь?

Тут она уже порядком завелась.

– Да помирай я от жажды в пустыне, и то не стала бы ее пить. Отвали, придурок!

Далли только плечами пожал и вразвалочку ушел.

Девчонка посмотрела на меня. Меня она слегка пугала. Я вообще слегка побаиваюсь таких вот приличных девчонок, особенно которые из вобов.

– Ну что, теперь ты к нам привяжешься?

Я вытаращил глаза, помотал головой:

– Не-а.

Она неожиданно улыбнулась. Блин, какая же она была красивая.

– Да ты и не из таких, похоже. Как тебя зовут?

Эх, лучше бы она не спрашивала. Терпеть не могу, когда приходится впервые говорить, как меня зовут.

– Понибой Кертис.

Я думал, она скажет: «Да ладно?!», или «Что, тебя правда так зовут?» или еще что-нибудь в этом роде, что мне обычно говорят. Меня правда зовут Понибой и лично мне мое имя нравится.

Но рыжая только улыбнулась.

– Красивое, необычное имя.

– Мой отец был необычным человеком, – сказал я. – У меня есть брат, которого зовут Газировка, в свидетельстве о рождении прямо так и записано.

– А меня зовут Шерри, но все называют меня Черри, как помидорку, – из-за волос. Черри Баланс.

– Я знаю, – сказал я. – Ты чирлидерша. Мы с тобой в одной школе учимся.

– Ты наш ровесник? А по виду и не скажешь, – заметила брюнетка.

– Не ровесник. Я перескочил через класс.

Черри глядела на меня.

– Такой приличный и смышленный парень, а водишься с такими отбросами. Зачем?

Я напрягся.

– Я тоже грязер, как и Далли. Он мой приятель.

– Извини, Понибой, – мягко сказала она. И поспешно сменила тему: – А твой брат, Газировка, работает на заправке, верно? На «Ди-Икс», по моему.

– Ага.

– Чувак, брат у тебя прямо модель. Могла бы, кстати, догадаться, что вы с ним братья – вы похожи.

Я разулыбался от гордости – на Газа я ни капли не похож, но ведь не каждый день вобы тебе говорят, что у тебя брат – модель.

– А он ведь тоже раньше выступал на родео? С седлом на необъезженной лошади?

– Да. Папа ему запретил выступать, когда он сухожилие порвал. Но мы по-прежнему на родео часто бываем. Я видел, как вы вдвоем вокруг бочек скачете. У вас здорово получается.

– Спасибо, – сказала Черри, а вторая девчонка, которую звали Марсия, сказала:

– Что же тогда твоего брата в школе не видно? Ему же лет шестнадцать-семнадцать, не больше.

Это меня царапнуло. Говорю же, для меня хуже нет, что Газ недоучился.

– Он бросил школу, – грубо ответил я.

Когда говоришь «бросил школу», представляешь себе какого-нибудь нищего тупого хулигана, который слоняется по улицам и бьет стекла в фонарях, – этот образ совсем не вяжется с моим весельчаком-братом. Далли в него прекрасно вписывается, но вот про Газа такого никогда не скажешь.

Тут вернулся Джонни, сел рядом. Огляделся в поисках Далли, застеснявшись девчонок, еле-еле выдавил «Привет» и уставился на экран. Но вообще он нервничал. В незнакомой компании Джонни всегда нервничает. Черри поглядела на него – оценивающе, как на меня. Потом она тепло улыбнулась, и я понял, что оценила она его как надо.

Вернулся Далли, в руках у него было несколько банок с колой. Он вручил девчонкам по банке и уселся рядом с Черри.

– На, поостынь.

Она изумленно глянула на него и как плеснет колой ему в лицо.

– Поостынь и ты, грязер! А когда рот вымоешь и научишься прилично себя вести и с людьми общаться, может, и я поостыну.

Далли вытер лицо рукавом и опасно улыбнулся. Был бы я на месте Черри, уже улепетывал бы отсюда. Эту улыбку я уже видел.

– Злючка, значит? Такие мне и нравятся.

Он хотел было ее приобнять, но Джонни перехватил его руку.

– Отстань от нее, Далли.

– Что?

Далли растерялся. Он озадаченно уставился на Джонни. Джонни у нас обычно тише воды. Джонни сглотнул и, слегка побледнев, сказал:

– Что слышал. Отстань от нее.

Даллас помрачнел. Скажи такое я, Смешинка, Газ или Стив, да кто угодно, кроме Джонни, Далли бы его раскатал и глазом не моргнув. Никто не указывает Далли Уинстону, что ему делать. Однажды в магазине «Все по десять центов» он стоял возле полки со сладостями и какой-то парень попросил его подвинуться. Далли развернулся и врезал парню так, что зуб ему выбил. Просто незнакомому человеку врезал. Но Джонни в банде был всеобщим любимцем, и Далли не мог его ударить. Далли ведь его тоже любил. Далли вскочил, сунул кулаки в карманы и, нахмурившись, ушел. И больше не возвращался.

Черри вздохнула с облегчением.

– Спасибо. Он до смерти меня напугал.

Джонни даже удалось восхищенно улыбнуться.

– А по тебе и не сказать было. С Далли так никто не разговаривает.

Она улыбнулась.

– Кроме тебя, как я посмотрю.

У Джонни запылали уши. Я все таращился на него. Джонни ведь не просто храбрости набрался, чтоб такое Далли сказать, – Джонни готов был землю целовать, по которой Далли ходит, я в жизни не слышал, чтоб Джонни кому-нибудь хоть слово поперек сказал, а уж тем более – своему кумиру.

Марсия рассмеялась. Она была чуть пониже Черри. Миленькая, конечно, но куда там до Черри Баланс.

– Садитесь с нами. Будете нас защищать.

Мы с Джонни переглянулись. Он вдруг широко улыбнулся, вскинув брови, так что они уползли под челку. В глазах у него явно читалось – будет что парням рассказать! Мы склеили двух девчонок, и шикарных, не каких-нибудь там. Нет, девах-грязерш нам не надо, нам подавай высшее общество. Газ очумеет, когда я ему расскажу.

– Ладно, – небрежно ответил я, – можем и пересесть.

Я сел между ними, а Джонни сел рядом с Черри.

– А лет вам сколько? – спросил Марсия.

– Четырнадцать, – сказал я.

– Шестнадцать, – сказал Джонни.

– Надо же, – сказала Марсия, – а я думала, вам обоим по...

– Шестнадцать, – договорила за нее Черри.

За это я был ей очень признателен. Джонни знал, что ему на вид больше четырнадцати не дашь, и здорово переживал из-за этого.

Джонни засмеялся.

– А чего это вы нас не боитесь, Далли же вы испугались.

Черри вздохнула.

– Вы слишком милые, вас не испугаешься. Ну, во-первых, ты молчал, когда Даллас говорил пошлости, а ты заставил его от нас отвяжаться. А когда мы предложили вам пересечь к нам, вы не стали вести себя так, будто мы вам предлагаем провести с нами вечер. Кроме того, я слышана о Далласе Уинстоне, и вживую он выглядит раза в два злее и страшнее. А у вас вид не злобный.

– Ну да, – устало отозвался я, – мы юные и невинные.

– Нет, – медленно сказала Черри, внимательно глядя на меня, – не невинные. Слишком много вы всего повидали. Просто вы не... пошлые.

– Далли нормальный, – заступился за него Джонни, и я кивнул.

За друзей надо горой стоять, что бы они ни сделали. Мы банда, а в банде все друг за друга. Если за своих не стоять, вместе не держаться, не быть братьями, то это, считай, и не банда. Это уже свора. Рычащая, подозрительная, вечно грызущаяся свора, вроде вобов в их высшем обществе или нью-йоркских уличных банд, или волков в лесу.

– Он злой, конечно, но парень классный.

– Он отстал бы, если б вас знал, – сказал я, и это была правда.

Когда к Стиву приезжала погостить двоюродная сестра из Канзаса, Далли вел себя с ней прилично и при ней старался не выражаться. Мы все себя так вели с такими вот двоюродными девчонками. Не знаю, как и объяснить – мы все стараемся себя прилично вести с девчонками, которых видим время от времени, с двоюродными сестрами, например, или одноклассницами, но стоит какой-нибудь симпатичной девчонке пройти мимо нас по улице, как мы все равно провожаем ее взглядами и говорим всякие гадости. Не спрашивайте, почему так. Сам не знаю.

– Что ж, – решительно сказала Марсия, – тогда я рада, что он нас не знает.

– Я им, пожалуй, восхищаюсь, – тихонько сказала Черри, так что только я ее услышал, и мы стали смотреть фильм.

Да, и мы узнали, почему они были без машины. Они приехали со своими парнями, но бросили их, когда выяснилось, что парни запаслись алкоголем. Парни разозлились и укатили.

– Да и пусть катятся, мне все равно, – раздраженно сказала Черри. – Сидеть в машине и смотреть, как кто-то напивается? Такие развлечения не по мне.

Она так это сказала, что сразу понимаешь, по ней, наверное, только какие-нибудь изысканные развлечения и, наверное, недешевые. В общем, они все равно решили посмотреть фильм, раз уж приехали. Фильм был какой-то пляжный – ни сюжета, ни актерской игры, толпа девушек в бикини и развеселые песни, так что мы ничего не потеряли. Мы молча сидели там вчетвером, как вдруг одна крепкая рука ухватила за плечо Джонни, вторая – меня, и раздался грубый голос:

– Ну все, грязеры, вы доигрались.

Я чуть из штанов не выпрыгнул. Все равно как если б на тебя кто-нибудь из-за двери выскочил с криком: «Бу-у!»

Я испуганно оглянулся – за спиной у меня стоял Смешинка, скалясь как Чеширский Кот.

– Господи, Смешинка, ты нас до смерти напугал!

У него здорово получалось поддельывать голоса, вот и сейчас прорычал точь-в-точь как вобы разговаривают. Тут я взглянул на Джонни. Он сидел зажмурившись, белый как простыня. Дышал тяжело, хватал ртом воздух. Вот уж кого Смешинке совсем не стоило пугать. Он забыл, наверное. У него ветер в голове. Джонни открыл глаза и еле слышно сказал:

– Привет, Смешинка.

Смешинка взъерошил ему волосы.

– Прости, малыш, – сказал он. – Не подумал.

Он перелез к нам и шлепнулся на стул рядом с Марсией.

– А это кто, ваши двоюродные бабушки?

– Тройродные прабабушки, – не моргнув глазом отозвалась Черри.

Непонятно было, пьян Смешинка или нет. По нему никогда не скажешь – он иногда и трезвый ведет себя так, как будто он под мухой. Он вскинул одну бровь, опустил другую – он так всегда делает, когда удивляется, волнуется, ну или хочет сдохнуть.

– Да тебе все девяносто шесть дать можно.

– А я не возьму, – весело отозвалась Марсия.

Смешинка восхищенно на нее уставился:

– Тебе, подруга, палец в рот не клади. И как это двум грязным хулиганам вроде Пони и Джонни удалось вас склеить?

– Это мы их склеили, – ответила Марсия. – На самом деле мы арабские работорговцы, а их думаем похитить и продать. За каждого дадут по десять верблюдов, не меньше.

– По пять, – возразил Смешинка. – Они по-арабски не говорят, нет, по-моему. Ну-ка, Джонни-кекс, скажи чего-нибудь по-арабски.

– Ой, ну хватит тебе, – вмешался в разговор Джонни. – Далли к ним приставал, а когда он ушел, они нас попросили сесть с ними рядом, чтоб мы их защищали. Наверное, от таких вот остроумных грязеров вроде тебя.

Смешинка рассмеялся, потому что Джонни никогда не был таким бойким на язык. Мы-то радовались, когда из него хоть слово удавалось вытянуть. И вот еще что, мы совсем не обижаемся, когда нас называют грязерами другие грязеры. Получается, что мы вроде как дурачимся.

– Эй, а где, кстати, Далли?

– Пошел искать приключений – выпивку, женщин или драку. Надеюсь, его не посадят снова. Он только что вышел.

– Скорее всего, он нарвется на драку, – бодро объявил Смешинка. – Поэтому я и пришел. Мистер Тимоти Шепард и компания разыскивают человека, любезно порезавшего им все крышишки, и раз уж мистер Кудряха Шепард застукал за этим делом Далли... в общем... У Далли нож с собой был?

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил я. – Вот обрезок трубы у него был, а нож он утром сломал.

– Это хорошо. Если Далли нож не вытащит, Тим будет драться по-честному. Тогда я за Далли спокоен.

Черри и Марсия смотрели на нас во все глаза.

– То есть грубо и нечестно вы не деретесь, так что ли?

– В честной драке нет ничего грубого, – ответил Смешинка. – Грубо – это когда ножи в ход идут. А также цепи, стволы и бильярдные кии. Схлесты – вот это грубо. А на кулаках подраться – что ж тут грубого? Чтоб пар выпустить – самое то. Нет ничего плохого в том, чтоб пару раз дать кому-нибудь по морде. Вот вобы ведут себя грубо. Нападают толпой на одного, или устраивают схлесты между своими же клубами. Мы, грязеры, всегда стоим за своих, а если уж и деремся между собой, то по-честному, один на одного. И поделом Далли, потому что нечего крышишки резать, это тебе не шутка, люди вкалывали, чтобы эти крышишки купить. Да еще и попался, так что сам виноват. Первое наше главное правило – по одному не ходить, а вот второе – не попадаться. Может, его побьют, может, нет. Но в любом случае, кровавой вражды между нашими парнями и парнями Шепарда из-за этого не начнется. Позови мы их завтра на помощь, придут. Если Тим проломит Далли башку, а завтра попросит нас к ним на схлест подвалить, так и мы придем.

Далли куролесил. Далли попался. Ну и получит за это. Все просто.

– Да, чувак, – саркастично сказала Черри, – проще некуда.

– Ага, – беззаботно добавила Марсия. – А если его убьют, например, вы его просто похороните. Все просто.

– Ты все правильно просекаешь, крошка, – улыбнулся Смешинка и закурил. – Сигаретку?

Я с восхищением глядел на Смешинку. Вот уж кто умеет сказать все словами. Да, он до сих пор сидит в начальной школе, в восемнадцать-то с половиной лет, да, и баки у него длинноваты, и пьет он, пожалуй, слишком много, но понимает все – будь здоров.

Черри и Марсия от сигарет отказались, но мы с Джонни стрельнули по одной. Джонни был уже не такой бледный и дышал нормально, но руки у него еще немного тряслись. Сигарета поможет унять дрожь.

– Понибой, сходишь со мной за попкорном? – спросила Черри.

Я вскочил.

– Конечно. Вам принести тоже?

– Мне – да, – сказала Марсия.

Она допивала колу, которую ей принес Далли. Тогда я понял, что Марсия с Черри не похожи. Черри сказала, что не станет пить колу Далли, даже если будет умирать от жажды, и она это всерьез сказала. Для нее это было принципиально. А вот Марсия не видела смысла в том, чтобы выбрасывать абсолютно нормальную бесплатную колу.

– И мне, – сказал Смешинка. Он швырнул мне пятидесятицентовик. – Джонни тоже купи. Я угощаю, – прибавил он, когда Джонни полез в карман.

Мы пошли к стойке с едой, там, конечно, была длиннющая очередь, пришлось постоять. Многие ребята на нас оборачивались – нечасто увидишь пацана-грязера вместе с чирлидершей из вобов. Черри, казалось, ничего не замечала.

– Этот твой друг – у которого баки, – он как, ничего?

– Он не такой опасный как Даллас, если ты об этом. Да, он ничего.

Она улыбнулась, но по глазам было видно, что она о чем-то другом думает.

– Джонни... его когда-то сильно избили? – это был даже не вопрос, скорее утверждение. – Избили и напугали.

– Это были вобы, – нервно ответил я, потому что вокруг ошивалась куча вобов, и многие на меня нехорошо так посматривали, как будто мне нельзя было и приближаться к Черри, как-то так. Да и не люблю я об этом рассказывать – в смысле о том, как Джонни побили. Но я стал рассказывать и заговорил чуть быстрее обычного, потому что думать об этом я не люблю

тоже.

Случилось это почти четыре месяца тому назад. Я шел на заправку «Ди-Икс» – попить газировки, повидаться с Газом и Стивом, потому что они всегда покупали мне пару бутылок и разрешали помочь им с машинами. По выходным я туда не люблю ходить, там обычно толкуются девчонки, которые флиртуют с Газом – всякие девчонки, вобы тоже. Мне пока что до девчонок особого дела нет. Газ говорит, что я это перерасту. Он же перерос.

Была весна, день выдался почти теплый, ярко светило солнце, но когда мы шли домой, уже стемнело и похолодало. Шли мы пешком, потому что машина Стива осталась на заправке. На углу нашего квартала есть широкое поле, где мы часто тусуемся и играем в футбол, и там же проходят все схлесты и кулачные бои. Мы как раз шли мимо этого поля, поддевали ногами камни и допивали последнюю бутылку пепси, когда Стив заметил, что на земле что-то валяется. Он это поднял. Оказалось – голубая джинсовка Джонни, другой куртки у него не было.

– Похоже, Джонни куртку забыл, – сказал Стив и перекинул ее через плечо, чтобы потом занести Джонни.

Но вдруг он остановился и осмотрел куртку повнимательнее. На воротнике было какое-то пятно цвета ржавчины. Он поглядел на землю. На траве тоже были пятна. Он вскинул голову и, изменившись в лице, стал оглядывать поле. И тут, по-моему, мы все разом и услышали тихий стон и увидели, что на другом конце поля лежит что-то темное, неподвижное и бесформенное. Первым до него добежал Газ. Джонни ничком лежал на земле. Газ осторожно его перевернул, и меня чуть не стошнило. Кто-то его здорово отделал.

Мы уже привыкли к тому, что Джонни вечно ходит побитый – отец без конца лупил его, нас это, конечно, еще как бесило, но поделаться с этим мы ничего не могли. Но с этим никакая взбучка не сравнилась бы. Опухшее лицо Джонни было покрыто синяками и порезами, от виска до скулы тянулась широкая рана. Шрам у него на всю жизнь останется. Белая футболка была забрызгана кровью. Я стоял там, и меня вдруг затрясло как от холода. Я даже подумал, что он умер, кто же выживет после таких побоев. Стив на секунду прикрыл глаза, издал сдавленный стон и рухнул на колени рядом с Газом.

Каким-то образом банда почуяла, что стряслось. Рядом со мной вдруг возник Смешинка, и в кои-то веки с его лица исчезла ухмылка, а его смеющиеся серые глаза метали молнии. Дэрри увидел нас с крыльца и,

примчавшись к нам, резко затормозил, чуть не шлепнувшись. Здесь был и Далли, который, выругавшись вполголоса, отвернулся, и лицо у него было такое, как будто ему вот-вот станет дурно. Я тогда еще удивился мимоходом. Далли видел, как в нью-йоркском Вест-Сайде убивали людей. Отчего же сейчас у него такое лицо стало?

– Джонни? – Газ приподнял его, положил его голову себе на плечо. Легонько потряс обмякшее тело. – Эй, Джонни-кекс.

Джонни глаз не открыл, только спросил еле слышно:

– Газ?

– Да, это я, – ответил Газировка. – Помолчи, не разговаривай. Все с тобой будет хорошо.

– Их было много, – сглотнув, сказал Джонни, не послушавшись Газа. – Они набились в голубой «мустанг»... я так испугался...

Он хотел было выругаться, но вдруг расплакался, он пытался бороться со слезами, но не мог, и от этого только громче всхлипывал. Я видел, как папаша охаживал его доской, и Джонни ни разу даже не пикнул. И от этого еще тяжелее было смотреть, как он теперь плачет. Газ все обнимал его, убирал челку с глаз.

– Все нормально, Джонни-кекс, они давно ушли. Все нормально.

Наконец, всхлипывая и задыхаясь, Джонни рассказал, что случилось. Он искал на поле наш футбольный мяч, чтобы отработать удары, и тут рядом с полем остановился голубой «мустанг». В нем сидели четыре воба. Они его поймали – у одного вся рука была в кольцах, поэтому-то у Джонни лицо было так изрезано. Но они не просто избивали его до полусмерти – это бы он пережил. Они его напугали. Чем они ему только не угрожали. Джонни и так вечно на взводе, у него нервы ни к черту потому что у него родители вечно друг на друга орут, а стоит ему показаться дома, как он тут же получает ремня.

Другой бы на его месте взбунтовался бы или ожесточился, но Джонни просто погибал на глазах. Трусом он никогда не был. На схлестах ему цены не было. За банду он стоял горой и при копах рот держал на замке. Но после того, как его избивали, Джонни стал совсем дерганным. Я вообще думал, что он никогда не оправится. Теперь Джонни никогда и никуда не ходил в одиночку. И Джонни, самый законопослушный человек из всех нас, теперь носил в кармане шестидюймовый выкидной нож. И в следующий раз он этот нож достанет. Вот до какой степени они его напугали. Он убьет первого же человека, который вздумает на него напасть. Больше его никто так не избьет. Только через его труп...

Я и забыл почти, что меня Черри слушает. А когда очнулся и поглядел на нее, то увидел, что она белая как мел.

– Не все вобы такие, – сказала она. – Честное слово, Понибой. Мы не все такие.

– Да-да, – ответил я.

– Это все равно что сказать, мол, все грязеры такие же, как Даллас Уинстон. Спорим, он тоже на людей нападал, и не раз.

Я задумался. Она была права. Далли на людей нападал. Он нам такие истории про нью-йоркские грабежи рассказывал, что у меня волосы на затылке дыбом вставали. Но не все мы такие бедовые. Черри уже не была такой бледной, грустной только.

– Наверное, ты думаешь, что вобам все приносят на тарелочке. Богатые детки, высшее общество, шикарная западная сторона. Я тебе вот что скажу, Понибой, ты удивишься. Наши проблемы тебе и не снились. И знаешь что? – она взглянула мне прямо в глаза. – Людям везде несладко.

– Я тебе верю, – ответил я. – Пойдем, отнесем им попкорн, а то Смешинка решит еще, что я драпанул с его деньгами.

Мы вернулись и посмотрели фильм еще раз. Марсия со Смешинкой поладили что надо. Оба любят дурацкие шутки. Но мы с Черри и Джонни просто смотрели фильм и молчали. Я больше ни о чем не волновался и думал, как здорово, когда можно просто сидеть с девчонкой, которая не ругается и не липнет к тебе так, что ее палкой не отгонишь. Я знал, что Джонни это тоже нравится. Он с девчонками вообще не особо разговаривал. Однажды, пока Даллас был в исправительной школе, Сильвия начала было отираться возле Джонни и пудрить ему мозги, но Стив ей доходчиво объяснил, что если она с Джонни эти свои фокусы попробует, он лично из нее всю душу выбьет. Потом он прочитал Джонни целую лекцию насчет девчонок, насчет того, что от таких ушлых штучек вроде Сильвии – одни неприятности. В результате Джонни с девчонками почти и не разговаривал, но я не знал, это он потому что стеснялся или потому что боялся Стива.

А мне такую же лекцию прочел Смешинка, после того, как мы однажды склеили в центре двух девчонок. Странно вообще-то, потому что даже Дэрри считает, что в отношении девчонок у меня голова на месте. Лекция и впрямь получилась очень странной, потому что Смешинка тогда был под мухой и такого мне нарасказывал, что мне хотелось, не знаю, под землю провалиться. Но Смешинка имел в виду девчонок вроде Сильвии, девчонок, которых они с Далли и ребятами склеивали в центре и в автокинотеатрах, про вобов-то он ничего не говорил. Вот я и решил, что

нам, наверное, можно с ними посидеть. Даже если у них там свои проблемы. Но я правда не понимал, с чего бы вобам париться – у них отличные оценки, отличные машины, отличные девчонки, рубашки в клетку, «мустанги» и «корвейры» – блин, думал я, мне бы их проблемы.

Теперь-то я по-другому думаю.

Глава третья

Когда фильм закончился, до нас вдруг дошло, что Черри с Марсией не на чем добираться домой. Смешинка галантно предложил их проводить – западная сторона всего в двадцати милях отсюда, – а они хотели звонить родителям и просить, чтобы те за ними приехали. Смешинка предлагал отвезти их на своей машине и наконец уломал. Похоже, они нас еще побаивались. Впрочем, пока мы ходили к Смешинке за машиной, они почти перестали нас бояться. Мне все казалось так странно, что вобы – ну, если к девчонкам это тоже относится – были такими же, как мы. Им нравились «Битлз», а Элвиса Пресли они считали уже немодным, а мы думали, что «Битлз» – фуфло, а Элвис – кейфовый, но вот и вся разница. Конечно, грязерши вели бы себя побойчее, но в целом ведь – никакой разницы. Я подумал, может, в деньгах все дело.

– Нет, – медленно отозвалась Черри, когда я ей об этом сказал. – Дело не только в деньгах. Отчасти – да, но не только. У вас, грязеров, ценности совсем другие. Вы гораздо эмоциональнее нас. Мы более искушенные – такие опытные, что нас уже ничего и не трогает. Для нас нет ничего настоящего. Знаешь, я, бывает, болтаю с подружкой и вдруг осекаюсь, и понимаю, что и половины правды не говорю. И вовсе я не думаю, что пивная вечеринка на берегу реки – это так уж суперклево, но расхваливаю ее подружке, только чтобы не молчать. – Она улыбнулась. – Я раньше никому об этом не рассказывала. Знаешь, ты, кажется, первый человек, с которым я так разоткровенничалась.

Да уж, со мной она разоткровенничалась – наверное, потому что я грязер, да еще и младше нее, со мной ей не нужно все время быть начеку.

– Мышиная возня, вот что это такое, – сказала она. – Мы вечно куда-то бежим, бежим, бежим, а куда – даже и не спрашиваем. Ты вот знаешь, каково это – иметь больше, чем хочется? Когда тебе больше и хотеть нечего, и тогда ты думаешь, как бы сделать так, чтоб захотеть чего-то еще? Мы как будто все время ищем, чему бы порадоваться, и не находим. Может, если перестанем строить из себя таких опытных, то найдем.

Она говорила правду. Вобы вечно как будто за непрошибаемой стеной прятались, изо всех сил скрывали, какие они на самом деле. Однажды я видел схлест их клуба. Вобы даже дрались невозмутимо, деловито и бесстрастно.

– Вот что нас разделяет, – сказал я. – Не деньги, а чувства. Вы ничего

не чувствуете, а нас чувства захлестывают.

– И, наверное, поэтому, – она старалась скрыть улыбку, – мы по очереди и попадаем в газеты.

Смешинка с Марсией нас даже не слушали. Они несли какую-то им одним понятную дичь.

Про меня тоже часто говорят, что я тихий, почти такой же тихий, как Джонни. Смешинка все повторял, что не понимает, мол, отчего мы с Джонни такие друзья. «Вот, наверное, разговоры у вас интересные, – говорил он, вскидывая бровь, – ты рта не раскроешь, и Джонни помалкивает». Но мы с Джонни понимали друг друга без слов. Один Газ мог меня разговорить. А теперь еще – и Черри Баланс.

Не знаю даже, почему с ней я мог разговаривать. Наверное, и она со мной разговорилась ровно по той же причине, что и я с ней. Не успел я опомниться, как уже рассказывал ей про Микки Мауса, коня Газа. Я никому еще про коня Газа не рассказывал. Это личное.

У Газа был конь буланого цвета, только конь этот был не его. Хозяином коня был дядька, который его держал в конюшнях, где работал Газ. Но вообще, Микки Маус, конечно, был конем Газа. Когда Газ его впервые увидел, то сказал: «Вот это моя лошадка», и я в этом даже и не сомневался. Мне было тогда лет десять. Газировка по лошадям с ума сходит. Seriously. Он вечно торчит на конюшнях или на родео, и при первом удобном случае вскакивает на коня. Когда мне было десять, я считал, что Микки Маус с Газом не только похожи, но и ведут себя одинаково. Микки Маус был буланой, темно-золотой масти, наглый и норовистый, совсем еще жеребчик. Когда Газ его звал, он прибежал. Ни к кому больше он не шел.

Конь этот Газа обожал. Встанет, значит, и давай жевать Газов воротник или рукав. Черт, а уж Газ-то как по этому коню с ума сходил. Каждый день к нему ходил. Характер у Микки Мауса был подлый, он лягал других лошадей, и с ним вечно были проблемы. «Вон какой у меня злюка-пони, – приговаривал Газ, поглаживая его по шее. – И чего ж ты такой злющий, Микки Маус?» Микки Маус в ответ только рукав ему пожует, ну или куснет Газа. Но не сильно. Так что, может, принадлежал он и другому дядьке, но конь этот был Газа.

– И он до сих пор его конь? – спросила Черри.

– Его продали, – ответил я. – Как-то раз пришли и забрали его. Он вообще очень дорого стоил. Чистокровный американский верховой.

Она промолчала, чему я был очень рад. Не мог же я ей рассказать, что после того, как Микки Мауса забрали, Газ еще долго ревел, целую ночь. И, сказать по правде, я тоже тогда плакал, потому что Газу ничего не было

нужно, кроме коня этого, а его у него отняли. Газу тогда было двенадцать, почти тринадцать. Маме с папой он чувств своих не выдал, потому что денег у нас никогда не было, мы обычно концы с концами едва сводили. Если ты вырос в нашем квартале, то к тринадцати годам уже понимаешь что к чему. Я потом еще год копил деньги, надеясь, что когда-нибудь смогу выкупить Микки Мауса и подарить его Газу. В десять лет ума еще немного.

– Ты много читаешь, верно, Понибой? – спросила Черри.

Я удивился:

– Нуда. А что?

Она так, плечом дернула.

– По тебе видно. Спорим, ты еще и на закаты смотришь. – Я кивнул, и она еще потом с минуту молчала. – Я раньше тоже на них смотрела, а теперь все время есть дела поважнее...

Я представил себе, как это, ну или попытался представить. Может, Черри стояла и смотрела, как садится солнце, когда ее посылали вынести мусор. Стояла, смотрела, позабыв обо всем на свете, пока старший брат не принимался вопить, чтоб поторапливалась. Я покачал головой. Как же странно, что закат, который она видела со своего двора, и тот, на который смотрел я с заднего крыльца, был одним и тем же закатом. Может, разные миры, где мы живем, не такие уж и разные. Закат ведь у нас общий.

Вдруг Марсия ахнула:

– Черри, смотри что там.

И тут мы все увидели, что по улице едет голубой «мустанг». Джонни как будто поперхнулся, и я увидел, как он побелел.

Марсия нервно переминалась с ноги на ногу.

– Что делать будем?

Черри прикусила ноготь.

– Стоять, где стоим, – ответила она. – Больше нам ничего не остается.

– Кто это? – спросил Смешинка. – ФБР?

– Нет, – мрачно ответила Черри. – Это Рэнди и Боб.

– А с ними, – угрюмо добавил Смешинка, – еще несколько представителей социальной элиты в клетчатых рубашках.

– Это ваши парни? – Джонни говорил ровно, но я шел с ним рядом и видел, что его колотит. Я даже удивился, с чего бы – у Джонни нервы, конечно, были ни к черту, но так его никогда не трясло.

Черри зашагала дальше.

– Может, они нас не заметят. Ведите себя естественно.

– Кто это себя ведет? – расхохотался Смешинка. – Я и сам вас куда угодно заведу.

– Этого-то мы и боимся, – пробормотал я, а Смешинка отозвался:

– Понибой, не груби.

«Мустанг» медленно проехал мимо нас и поехал дальше. Марсия вздохнула с облегчением.

– Чуть не попались.

Черри повернулась ко мне.

– Расскажи о своем старшем брате. Ты почти ничего о нем не говоришь.

Я подумал, что бы такого сказать про Дэрри, потом пожал плечами.

– Да чего тут рассказывать? Он взрослый, симпатичный, любит играть в футбол.

– Ну а какой он? Ты так говоришь про Газа, что я сама его уже, кажется, узнала, так расскажи про Дэрри.

Я молчал, но она не унималась.

– Он такой же бедовый и отчаянный, как Газ? Или мечтательный, как ты?

Я прикусил губу, лицо у меня пылало. Дэрри... какой же он, Дэрри?

– Он... – я хотел было сказать, что он нормальный чувак, но не смог и вместо этого с горечью выпалил, – он совсем не такой, как Газ, и уж точно не такой, как я. Он непрошибаемый, как камень, – и натура у него каменная. Глаза вообще – ледяные. Он считает, что от меня одна головная боль. Он любит Газа, Газа все любят, но меня он терпеть не может. Сто пудов, жалеет, что меня нельзя упечь в какой-нибудь приют, и упек бы, если б Газ ему не мешал.

Смешинка с Джонни так и вытаращились на меня.

– Нет... – в замешательстве начал Смешинка. – Да нет, Понибой, все не так... ты все не так понял...

– Ого, – тихонько сказал Джонни, – а я-то думал, вы с Газом и Дэрри отлично ладите.

– Нет, не ладим, – огрызнулся я, чувствуя себя глупо. Я знал, что уши у меня красные – так они горели, – и радовался, что на улице темно. Я повел себя как дурак. По сравнению с семьей Джонни, у меня дома вообще был рай. По крайней мере, Дэрри не напивался, не избивал меня, не выгонял из дому, а с Газом всегда можно было обо всем поговорить. Из-за этого я разозлился, в смысле, из-за того, что выставил себя перед всеми на посмешище. – Ты, Джонни Кейд, дома тоже никому не сдался, так что закрой варезку. И не вали все на родителей.

У Джонни округлились глаза, он дернулся, будто я его ремнем огрел. Смешинка отвесил мне хорошую затрецину.

– А ну заткнись, парень. Не будь ты братишкой Газа, получил бы щас у меня. И не смей мне так разговаривать с Джонни, – он положил руку Джонни на плечо. – Джонни, он это не всерьез.

– Прости, – жалко сказал я. Джонни ведь был моим другом. – Я просто злюсь.

– Ты правду сказал, – мрачно улыбнулся Джонни. – Так что мне плевать.

– Это что еще за разговоры, ну-ка, прекрати! – вскинулся Смешинка и взъерошил Джонни волосы. – Мы без тебя никак обойтись не можем, так что помолчи уж!

– Так нечестно! – запальчиво выкрикнул я. – Нечестно, что нам вечно сильнее всех достается!

Я и сам до конца не понял, что сказал, просто подумал про Джонни, у которого отец – алкоголик, а мать – лентяйка и эгоистка, про Смешинку, у которого мать работает в баре, чтобы их с сестрой прокормить, потому что отец их бросил, про Далли – бедового, хитроумного Далли, – который скоро заделается настоящим бандитом, потому что по-другому не может, хоть ты тресни, и про Стива, у которого ненависть к отцу прорывается в его тихом, язвительном голосе, и про то, какой бешеный у него характер. Газ... он бросил школу и пошел работать, чтобы я мог доучиться, а Дэрри постарел раньше времени, потому что содержит семью, вкалывает на двух работах и никуда не ходит – зато у вобов куча денег и свободного времени, поэтому они просто потехи ради травят нас и друг друга, накачиваются пивом и устраивают вечеринки на реке, просто потому, что не знают, чем бы еще заняться. Да, проблемы бывают у всех. У всех, кто живет в восточных кварталах. И мне казалось, что так – нечестно.

– Знаю, – добродушно улыбнулся в ответ Смешинка, – нам всегда плохая карта идет, но так уж оно сложилось. Тут ничего не попишешь.

Черри с Марсией молчали. Похоже, они не знали, что сказать. Мы и позабыли про них. Но тут по улице снова проехал голубой «мустанг», на этот раз – куда медленнее.

– Так, – вздохнула Черри, – они нас заметили.

«Мустанг» притормозил возле нас, из него вылезли два сидевших впереди парня. Вобы, тут уж не ошибешься. Один был одет в белую рубашку и клетчатую лыжную куртку, другой – в бледно-желтую рубашку и бордовый свитер. Посмотрел я на их шмотки, и тут до меня впервые дошло, что на мне – всего-то обычные джинсы и старая синяя фуфайка Газа с обрезанными рукавами. Я сглотнул. Смешинка начал было заправлять рубашку, но вовремя одумался – просто поднял воротник своей черной

кожаной куртки и закурил. Вобы нас как будто и не заметили.

– Черри, Марсия, слушайте... – начал симпатичный воб в темном свитере.

Джонни тяжело дышал, я заметил, что он глаз не сводит с руки воба. На пальцах у того было три массивных кольца. Я быстро взглянул на Джонни, потому что, кажется, понял в чем дело. Я вспомнил, что тогда возле поля притормозил как раз голубой «мустанг» и что порезы у Джонни на лице были от колец...

Мои мысли прервал голос воба:

– ...ну подумаешь, выпили чуть-чуть в прошлый раз...

Черри так и взвилась:

– Чуть-чуть? То есть шататься из стороны в сторону и валяться в отключке на улице – это ты называешь «чуть-чуть»? Боб, говорю же, с тобой пьяным я гулять не буду, я серьезно. Когда ты пьян, всякое может случиться. Так что или я, или выпивка.

Второй воб – высокий парень со стрижкой под полу-битла – повернулся к Марсии.

– Ну, детка, ну ты же знаешь, не так часто мы и напиваемся... – Получив в ответ холодный взгляд, он разозлился. – И совершенно незачем было со всякой шпаной разгуливать, даже если вы на нас обиделись!

Смешинка как следует затянулся сигаретой, Джонни ссутулился, оттянул пальцами карманы, а я напрягся. Хорошо, что жизнь у нас несладкая – когда надо, можем очень сурово выглядеть. Смешинка оперся локтем на плечо Джонни.

– Ты кого там шпаной назвал?

– Слышишь, ты, грязила, нас там на заднем сидении еще четверо...

– Бедное сидение, – сообщил небу Смешинка.

– Если ты на драку нарываешься...

Смешинка вскинул бровь, отчего выглядеть стал только круче.

– В смысле, если я нарываюсь, то вас больше и морды вы нам набьете? А ну... – он схватил пустую бутылку, отбил у нее горлышко и дал его мне, потом вытащил из заднего кармана нож и щелкнул лезвием, – ...рискни, приятель.

– Нет! – вскрикнула Черри. – Прекратите! – Она поглядела на Боба. – Мы поедем с вами домой. Подождите минуту.

– Ты чего? – спросил ее Смешинка. – Мы их не боимся.

Черри поежилась.

– Не выношу драк... Просто не выношу...

Я отвел ее в сторонку.

– Я бы не стал им бить, – сказал я и выбросил разбитую бутылку, – я бы в жизни никого не смог порезать...

Мне нужно было ей это сказать, потому что я видел, какие у нее сделались глаза, когда Смешинка щелкнул ножом.

– Знаю, – тихо ответила она, – но все равно, мы лучше с ними поедем. Понибой... в общем... если мы с тобой где-нибудь встретимся, в школьном коридоре или где еще, не здоровайся, и дело тут не в тебе, а...

– Знаю, – сказал я.

– Нельзя, чтобы родители нас с вами увидели. Ты очень славный, и все такое...

– Да нормально все, – перебил ее я, хотя самому мне хотелось умереть и куда-нибудь закопаться. Ну или хотя бы, чтоб на мне была приличная рубашка. – Мы же в разных классах. Просто не забывай, что и мы тут тоже на закат глядеть любим.

Она вскинула голову.

– Я бы могла влюбиться в Далласа Уинстона, – сказала она. – Надеюсь, никогда его больше не увижу, не то влюблюсь.

И ушла. Голубой «мустанг» с ррр-ревом унесся прочь, а я так и остался стоять, разинув рот.

По пути домой мы почти не разговаривали. Я все хотел спросить Джонни, не эти ли вобы его избили, но так и не спросил. Джонни об этом никогда не заговаривал, ну и мы помалкивали.

– Ну что ж, надо сказать, девчонки были симпатичные, – зевнул Смешинка, когда мы присели на бордюр возле пустого поля.

Он вытащил из кармана бумажку и порвал ее.

– Чего там у тебя?

– Номер Марсии. Выдуманный, наверное. Совсем попятил – номерок у нее попросил. Похоже, я не протрезвел еще.

Значит, он все-таки пил. Смешинка был умный. Понимал, как дела обстоят.

– Вы по домам? – спросил он.

– Не прямо сейчас, – ответил я.

Мне хотелось выкурить еще сигаретку и поглядеть на звезды. Домой нужно было явиться к двенадцати, но мне казалось, времени еще куча.

– И чего я тебе эту бутылку сунул, сам не знаю, – сказал Смешинка, вставая. – У тебя бы рука не поднялась.

– Может, и поднялась бы, – сказал я. – Ты куда?

– Сыграю партейку в бильярд, а то и в покер. Может, напьюсь в сопли. Сам не знаю. До завтра!

Мы с Джонни растянулись на траве и стали глядеть на звезды. Я мерз – ночь выдалась холодная, а я был в одной фуфайке, но на звезды я могу хоть при минусовой температуре глядеть. Я смотрел, как тлеет в темноте сигарета Джонни, и вяло размышлял о том, каково это – очутиться внутри пылающего уголька...

– Это все потому что мы грязеры, – сказал Джонни, и я понял, что он говорит о Черри. – Мы бы ей репутацию испортили.

– Наверное, – ответил я, размышляя, не рассказать ли Джонни то, что она мне про Далласа сказала.

– Блин, вот это кейфовая была машина. «Мустанги» – кейфовые.

– Богатенькие вобы, это точно, – во мне ширилась какая-то нервная горечь.

Нечестно, что у вобов все есть. Мы ничем их не хуже, мы не виноваты в том, что родились грязерами. Я не мог просто с этим смириться, как вот Смешинка, не мог не обращать на это внимания и все равно наслаждаться жизнью, как Газ, не мог ожесточиться настолько, чтоб мне на все это стало наплевать, как Далли, ну или прямо любить вот это все, как Тим Шепард. Я чувствовал, как во мне растет напряжение, и понимал – что-нибудь должно произойти, не то я взорвусь.

– Я так больше не могу, – Джонни высказал то, что я чувствовал. – Я покончу с собой или еще что.

– Не надо, – встревожившись, я вскочил. – Ты не можешь с собой покончить, Джонни.

– Ну, не покончу. Но что-то сделать нужно. Ведь есть где-нибудь на свете место, где нет ни грязеров, ни вобов, где просто люди живут. Обычные, простые люди.

– Не в больших городах, – сказал я и снова лег. – Где-нибудь в деревне...

В деревне... Деревню я любил. Мне хотелось сбежать из города, подальше от суеты. Хотелось лежать под деревом, читать, там, или рисовать, и не ждать, что тебя кто-нибудь подкараулит и набьет морду, не таскать с собой нож, не бояться, что в конце концов женишься на какой-нибудь тупой, бессмысленной девахе. Вот как оно было бы, живи мы за городом, сонно думал я. У меня был бы золотистый терьер, как в детстве, а Газу вернули бы Микки Мауса, и он выступал бы на родео сколько влезет, и Дэрри не был бы таким суровым и холодным, а стал бы таким, как прежде, каким он был восемь месяцев назад, до того, как мама и папа погибли. Я так размечтался, что заодно оживил маму с папой... Мама пекла бы нам шоколадные торты, а папа с утра пораньше садился бы в грузовик и ехал

задавать корм скотине. Он бы хлопал Дэрри по спине и говорил ему, что тот растет настоящим мужчиной, весь в него, и они бы с ним были не разлей вода. И тогда, может быть, Джонни перебрался бы жить к нам, а вся банда по выходным собиралась бы у нас, и тогда, может быть, Даллас поверил бы, что в мире не все так плохо, а мама бы с ним разговаривала, и он невольно улыбался бы ей в ответ. «Мама у тебя что надо, – говорил Далли. – Все понимает». Она бы говорила с Далласом и уберегла бы его от всех передраг, в которые он вечно ввязывается. Моя мама была золотой и прекрасной...

– Понибой, – меня тряс Джонни, – эй, Пони, проснись.

Я вскочил, поежился. Звезды на небе сдвинулись.

– Ого, а времени сколько?

– Не знаю. Я слушал, как ты трепался, и тоже уснул. Тебе домой надо.

А я, наверное, тут и переночую.

Родителям Джонни было наплевать, ночует он дома или нет.

– Ладно, – зевнул я. Черт, ну и холодрыга на улице. – Если замерзнешь или еще что, приходи к нам.

– Ладно.

Я помчался домой, в ужасе при мысли о том, что скажет Дэрри. На крыльце горел свет. Может, они уже спят, и я смогу незаметно прокрасться домой, подумал я. Я заглянул в окно. Газ крепко спал, растянувшись на диване, но Дэрри сидел в кресле под торшером и читал газету. Я сглотнул и тихонько отворил дверь. Дэрри вскинул голову. Секунда – и он уже на ногах. Я застыл на пороге, грызя ноготь.

– Где тебя носило? Ты знаешь, сколько времени?

Таким злым я его давно не видел. Я не смог ничего сказать и помотал головой.

– Так вот, парень, сейчас два часа ночи. Еще час, и мы с полицией тебя искали бы. Ты где был, Понибой? – он повысил голос. – Где, черт побери, ты шлялся?

Заикаясь, я ответил – сам понимая, до чего глупо это звучит:

– Я... я заснул на поле...

– Ты... что сделал? – заорал он, Газ проснулся и протер глаза.

– Привет, Понибой, – сонно сказал он, – ты где был?

– Я не нарочно, – умоляющим голосом сказал я, – мы с Джонни заболтались и заснули...

– И тебе и в голову, наверное, не пришло, что твои братья с ума тут сходят, но боятся звонить в полицию, потому что из-за такой вот выходки ты в два счета можешь загреметь в приют? А ты еще, значит, заснул на

поле? Понибой, да что с тобой такое? Головой думай! Ты же без куртки!

От злости и обиды в глазах у меня закипели слезы.

– Говорю же, я не нарочно...

– Не нарочно?! – заорал Дэрри, так что я чуть не затрясся. – Я не думал! Я забыл! Только это от тебя и слышу! Ты хоть о чем-нибудь подумать можешь?!

– Дэрри, – вмешался Газ, но Дэрри и на него накинулся.

– А ты рот вообще закрой! Вечно за него заступаешься, слышать уже не могу!

Не стоило ему орать на Газа. Никто не смеет орать на моего брата. Я взорвался.

– Не ори на него! – выкрикнул я.

Дэрри развернулся и вlepил мне такую затрецину, что я отлетел к двери.

Внезапно наступила мертвая тишина. Мы все так и застыли. Меня в нашей семье не били. Никогда. Газ смотрел на нас во все глаза. Дэрри взглянул на руку – на ней осталась красная метина, – потом на меня. Глаза у него стали огромные.

– Понибой...

Я развернулся, выскочил из дома и со всех ног помчался по улице. Дэрри крикнул: «Пони, я не подумал!», но я уже добежал до поля и притворился, что не слышу его. Дэрри я дома не нужен, это яснее ясного. Значит, ноги моей там не будет. Больше он меня никогда не ударит.

– Джонни! – крикнул я, и вздрогнул, потому что он выкатился буквально откуда-то у меня из-под ног. – Джонни, пошли, валим отсюда!

Джонни меня ни о чем не спрашивал. Мы бежали несколько кварталов, пока не выбились из сил. Тогда мы пошли пешком. У меня уже текли слезы. В конце концов я просто сел на тротуар, закрыл лицо руками и разревелся. Джонни сел рядом, положил руку на плечо.

– Тихо, тихо, Понибой, – мягко сказал он, – все будет хорошо.

Наконец я успокоился, утер слезы ладонью. Но вздыхал все равно резко всхлипывая.

– Сигареты есть?

Он протянул мне сигарету, поднес спичку.

– Джонни, мне страшно.

– А ты не бойся. Не то меня напугаешь. Что случилось? В жизни не слышал, чтоб ты так ревел.

– Потому что я редко реву. Это все из-за Дэрри. Он меня ударил. Не знаю, как так вышло, но я не могу больше выносить, что он на меня вечно

орет, а теперь еще и бьет. Не знаю даже... иногда мы с ним нормально ладим, а потом вдруг ни с того ни с сего он на меня срывается, или начинает ко мне цепляться. Раньше он таким не был... мы с ним нормально ладили... до того, как мама с папой погибли. А теперь он меня просто терпеть не может.

– Как по мне, так лучше, когда мой старик меня лупит, – вздохнул Джонни. – Тогда я хотя бы знаю, что он знает, кто я такой. Зайду домой, а мне никто и слова скажет. Выйду из дому – опять никто ничего не скажет. Ночевать не приду, никто и не заметит. У тебя хоть Газ есть. У меня – никого.

– Да брось, – сказал я, позабыв о своих бедах, – у тебя есть целая банда. Далли тебе сегодня не врезал, потому что тебя все любят. Джонни, короче, ну серьезно, у тебя есть целая наша банда.

– Все равно, когда тебя родители любят, это совсем другое, – просто ответил Джонни. – Совсем другое.

Я немного отошел и уже стал подумывать, а стоило ли вообще убегать. Я клевал носом и замерз до смерти, и мне хотелось домой, в теплую кровать, под бок к Газу. Я решил, что вернусь домой, а с Дэрри просто-напросто не буду разговаривать. Это ведь не только дом Дэрри, но и мой дом тоже, и если он хочет и дальше прикидываться, будто меня не существует, ну и пожалуйста. Он не может мне запретить жить в моем собственном доме.

– Давай прогуляемся до парка и обратно. Может, я поостыну, тогда и домой пойду.

– Ладно, – покладисто сказал Джонни, – ладно.

Я думал, что все наладится. Куда ж еще хуже-то. Но я ошибся.

Глава четвертая

Парк раскинулся квартала на два, с фонтаном в центре и небольшим бассейном для малышни. К осени бассейн всегда осушали, а вот фонтан по-прежнему весело побулькивал. Из-за высоких вязов в парке было тенисто и темно, хорошее место для тусовок, но нам и наше поле нравилось, а ребята Шепарда облюбовали переулки на окраине, возле железнодорожных путей, так что в парке гуляли одни дети да влюбленные парочки. В полтретьего ночи тут никого не было, самое место, чтобы поостыть и отдышаться. Особенно поостыть – еще немного, и я бы превратился в ледышку. Джонни застегнул куртку, поднял воротник.

– Смотри, Пони, замерзнешь.

– Черт, да неужто? – ответил я, потирая голые руки и пыхая сигаретой.

Я заметил, что вода в фонтане по краям затянулась тонкой пленочкой льда, и хотел уже сказать об этом Джонни, как рядом резко прогудел клаксон и мы оба дернулись. Голубой «мустанг» медленно объезжал парк.

Джонни выругался себе под нос, а я пробормотал:

– Чего им надо? Это наша территория. Чего это вобы так далеко на восточную сторону забрались Джонни покачал головой:

– Не знаю. Но они как пить дать нас ищут. Мы же их девчонок склеили.

– Ох, зашибись, – простонал я, – сегодня мне только этого для полного счастья не хватало. – Я сделал последнюю затяжку, затушил каблуком сигарету. – Ну что, рванем?

– Поздно, – сказал Джонни. – Они уже идут к нам.

Прямо на нас шли пятеро вобов, их так шатало из стороны в сторону, что я понял, они напились до поросычьего визга. Вот тогда я испугался.

Иногда их можно было взять на понт и отбрехаться, но этот номер не пройдет, если их пятеро, да еще и пьяных, против нас двоих. Джонни сунул руку в задний карман, и я вспомнил, что он ходит с ножом. Теперь-то я пожалел, что у меня нет горлышка от бутылки. Уж я бы им показал, что могу, когда надо, его в ход пустить. Джонни перепугался до смерти. Вот честно. Он побелел как мел, а глаза у него сделались дикими, будто у попавшего в ловушку зверя. Мы попятились к фонтану, вобы нас окружили. От них так мерзко разило виски и «Английской кожей», что я чуть не задохнулся. Мне отчаянно хотелось, чтоб Дэрри с Газом нас разыскивали. Вчетвером мы бы их одной левой одолели. Но мы были одни,

и я понимал, что нам с Джонни придется отбиваться в одиночку. У Джонни лицо застыло, ожесточилось – панику у него в глазах можно было углядеть, только если ты хорошо его знал. Я холодно смотрел на вобов. Ну и пусть, что они напугали нас до смерти, они этого не узнают, такого удовольствия мы им не доставим.

Это были Рэнди и Боб, а с ними еще трое вобов, и они нас узнали. Я понял, что и Джонни их узнал, потому что он так и уставился на кольца у Боба на руке, которые поблескивали в лунном свете.

– Эй, гляньте-ка, – не совсем связно сказал Боб, – это ж мелкие грязеры, которые наших девчонок склеили. Здорово, грязеры.

– Вы на чужой территории, – угрожающе сказал Джонни. – Так что поосторожнее.

Рэнди выругался, они подошли еще ближе. Боб разглядывал Джонни.

– Не-а, парень, эт вы поосторожнее. В следующий раз вы своих девок клейте... отбросы!

Я начинал закипать. Так от ненависти недолго было и сорваться.

– Знаете, кто такие грязеры? – спросил Боб. – Патлатая белая шваль.

У меня вся кровь от лица отхлынула. Меня и раньше часто ругали и обзывали, но это было прямо как удар под дых. Джонни-кекс издал какой-то звук, будто задохнулся, и глаза у него вспыхнули.

– А знаешь, кто такие вобы? – спросил я звенящим от ярости голосом. – Белая шваль на «мустангах» в рубашках в клеточку.

И тут, не зная, как еще их приложить, я просто в них плюнул. Боб, медленно улыбаясь, покачал головой.

– Тебе, грязер, надо бы помыться. И хорошая взбучка тебе не помешает тоже. У нас вся ночь впереди. Умой-ка парня, Дэвид.

Я дернулся, думая сбежать, но воб поймал меня за руку, заломил ее за спину и окунул меня головой в фонтан. Я сопротивлялся, но за шею меня держала очень крепкая рука, и я изо всех сил старался не дышать. Я умираю, думал я, и не знал, что там с Джонни. Больше задерживать дыхание я не мог. Отчаянно отбиваясь, я только воды нахлебался. Я утону, думал я, они перегнули палку... Все затянуло красной дымкой, и я медленно обмяк.

Очнулся я возле фонтана, кашляя и хватая ртом воздух. Я лежал и не мог встать, только дышал и воду сплевывал. По влажным волосам и насквозь промокшей фуфайке гулял ветер. Я стучал зубами и никак не мог этот стук унять. Наконец мне удалось привстать, и я привалился к фонтану. По лицу у меня стекала вода. И тут я увидел Джонни.

Он сидел рядом, оперев локоть в колено, и смотрел прямо перед собой.

Лицо у него было странного бело-зеленого цвета, а глаза – просто огромными, никогда я раньше таких глаз не видел.

Луна осветила скрюченного, неподвижного воба – это был тот, который посимпатичнее: Боб.

Вокруг него по синевато-белому цементу медленно расползлась темная лужа. Я поглядел на руку Джонни. Он сжимал нож, лезвие до самой рукоятки было вымазано чем-то темным. Желудок у меня так и закувыркался, а кровь будто застыла в жилах.

– Джонни, – выдавил я, изо всех сил пытаюсь не хлопнуться в обморок. – Похоже, меня щас стошнит.

– Валяй, – все так же ровно ответил он. – Обещаю не смотреть.

Я отвернулся и с минутку тихонько блевал. Затем снова привалился к фонтану и закрыл глаза, чтобы не видеть Боба.

Этого быть не может. Этого быть не может. Не может...

– Ты его правда убил, да, Джонни?

– Ага, – тут его голос слегка дрогнул. – Не было другого выхода. Они тебя топили, Пони. Могли и убить. И у них были ножи... они хотели меня отделать...

– Как... – я сглотнул. – Как тогда?

С минуту Джонни молчал.

– Да, – сказал он, – как тогда.

Джонни рассказал, что случилось:

– Когда я его пырнул, они убежали. Все убежали...

Я слушал, как Джонни этим своим тихим голосом все рассказывает, и меня охватила паника.

– Джонни! – я почти кричал. – Что же нам делать? Тебя же на электрический стул посадят за убийство! – Меня трясло. Нужно покурить. Нужно покурить. Нужно покурить. А мы последнюю пачку скурили. – Мне страшно, Джонни. Что же нам делать?

Джонни вскочил, вцепился в мою мокрую фуфайку, рывком поставил меня на ноги. Потряс меня.

– Успокойся, Понибой. Возьми себя в руки.

Я и не понял, что кричу в голос. Я высвободился из рук Джонни.

– Ладно, – сказал я, – ладно, я в норме.

Джонни огляделся, нервно похлопал себя по карманам.

– Нужно валить. Бежать. Сматываться отсюда. Полиция скоро придет. – Меня трясло, и не только от холода. А у Джонни только руки слегка подрагивали, а в остальном вид у него был такой же непрошибаемый, как у Дэрри. – Нам нужны деньги. И еще, наверное,

оружие. И план.

Деньги. И, наверное, оружие? И план. Да откуда же нам все это взять?

– Далли, – решительно сказал Джонни. – Далли нас отсюда вытащит.

Я шумно выдохнул. И как я сам до этого не додумался? Но я ж никогда головой не думаю. Далласу Винстону все под силу.

– А где он?

– Скорее всего, дома у Бака Меррилла. Там сегодня вечеринка. Далли что-то про нее днем говорил.

Далли с Баком Меррилом вместе выступали на родео. Это он пристроил Далли жокеем к ребятам из «Слэш-Джей». Бак и сам держал пару верховых, а деньги делал на договорных скачках, да еще незаконно приторговывал спиртным. Дэрри с Газом мне строго-настрога запретили подходить к его дому ближе, чем на десять миль, и меня такой расклад вполне устраивал. Бак Меррил мне не нравился. Это был высокий долговязый ковбой с длинными светлыми волосами и зубами, которые у него торчали вперед, как у кролика. Точнее, раньше торчали, пока ему не выбили два передних зуба в какой-то драке. Он был чокнутый. Тащился по Хэнку Вильямсу^[4] – куда уж хуже.

Дверь нам отворил сам Бак, и вместе с ним за порог вырвался грохот дешевого музла. Перезвон стаканов, громкий, грубый хохот, женское хихиканье и Хэнк Вильяме. Нервы у меня были на пределе, и этот звук прошелся по ним как наждак. Бак – в руке банка с пивом – злобно уставился на нас.

– Чего надо?

– Далли! – булькнул Джонни, заглядывая ему за плечо. – Нам Далли нужен.

– Он занят, – отрезал Бак, и в гостиной у него кто-то заорал: «Ах-ха!», а потом «Йиии-ха!», и от этих воплей я чуть с катушек не слетел.

– Скажи ему, что пришли Пони и Джонни, – скомандовал я. Я знал Бака, от него можно было чего-то добиться, только припугнув. Наверное, поэтому Даллас вертел им, как хотел, хотя Баку было уже к двадцати пяти, а Далли – семнадцать. – Он выйдет.

Бак сердито на меня зыркнул и поковылял обратно в дом. Он уже здорово нагрузился, и мне стало страшновато. Если и Далли был пьян, да еще и на взводе...

Он вышел через пару минут, почесывая волосатую грудь, – из одежды на нем были одни висевшие на бедрах голубые джинсы. Вполне трезвый, что меня удивило. Может, он только недавно пришел.

– Ну, малышня, зачем я вам сдался?

Пока Джонни рассказывал ему, в чем дело, я разглядывал Далли, пытаюсь понять, что в этом закоренелом хулигане может полюбить такая девчонка, как Черри Баланс. Волосы как солома, глаза бегают, нет, красавцем Далли никак не назовешь. И все-таки на его неприветливом лице читались характер, гордость, бешеное противление миру. Никогда он не полюбит Черри Баланс. Чудом будет, если он вообще хоть кого-нибудь полюбит. Борьба за выживание так его ожесточила, что места для любви не осталось.

Когда Джонни рассказал ему, что случилось, он даже в лице не переменялся, только когда Джонни сказал, что пырнул воба ножом, Далли рассмеялся и сказал: «Ну, молодец!» Наконец Джонни договорил.

– Мы подумали, что если кто и может помочь нам смыться, так это ты. Прости, что вытащили тебя с вечеринки.

– Ой, да брось, малыш, – Далли презрительно оглянулся, – я в спальне был.

Вдруг он глянул на меня.

– Господи, Понибой, вот у тебя уши-то красные.

Я припомнил, что обычно творилось у Бака в спальне во время его вечеринок. Тут Далли понял, в чем дело, и развеселился.

– Эй, парень, да ничего такого не было. Я спал, точнее пытался поспать, в таком-то гвалте. Хэнк Вильямс! – он закатил глаза и прибавил к Вильямсу парочку прилагательных. – Мы с Шепардом сцепились, я пару ребер сломал. Нужно отлежаться, – он мрачно потер бок. – У старины Тима кулаки ого-го. Сам он, правда, одним глазом еще неделю ничего видеть не будет.

Он оглядел нас и вздохнул.

– Ладно, погодите чуток, посмотрим, как эту кашу расхлебать можно. – Тут он пригляделся ко мне повнимательнее. – Понибой, да ты промок, что ли?

– Д-д-д-да, – простучал я зубами.

– Господи боже! – он распахнул дверь-сетку, втащил меня в дом и махнул рукой Джонни, чтобы шел следом. – Да ты помрешь от воспаления легких раньше, чем вас копы поймают.

Он чуть ли не на руках внес меня в пустую спальню, попутно ругая меня на чем свет стоит.

– А ну, снимай фуфайку. – Он бросил мне полотенце. – Вытирайся и жди здесь. Хоть Джонни в куртке, и то ладно. Куда ты собрался бежать в одной фуфайке, да еще и мокрой. Головой, что ли, не думаешь?

Говорил он точь-в-точь как Дэрри, я так и вытаращился на него. Он ничего не заметил и вышел, мы с Джонни уселись на кровать.

Джонни улегся.

– Сигаретку бы.

У меня тряслись колени, я вытерся и теперь сидел на кровати в одних джинсах.

Далли вернулся через минуту. Тихонько прикрыл дверь.

– Держите, – он сунул нам пистолет и скатку банкнот, – пистолет заряжен. Богом прошу, Джонни, не тычь им в меня. Тут пятьдесят баксов. Все, что удалось выжать из Меррилла. Он проматывает выигрыш с последних скачек.

Вы, наверное, думаете, что это Далли помогал Баку проворачивать дела с договорными скачками, раз он жокей и все такое, но ничего подобного. Последний чувак, который об этом заикнулся, потерял три зуба. Далли на лошадаках ездил честно и из сил выбивался, чтоб прийти первым. Только это Далли и делал честно.

– Пони, а Дэрри с Газом в курсе насчет всего этого?

Я помотал головой. Далли вздохнул.

– Ох, черт, вот уж не тянет меня Дэрри рассказывать, еще проломит мне башку.

– А ты не рассказывай, – ответил я.

Мне не хотелось, чтоб Газ волновался, хорошо было бы как-нибудь ему сообщить, что со мной пока что все нормально, но Дэрри пусть хоть поседает от беспокойства, мне плевать. Я так вымотался, что даже не стал себе говорить, что это глупо и нечестно. Я убедил себя, что будет нехорошо, если ему обо всем скажет Далли. Дэрри его избьет до смерти за то, что он дал нам пистолет, денег и помог сбежать из города.

– Держи, – Далли протянул мне рубашку примерно на шестьдесят миллионов размеров больше моего. – Это Бакова рубашка, вы с ним не то чтобы одного размера, но она хотя бы сухая. – Еще он дал мне свою потертую кожаную куртку с подкладкой из желтой овчины. – Там, куда вы едете, будет холодно, но одеяла брать опасно, надо ехать налегке.

Я застегнул рубашку и чуть не утонул в ней.

– Вскочите на грузовой до Виндриксвилля, он вышел в три пятнадцать, – учил нас Далли. – На Сойкиной горе есть старая заброшенная церковь. За ней – колонка, так что насчет воды не волнуйтесь. Как будете на месте, сразу купите еды на неделю – прямо утром, пока вся эта история не разлетелась, а потом сидите там и носу не высовывайте. Я приеду сразу, как пойму, что можно. Блин, а я-то думал, что только в Нью-

Йорке могу впутаться в заваруху с убийством.

При слове «убийство» у Джонни в горле что-то булькнуло, и он вздрогнул.

Далли проводил нас до двери и, перед тем, как мы вышли, выключил свет на крыльце.

– Ну, мчите! – Он взъерошил Джонни волосы. – Береги себя, малыш, – тихонько сказал он.

– Хорошо, Далли, спасибо.

И мы выбежали в темноту.

Мы засели в кустах возле железнодорожных путей, слушая, как свист паровоза становится все громче и громче. Поезд стал притормаживать, заскрежетал по рельсам.

– Пошли! – прошептал Джонни.

Мы кинулись к поезду, подтянулись, вползли в открытый товарный вагон. В вагоне мы прижались к стенке и даже вздохнуть боялись, пока слушали, как снаружи ходят и переговариваются железнодорожные рабочие. Один сунул голову в вагон, и мы так и застыли. Но он нас не заметил, поезд снова поехал, и вагон загрохотал дальше.

– Теперь он остановится только в Виндриксвилле, – сказал Джонни и осторожно положил пистолет на пол. Он покачал головой. – И зачем он мне его дал? Я же ни в кого выстрелить не смогу.

Тут до меня впервые дошло, во что мы ввязались. Джонни убил человека. Тихий, мягкий Джонни, который нарочно и мухи-то не обидит, отнял человеческую жизнь. И мы вправду убегали, нас за убийство разыскивала полиция, и между нами на полу лежал заряженный пистолет. Жаль, мы не попросили у Далли пачку сигарет...

Я улегся на пол, вместо подушки у меня под головой были ноги Джонни. Я свернулся в клубок, мысленно благодаря Далли за куртку. Она была мне велика, но хоть теплая. Мне даже перестук поезда не мешал, и я уснул в бандитской куртке с пистолетом под рукой.

Я даже толком не проснулся, когда мы с Джонни спрыгнули с поезда на какой-то луг. Я понял, что делаю, только когда приземлился в росу и промок. Джонни, наверное, меня разбудил и велел прыгать, но сам я ничего не помнил. Тяжело дыша, мы лежали среди мокрой высокой травы. Светало. На востоке небо побелело, золотой лучик коснулся холмов. Облака были розовыми, кругом пели иволги. Мы в деревне, подумал я, так до конца и не проснувшись. Сбылись мои мечты, я в деревне.

– Черт, Понибой, – Джонни растирал ноги, – это, похоже, из-за тебя у

меня все ноги затекли. Даже встать не могу. Чудом только с поезда спрыгнул.

– Прости. А чего ты меня не разбудил?

– Ничего страшного. Не хотел тебя будить раньше, чем нужно.

– Так, как же мы найдем Сойкину гору? – спросил я Джонни.

Голова у меня была по-прежнему ватной, мне хотелось улечься тут посреди росы и рассвета и проспаться целую вечность.

– Спросим дорогу. В газетах про нас еще не написали. Прикинешься пареньком с фермы, скажешь, что погулять вышел.

– Не похож я на паренька с фермы, – сказал я.

Тут я вдруг вспомнил о том, что у меня длинные и зачесанные назад волосы и что я по привычке хожу вразвалку. Я поглядел на Джонни. По мне, так он тоже никак не походил на паренька с фермы. Мне он до сих пор напоминал щенка, которого вечно все пинают, но тут я впервые понял, каким его видят незнакомые люди. Вид у него был суровый и недобрый – из-за черной футболки, из-за синих джинсов и куртки и из-за того, что волосы у него были такие длинные и густо смазаны бриолином. Я заметил, как волосы курчавятся у него за ушами, и подумал, что нам бы не помешало подстричься и переодеться в приличную одежду. Я оглядел свои старые выцветшие голубые джинсы, безразмерную рубаху и потертую куртку Далли. Да в нас мигом хулиганов вычислят, подумал я.

– Мне выходить нельзя, – сказал Джонни, растирая ноги. – А ты выйди на дорогу и кого первым встретишь, спроси, где эта Сойкина гора. – От боли в ногах он морщился. – Потом вернешься. И причешишь ты уже, и выпрямись заодно, а то ты голову в плечи втянул, прямо как гангстер какой.

Значит, Джонни тоже на это обратил внимание. Я вытащил гребень из заднего кармана и старательно причесался.

– Ну что, Джонни, так сойдет?

Он оглядел меня.

– Знаешь, а ты здорово похож на Газа, когда у тебя волосы так зачесаны, ну и вообще. Только у тебя глаза зеленые.

– Они не зеленые, а серые, – покраснев, ответил я. – Я и на Газа похож не больше твоего. – Я встал. – Газ – красивый.

– Не заливай, – усмехнулся Джонни, – и ты тоже.

Я молча перелез через забор с колючей проволокой. Джонни смеялся мне вслед, но мне было плевать. Я зашагал по пыльной красной дороге, надеясь, что, когда встречу кого-нибудь, уже не буду таким бледным. Интересно, что там сейчас подельывают Дэрри с Газом, зевнув, подумал я.

В кои-то веки Газ может на кровати один поспать. А Дэрри наверняка

жалеет, что меня ударил. То-то он разволнуется, когда узнает, что мы с Джонни убили того воба. Потом я представил себе, какое у Газа делается лицо, когда он об этом услышит. Как же охота домой, рассеянно думал я, как же охота оказаться дома, спал бы сейчас в собственной постели. А может, я и сплю. Может, мне это все только снится...

А ведь мы с Далли только вчера вечером сидели в «Ночном сеансе» за теми двумя девчонками. Черт, думал я, растерявшись, будто меня в какой-то круговорот затянуло, слишком все быстро происходит. Слишком стремительно. Но, похоже, в передрагу похуже убийства я уже вряд ли смогу попасть. Мы с Джонни до конца жизни будем в бегах. Один Далли знает, где мы, а он никому не скажет, потому что тогда его снова упекут в тюрьму за то, что он нам пистолет дал. Если поймают Джонни, его посадят на электрический стул, а если поймают меня – отошлют в исправительную школу. Про эти школы я наслышался от Кудряхи Шепарда, и мне туда совсем не хотелось. Всю жизнь, значит, проживем как отшельники, а видеться будем только с Далли. Быть может, я больше никогда не увижу ни Газа, ни Дэрри. Ни даже Стива со Смешинкой. Я оказался за городом, но теперь понимал, что вряд ли здесь будет так здорово, как мне мечталось. Есть вещи и похуже, чем быть грязером.

По дороге на тракторе ехал загорелый фермер. Я помахал ему, и он остановился.

– Простите, вы не знаете, где Сойкина гора? – очень вежливо спросил я.

Он махнул рукой:

– Иди по дороге вон до того большого холма. Это она и есть. Гуляешь?

– Да, сэр, – я сделал вид, что застеснялся. – Мы в войнушку играем, мне нужно отыскать там штаб и явиться с донесением.

Я так легко вру, что иногда самому не по себе делается, – Газ говорит, что это все потому, что я много читаю. Но, с другой стороны, Смешинка тоже врет как дышит, а он в жизни ни одной книги не прочел.

– Мальчишки, чего с вас взять, – рассмеялся фермер, и я мельком подумал, что выговор у него такой же южный, как у Хэнка Вильямса.

Он поехал себе дальше, а я вернулся к Джонни.

По тропинке мы вскарабкались к церкви – оказалось, что она куда дальше, чем виделось снизу. С каждым шагом тропинка делалась все круче. Я был как будто пьяный – со мной всегда так, когда спать охота, – и ноги волочить становилось все тяжелее. Джонни, наверное, хотел спать еще больше моего, ведь он и в поезде не спал, караулил, чтобы нам в нужном месте спрыгнуть. Путь до церкви занял у нас минут сорок пять. Влезли

через окошко сзади. Церковь была маленькая, прямо старая такая, жуткая и паутинистая. У меня мурашки по коже забегали.

Я в церквях-то вообще бывал. Все время ходил, даже после того, как мамы с папой не стало. Но однажды я уговорил Газа сходить в воскресенье туда вместе со мной и Джонни. Он сказал, что пойдет, только если пойдет Стив, ну а Смешинка тогда решил пойти тоже. У Далли было похмелье и он отсыпался, а Дэрри работал. Мы с Джонни обычно садились на заднем ряду и слушали проповедь, стараясь не особенно на людей глядеть, потому что тогда мы не то чтобы шикарно одевались. Но никому, похоже, до нас не было дела, и нам с Джонни правда нравилось туда ходить. Но в тот день... в общем, Газ и фильм целиком высидеть не может, не то что проповедь. Не успели мы опомниться, как они со Стивом и Смешинкой уже плевались друг в друга жеваной бумагой и всюду дурачились, ну и Стив вдобавок уронил – бабах! – молитвенник, конечно, совершенно не нарочно. Все обернулись и уставились на нас, и мы с Джонни чуть под лавки не сползли. А Смешинка взял – и помахал им.

Больше я в церковь не ходил.

Но в этой церкви мне стало не по себе. Как там говорится? У меня появилось дурное предчувствие? Я шлепнулся на пол – и тут же решил, что шлепаться тут никуда не надо. Пол был каменный и твердый. Джонни растянулся на полу рядом со мной, подложив руки под голову. Я начал было что-то ему говорить, но заснул, не успев и слова сказать. Джонни даже не заметил. Он тоже уже спал.

Глава пятая

Проснулся я поздно вечером. В первую минуту все никак не мог сообразить, где я. Сами знаете, как оно бывает, когда просыпаешься на новом месте и думаешь, куда это тебя занесло, а потом вспоминаешь – и воспоминания захлестывают тебя, как волна. Я почти уверился, что все случившееся ночью мне просто приснилось. На самом деле я сплю у себя дома, думал я. Уже поздно, Газ и Дэрри давно встали. Дэрри готовит завтрак, и уже вот-вот они с Газом вытащат меня из кровати, повалят на пол и начнут щекотать, а мне будет казаться, что еще немного и я умру от щекотки. После завтрака наша с Газом очередь мыть посуду, а потом мы пойдем на улицу и будем играть в футбол. Мы с Джонни и Смешинкой возьмем в команду Дэрри, потому что мы с Джонни самые маленькие, а Дэрри лучше всех играет. И будет у нас самое обычное воскресное утро. Я твердил это себе, лежа на холодном каменном полу, завернувшись в куртку Далли и слушая, как снаружи ветер гоняет сухие листья.

Наконец я перестал притворяться и сел. От сна на жестком полу у меня все тело ныло и ломило, но я в жизни так крепко не спал. До сих пор в сон клонило. Я сбросил куртку Джонни, которая почему-то лежала на мне, и заморгал, почесывая голову. Было очень тихо, только ветер шумел листвой. И тут я понял, что Джонни в церкви нет.

– Джонни? – громко позвал его я, и старая деревянная церковь отозвалась эхом – онни... онни...

Я бешено заозирался, чуть ли не запаниковал уже, но тут заметил в пыли на полу кривую надпись: «Ушел за продуктами. Скоро вернусь. Д. К.».

Я вздохнул и пошел к колонке – попить. Вода – как жидкий лед, и вкус у нее был странный, но вода есть вода. Я поплескал водой в лицо и от этого мигом проснулся. Я вытер лицо курткой Джонни и уселся на ступеньках у черного хода. Холм, на котором стояла церковь, резко обрывался примерно футах в двадцати от задней двери, и обзор оттуда был на мили вокруг. Как будто сидишь на самой верхушке мира.

Когда делать нечего, в голову само по себе всякое лезет. Я помнил все, что случилось прошлой ночью, но она казалась мне нереальной, будто сон. Как будто не двадцать четыре часа прошло с тех пор, как мы с Джонни встретили Далли на углу Пикетт и Саттон, а гораздо больше. А может и больше. Может, Джонни уже неделю как нет, а я все это время проспал.

Может, его уже заловили копы и скоро казнят на электрическом стуле, а он так никому и не сказал, где я. А может, Далли погиб в аварии, или с ним еще что-нибудь случилось, и теперь вообще никто не узнает, где я, и я помру тут в одиночестве, и останется от меня один скелет. Мое бурное воображение снова сыграло со мной злую шутку. По лицу у меня бежал пот, по спине тоже, и меня трясло. Голова закружилась, я привалился к двери, закрыл глаза. Похоже, шок от случившегося меня только теперь накрыл. Наконец мой желудок утихомирился, и я немного расслабился, надеясь, что Джонни не забудет купить сигарет. Я сидел там совсем один, и мне было страшно.

Я услышал шорох палой листвы – кто-то подходил к церкви со стороны черного хода, поэтому я спрятался в дверном проеме. Раздался свист – тихий и протяжный, оборвавшийся на резкой высокой ноте. Это свист я сразу узнал. Мы с бандой Шепарда использовали его для переключки – мол, «Кто идет?» Я старательно просвистел в ответ, потом выскочил из дверного проема, но так поспешно, что свалился со ступенек и растянулся на земле прямо у Джонни под ногами.

Я приподнялся на локтях и ухмыльнулся.

– Здорово, Джонни. Вот так встреча!

Он поглядел на меня – в руках у него был огромный сверток.

– Вот ведь правда, Понибой, ты все чаще ведешь себя как Смешинка.

Я безуспешно попытался вскинуть бровь.

– Кто это кого ведет? – я перекатился на спину, вскочил, радуясь, что теперь не один. – Чего добыл?

– Пошли внутрь. Далли велел не высовываться.

Мы вернулись в церковь. Джонни смахнул курткой пыль со стола и начал аккуратно выкладывать из мешка разные вещи.

– Тут нам с тобой на неделю копченой колбасы, две буханки хлеба, коробка спичек...

Я утомился на него смотреть и залез в мешок сам.

– Ого! – я шлепнулся на пыльный стул и вытаращил глаза. – Книжка, «Унесенные ветром»! Откуда ты знал, что я давно ее хотел прочесть?

Джонни покраснел.

– Я помнил, ты как-то раз об этом говорил. И в киношку мы тогда еще ходили, помнишь? Я подумал, может, ты вслух ее считаешь, поможешь нам убить время, короче.

– Ух ты, спасибо! – с неохотой я отложил книгу. Мне хотелось сразу же за нее и приняться. – Перекись? Колода карт... – и тут до меня дошло. – Джонни, ты что же, думаешь...

Джонни уселся, вытащил нож.

– Придется нам подстричься, а тебя еще и осветлить, – он сосредоточенно уставился в пол. – Наши описания дали в газеты. Нужно, чтобы мы с ними не совпадали.

– Ой, нет! – я схватился за голову. – Нет, Джонни, только не мои волосы!

Своими волосами я гордился. Они были длинные и гладкие, как у Газа, только порыжее. Волосы у нас были кейфовые, нам даже много бриолина для них нужно не было. Кроме того, наши волосы и были знаком того, что мы грязеры, – нашим отличительным знаком. Единственным нашим предметом гордости. Может, у нас не было каких-нибудь там «мустангов» или клетчатых рубашек, зато у нас были волосы.

– Если поймают, все равно остригут. Сам знаешь, судья первым делом всех стрижься отправляет.

– Непонятно только зачем, – уныло сказал я. – Далли и стриженный человека грабануть может.

– Я и сам не знаю, просто они так пытаются нас сломать. С парнями вроде Тима или Кудряхи Шепарда они поделаться ничего не могут, с ними уже и так все на свете случилось. И взять они с них ничего не могут, потому что у них и нет ничего. Поэтому они их стригут.

Я умоляюще взглянул на Джонни. Джонни вздохнул.

– Я себе волосы тоже отрежу, и бриолин смою весь, но осветлиться я не могу. Слишком у меня кожа смуглая, какой из меня блондин. Ой, Понибой, да ладно, – упрашивал меня он, – отрасли твои волосы.

– Ладно, – сказал я, глядя на него во все глаза. – Давай, только побыстрому.

Джонни щелкнул лезвием, ухватил прядь моих волос и принялся пилить их ножом. Я поежился.

– Только не слишком коротко, – умолял его я, – пожалуйста, Джонни...

Наконец стрижка закончилась. На полу валялись клоки моих волос, выглядело это очень странно.

– А они светлее, чем мне казалось, – сказал я, разглядывая их. – Можно посмотреть, что получилось?

– Нет, – медленно ответил Джонни, глядя на меня. – Сначала осветлим.

Пришлось еще минут пятнадцать сидеть на солнышке, ждать, пока перекись высохнет, и только потом Джонни разрешил мне посмотреться в разбитое зеркало, которое мы нашли в чулане. Я так глаза и вытаращил. Волосы у меня стали даже светлее, чем у Газа. И набок я их никогда раньше не зачесывал. Я просто был не я. Теперь я выглядел младше и

уродливее. Тьфу ты, подумал я, видок у меня зашибись. Выгляжу теперь как девчонка. В общем, я был безутешен.

Джонни протянул мне нож. Видно было, что ему тоже страшно.

– Челку отрежь, и сзади тоже, так чтоб там поменьше волос было. Я потом голову вымою и волосы зачешу назад.

– Джонни, – устало сказал я, – в такой ледяной воде голову мыть нельзя, да еще и в такую погоду.

Он только плечами пожал.

– Режь давай.

Я, как сумел, отрезал. Голову он все равно помыл, он и мыло для этого купил. Я был рад, что сбежал с ним, а не со Смешинкой, Стивом или Далли. Вот о чем бы они никогда не подумали, так это о мыле. Я отдал ему куртку Далли, чтоб тот мог в нее завернуться, и Джонни, дрожа, уселся на солнышке, возле задней двери и принялся руками зачесывать волосы назад. Я впервые увидел, что у него есть брови. Джонни тоже был не Джонни. Оказалось, что лоб у него, из-за челки, блее всего остального лица – это было бы смешно, если б нам не было так страшно. Он все дрожал от холода.

– Ну, похоже, – вяло заметил он, – похоже, мы с тобой замаскировались.

Я угрюмо привалился к двери возле него.

– Похоже на то.

– Ой, ну будет тебе, – сказал Джонни, старательно бодрясь, – это всего лишь волосы.

– Не будет! – огрызнулся я. – Я такие волосы, знаешь, сколько отращивал. И потом – ну, это не мы и все тут. Все равно что напялить на себя костюм для Хэллоуина, из которого никак не вылезти.

– Ничего не поделаешь, придется привыкнуть, – решительно сказал Джонни. – У нас большие неприятности, тут уж или мы, или внешность.

Я принялся за шоколадный батончик.

– И спать все равно хочется, – сказал я.

Сам не знаю, как так вышло, но земля вдруг расплылась у меня перед глазами, а по щекам потекли слезы. Я поспешно их смахнул. Вид у Джонни был несчастный – под стать моим чувствам.

– Прости, что я отрезал тебе волосы, Понибой.

– Ой, да не в этом дело, – ответил я, жуя батончик. – Ну, то есть не только в этом. Просто как-то мне не по себе. Сам не знаю, в чем дело. Что-то я растерялся.

– Понимаю, – стуча зубами, ответил Джонни. Мы пошли обратно в

церковь. – Слишком быстро все случилось...

Я приобнял его за плечи, чтобы согреть.

– Видел бы Смешинка этот убогий магазинчик. Блин, мы в такой глуши – ближайшее жилье в двух милях отсюда. Товар лежит – бери не хочу так и просится в руки кому-нибудь ушлому, навроде Смешинки. Он мог бы полмагазина вынести, – Джонни прижался ко мне, и я почувствовал, как он дрожит. – Добрый старый Смешинка, – добавил он срывающимся голосом.

Похоже, он не меньше моего тосковал по дому.

– А помнишь, какие он вчера шуточки откалывал? – сказал я. – Вчера... еще вчера вечером мы провожали Марсию и Черри до Смешинкиного дома. Еще вчера мы с тобой лежали в поле, смотрели на звезды и мечтали...

– Перестань! – процедил Джонни сквозь стиснутые зубы. – Молчи насчет вчерашнего! Я вчера мальчишку убил. Ему было от силы лет семнадцать, не больше восемнадцати точно, а я его убил. Как теперь жить-то с этим?

Он заплакал. Я прижал Джонни к себе, как тогда его прижимал Газ, когда мы нашли его на поле.

– Я же не хотел... – наконец вырвалось у него, – но они тебя топили, и я так испугался...

Он немного помолчал.

– До черта, оказывается, в людях крови.

Внезапно он вскочил и заходил туда-сюда, похлопывая себя по карманам.

– Что же нам делать? – теперь и я плакал.

Темнело, я замерз, мне было одиноко. Я закрыл глаза и запрокинул голову, но слезы все равно текли.

– Я во всем виноват, – сказал Джонни несчастным голосом. Он перестал плакать, когда заплакал я. – В том, что еще и тринадцатилетнего ребенка за собой потащил. Тебе надо вернуться домой. Тебе ничего не будет. Это же не ты его убил.

– Нет! – завопил я. – Мне четырнадцать! Мне уже месяц как четырнадцать! И я не меньше твоего вляпался. Я больше не буду плакать, сейчас перестану... Просто не сдержался.

Он уселся рядом со мной, сгорбился.

– Понибой, я совсем другое имел в виду. Не плачь, Пони, все будет хорошо. Не плачь... – я уткнулся в него и ревел, пока не заснул.

Проснулся я поздно ночью. Джонни сидел, привалившись к стене, а я спал у него на плече.

– Джонни? – зевнул я. – Не спишь?

Я согрелся, меня клонило в сон.

– Нет, – тихо ответил он.

– Мы же больше не будем плакать, правда?

– Ага. Мы все уже выплакали. Свыклись с мыслью. Теперь нам будет лучше.

– Так я и думал, – сонно сказал я.

И тут впервые с тех самых пор, как мы с Далли уселись за двумя девчонками в «Ночном сеансе», я расслабился. Теперь нам все по плечу.

Следующие четыре-пять дней были самыми долгими в моей жизни. Мы убивали время за чтением «Унесенных ветром» и игрой в покер. Джонни книжка очень понравилась, хоть он ровным счетом ничего не знал о войне, а о плантациях – и того меньше, поэтому мне ему многое приходилось объяснять. Поразительно, сколько всего умного Джонни подмечал в этой книжке, куда там мне, а ведь я у нас вроде как глубоко мыслю. Джонни был второгодником, оценки у него всегда были так себе – плохо соображал, когда от него быстрых ответов требовали, вот учителя и думали, наверное, что он тупой. Но тупым Джонни не был. Просто до него все доходило немного медленнее, но уж когда доходило, ему хотелось до самой сути докопаться. Особенно ему понравились джентльмены-южане – его наповал сразили их манеры и обаяние.

– Вот, наверное, классные были дядьки, – с горящими глазами сказал он, когда я прочел ему, как они отправились на верную смерть, потому что были очень доблестными. – Они мне Далли напоминают.

– Далли? – удивился я. – Да брось ты, у него манер не больше моего. И ты сам видел, как он с теми девчонками обошелся. Газ больше на этих южан похож.

– Ну да... манерами, да и обаянием тоже, наверное, – медленно сказал Джонни, – но, знаешь, я однажды ночью видел, как Далли замели копы, а он таким спокойным был, невозмутимым. Они его забирали за то, что он якобы окна в школе побил, а это не он, а Смешинка. И Далли об этом знал. Но он получил за него срок и даже глазом не моргнул, и отрицать ничего не стал. Вот это, я считаю, доблесть.

Тут я впервые понял, до какой степени Джонни преклоняется перед Далли Уинстоном. Из всей банды я Далли меньше всех любил. Он не был таким понимающим и лихим, как Газ, или таким весельчаком, как Смешинка, ну или даже таким суперменом, как Дэрри. Но теперь я понял, что эта троица нравилась мне, потому что они все были как герои из

книжек, которые я читал. А Далли был реальным человеком. Я любил книжки, облака и закаты. Реальный Далли меня только пугал.

К фасаду церкви мы с Джонни даже не выходили. Его было видно с дороги, а по ней на лошадях – в магазин за покупками – иногда проезжали ребята с фермы. Поэтому мы все больше торчали сзади, сидели на ступеньках и глядели в долину. Видно было на мили вокруг – и ленточку шоссе, и дома с машинами, которые отсюда казались точечками. На закат мы глядеть не могли, потому что задняя часть церкви выходила на восток, но мне нравилось смотреть на цвета полей и мягкие переливы красок на горизонте.

Как-то утром я проснулся раньше обычного. Мы с Джонни спали прижавшись друг к другу так было теплее, – Далли был прав, когда сказал, что тут у нас будет холодно. Стараясь не разбудить Джонни, я вышел на крыльцо и закурил. Как раз занимался рассвет. Вся низина была затянута туманом, обрывки которого иногда взлетали вверх, будто облачка. На востоке небо посветлело, горизонт стал тонкой золотой линией. Серые облака порозовели, и туман окрасился золотым. Настал безмолвный миг, когда все кругом будто затаило дыхание, и тут вошло солнце. Было очень красиво.

– Ого, – услышав за спиной голос Джонни, я чуть не подпрыгнул, – вот так красота.

– Да, – вздохнул я, жалея, что у меня нет красок, чтобы нарисовать эту картину, пока она не стерлась из памяти.

– Туман был красивым, вот что, – сказал Джонни. – Сплошное золото с серебром.

– Угуммм, – ответил я, пытаюсь пустить колечко дыма.

– Жаль, что он все время таким не может быть.

– Золото не остается навек. – Я вспомнил стихотворение, которое читал когда-то.

– Чего?

Мир первой зеленью в злато одет,
Но невозможно сберечь этот цвет,
Лист распускается ярким цветком,
Чтоб через час отгореть целиком.
Лист уступает дорогу листу.
Так и Эдем уходил в пустоту,
Так и заря завершает свой бег.
Золото не остается навек^[5].

Джонни глядел на меня во все глаза.

– Это ты откуда узнал? Я ведь как раз это и имел в виду!

– Это Роберт Фрост написал. Тут, правда, смысла больше, чем я понимаю. – Я изо всех сил пытался понять, что же хотел сказать поэт, но мысль от меня все ускользала. – Я это стихотворение и запомнил, потому что так до конца и не понял, о чем он тут говорит.

– Знаешь, – медленно сказал Джонни, – я раньше ничего этого не замечал – ни облаков, ни красок, пока ты не начал о них говорить. А до этого их как будто и не было. – Он задумался. – Странная у тебя семья.

– И что же в ней такого странного? – сухо спросил я.

Джонни быстро глянул на меня.

– Я ничего плохого в виду не имел. Я хотел сказать, в смысле, что Газ, например, похож на вашу маму, а ведет себя точь-в-точь как ваш отец. А Дэрри – вылитый ваш отец, но он не такой бедовый, как он, не хохочет, как он хохотал бывало. Он ведет себя как ваша мама. А ты ни на кого из них не похож.

– Знаю, – сказал я. – Да и ты, – добавил я, хорошенько все обдумав, – ни на кого из банды не похож. Я ни Смешинке, ни Стиву, ни даже Дэрри не смог бы рассказать про облака, закаты и это вот все. При них я бы и стих этот не вспомнил. В общем, они бы меня просто не поняли. А вот вы с Газом понимаете. Ну и, может еще Черри Баланс.

Джонни пожал плечами.

– Нуда, – вздохнул он. – Похоже, мы от них отличаемся.

– Да ну брось, – сказал я, пустив идеальное колечко дыма, – может, это они отличаются от нас.

На пятый день мне так осточертела колбаса, что меня от одного взгляда на нее мутило. Шоколадные батончики мы съели в первые два дня. Я умирал – хотел пепси. Меня, пожалуй, можно назвать пепси-наркоманом. Я ее хлебаю ведрами, пять дней без пепси – и я чуть не помер. Джонни пообещал, что купит, когда у нас припасы кончатся и придется опять идти за едой, но тогда мне это никак не помогло. И курил я больше обычного – наверное, от нечего делать, – хоть Джонни и говорил, что мне плохо сделается, если я столько выкурю. Насчет сигарет мы следили – начнись тут пожар, и старая церковь, считай, пропала.

За пять дней я дочитал в «Унесенных ветром» до того места, когда Шерман осадил Атланту, проиграл Джонни в покер сто пятьдесят баксов, выкурил две пачки «Кэмела», после чего, как и предсказывал Джонни, мне

поплохело. Я весь день ничего не ел, а на пустой желудок курить паршиво.

Я свернулся калачиком в углу, чтобы проспаться от курева. Я уже засыпал, когда услышал – как будто где-то вдалеке – тихий протяжный свист, оборвавшийся на резкой высокой ноте. Я и внимания не обратил – клевал носом, хотя Джонни незачем было так свистеть. Он сидел на ступеньках возле задней двери и пытался читать «Унесенных ветром». Я уж было решил даже, что весь мир мне приснился, а на самом деле его и не было, были только бутерброды с колбасой, гражданская война, старая церковь и туман в долине. Мне казалось, будто я всегда жил в церкви, или, может, жил во время гражданской войны, а потом каким-то образом перенесся в эту церковь. Это, чтоб вы понимали, до чего у меня безумное воображение. Кто-то потыкал меня ногой под ребра.

– Ох, ничего себе, – раздался грубый, но знакомый голос, – да с такими волосами его и не узнать.

Я перевернулся, сел, зевая и потирая глаза. И вдруг заморгал:

– Далли! Привет!

– Привет, Понибой! – он рассмеялся, глядя на меня сверху вниз. – Или тебя Спящей Красавицей теперь звать?

Вот уж не думал, что когда-нибудь обрадуюсь Далли Уинстону, но сейчас Далли значил для меня только одно – контакт с внешним миром. И мир этот вдруг стал живым и осязаемым.

– Как Газ? Копы нас ищут? А Дэрри в порядке? А ребята знают, где мы? Что...

– Притормози-ка, парень, – перебил меня Далли. – Я на все разом не могу отвечать. А вы не хотите ли сначала чего-нибудь поесть? Я не завтракал и умираю с голоду.

– Это ты-то умираешь с голоду? – от возмущения у Джонни даже голос начал срывать.

Я сразу колбасу вспомнил.

– А нам можно уже отсюда? – нетерпеливо спросил я.

– Ага. – Далли похлопал себя по карману, но сигарет там не оказалось. – Есть раковые палочки, Джонни-кекс?

Джонни кинул ему пачку.

– Фараоны вас тут искать не станут, – сказал Далли закуривая. – Они думают, вы в Техас подались. Я у Бака «Ти-Бёрд» одолжил, оставил его внизу, возле дороги. Черт, ребятки, вы тут ели хоть что-нибудь?

Джонни удивился:

– Ну да. А с чего ты взял, что мы ничего не ели?

Далли покачал головой.

– Вы оба бледные, и оба исхудали. На солнышко потом почаще выходите. А то кажется, будто вас тут пытали.

Я открыл было рот, чтоб сказать: «На себя посмотри!», но решил не связываться. Далли не помешало бы побриться – подбородок у него зарос белесой щетиной, – и казалось, что это он всю неделю спал не раздеваясь, а не мы. Я знал, что иногда он мог месяцами не бриться. Но с Далли Уинстоном умничать не стоило – себе дороже.

– Кстати, Понибой, – он вытащил из заднего кармана листок бумаги, – тебе письмо.

– Письмо? От кого?

– Ну конечно, от президента, балбес. От Газа.

– От Газа? – растерянно переспросил я. – Но откуда он знает?..

– Пару дней назад он зашел за чем-то к Баку и нашел твою фуфайку. Я ему сказал, что не знаю, где ты, но он мне не поверил. Дал мне письмо и еще ползарплаты своей, сказал, чтоб я тебе отдал. Эх, парень, видел бы ты Дэрри. Вот кому тяжело приходится...

Но я уже не слушал его. Я привалился к стене и начал читать:

Понибой,

Ну ты и вляпался, а? Мы с Дэрри чуть умом не двинулись, когда ты вот так сбежал. Дэрри страшно жалеет, что тебя ударил. Ты ж понимаешь, что он не со зла. А потом когда вы с Джонни пропали, в парке нашли мертвого паренька, а Далли потащили в полицию, кароче мы ужас как перепугались. Полиция и к нам приходила спрашивали всякое, мы уж ответили как смогли. Не верю я что малыш Джонни мог кого то убить. Я знаю что Далли знает где вы, но сам знаешь какой он. Молчит в тряпку и мне ни слова. Дэрри вообще не представляет где вы и что с вами и чуть с ума не сошел уже. Вам бы вернуться да сдать, но тогда наверно Джонни и покалечить могут, так что это похоже нельзя. Зато вы прославились. В газете про одного тебя целый абзац написали. Береги себя и передавай Джонни от нас привет.

Газировка Кертис

Правописание у него, конечно, хромает, подумал я, прочитав письмо раза три или четыре.

– А зачем тебя в полицию потащили? – спросил я Далли.

– Прикинь, пацан, – оскалился он во весь рот, – меня все ребята в участке уже знают. Как чего случается, так меня обязательно в полицию тащат. Ну и пока я там сидел, то случайно как бы обмолвился, что вы в Техас рванули. Там они вас и ищут.

Он затаился сигаретой и добродушно ругнулся – мол, жаль, что не «Кул». Джонни с восхищением его слушал.

– Вот ты умеешь ругаться, Далли.

– Эт точно, – искренне согласился Далли, который очень гордился своим словарным запасом. – Но вы, малыши, не вздумайте у меня плохому учиться.

Он грубовато потрепал меня по голове.

– Дружок, ты как волосы отрезал, и сам на себя стал не похож. Вот у тебя кейфовые волосы были. У вас с Газом были самые крутяцкие волосы в городе.

– Знаю, – кисло отозвался я. – Выгляжу я паршиво, не напоминай лишний раз.

– Так вы есть-то хотите или нет?

Мы с Джонни вскочили.

– Еще как!

– Эх, – мечтательно сказал Джонни, – здорово будет снова в машине проехаться.

– Ну тогда, – протянул Далли, – уж я вас прокачу будь здоров.

Далли всегда ездил очень быстро, как будто ему и наплевать было, доедет ли он, куда собирался, или нет, и поэтому по пыльной красной дороге мы летели со скоростью восемьдесят пять миль в час. Я сам люблю быструю езду, а Джонни, тот и вовсе гонки обожал, но мы с ним оба, конечно, позеленели, когда Далли на полном ходу стал заворачивать на двух колесах под визг тормозов. А может, это все потому, что мы в машине давно не ездили.

Мы заехали в «Дэйри Квин»^[6], и я первым делом заказал себе пепси. Сэндвичи барбекю и банановые сплиты мы с Джонни глотали почти не жуя.

– Господи, – поразился Даллас, глядя, как мы все заглатываем, – да никто у вас еду не отнимет. У меня еще куча денег. Вы полегче там, а то наблюдаете на меня потом еще. Надо же, а я-то думал, что я голодный!

Джонни только стал жевать еще быстрее. А я стал есть помедленнее, только когда у меня голова разболелась.

– И вот еще что, – сказал Далли, доедая третий по счету гамбургер. – У

нас с вобами теперь по всему городу идет самая настоящая война. У того парня, что вы убили, дружки везде были, поэтому теперь или они, или мы. По одному ходить вообще нельзя. Я теперь пушку с собой ношу...

– Далли, – испуганно сказал я, – из пушки же можно человека убить!

– Ножом-то их тоже убить можно, верно? – огрызнулся Далли.

Джонни сглотнул.

– Не бойся, – продолжил Далли, – она не заряжена. Не хочу, чтоб меня за убийство загребли. Но для блефа – сгодится. Завтра вечером мы с вобами у нас на поле выясним отношения – мы с бандой Тима Шепарда против них. Был у нас разговор с президентом одного из их клубов, военный совет держали. Да, – вздохнул Далли, было видно, что он Нью-Йорк вспомнил, – совсем как в старые добрые деньки. Если победят они, то все останется, как и сейчас. А если мы, они на нашу территорию больше не суются – никогда. Тут пару дней назад на Смешинку напали. Мы с Дэрри вовремя подоспели, но ему впрочем, помощь и не особо нужна была. Смешинка дерется что надо. А, и совсем забыл, у нас же и шпион свой имеется.

– Шпион? – Джонни поднял голову от бананового сплита. – Кто?

– А вот та симпатичная деваха, которую я пытался склеить в тот же вечер, когда вы воба убили. Рыжая, Черри, как там ее.

Глава шестая

Джонни поперхнулся, а я чуть не опрокинул на себя политое горячим шоколадом мороженое.

– Черри? – хором переспросили мы. – Она же воб!

– Ну да, – сказал Далли. – Она пришла к нам на поле, вечером, после того, как на Смешинку напали. С нами там еще Шепард торчал и парочка его ребят, а тут она подъезжает, такая, на игрушечном «стингрее». И хватило ведь духу. Парни стали говорить, что надо бы ее припугнуть, раз уж она была девчонкой убитого паренька, ну и вообще, но Смешинка это все пресек.

Блин, в следующий раз буду только к нашим девчонкам клеиться.

– Да-а, – протянул Джонни, и я подумал, уж не вспомнил ли он, как и я, другой голос, такой же низкий, уже огрубевший до взрослости и слова: «В следующий раз своих девок клейте».

У меня мурашки по коже забегали.

А Далли продолжал:

– Она сказала, что переживает, – мол, вся эта каша из-за нее заварилась – ну а из-за кого же еще. И что она, значит, будет держать нас в курсе насчет того, что там вобы к схлесту затевают, а еще даст показания, что вобы были пьяные и сами на драку нарывались, а ты просто защищался. – Он мрачно хохотнул. – Ох, и ненавидит меня эта крошка. Предложил сводить ее в «Динго», мол, пойдем, выпьем колы, а она такая: «Нет, спасибо», и очень вежливо рассказала мне, куда мне следует пойти.

Она боялась влюбиться в тебя, подумал я. Значит, Черри Баланс, воб, чирлидерша и девчонка Боба пыталась нам помочь. Но нет, это не Черри-воб нам помогала, нам помогала Черри-мечтательница, которая любила смотреть, как садится солнце, и терпеть не могла драк. Трудно было поверить, что девчонка из вобов станет вдруг нам помогать, даже если эта девчонка кое-что понимала в закатах. А Далли и ухом не повел. Он уже и позабыл об этом.

– Блин, ну и дыра. Как они тут вообще развлекаются, в шашки, что ли, играют? – Далли со скучающим видом огляделся. – В жизни из города не уезжал. А вы?

Джонни помотал головой, а я сказал:

– Папа брал нас на охоту. Так что за городом я бывал. А как ты про церковь узнал?

– Братан мой двоюродный сюда иногда наезжает. Вот и подсказал мне, что тут кейфовое местечко есть, если вдруг пересидеть надо. Слышь, Понибой, а говорят, у вас в семье ты самый меткий стрелок.

– Ага, – ответил я. – Но больше всего уток все равно Дэрри приносил. Он и папа. Мы с Газом больше дурачились, только дичь распугивали.

Не мог же я признаться Далли, что терпеть не мог в кого-то стрелять. Подумает еще, что я нюня.

– Хорошая идея, кстати. В смысле – подстричься и волосы осветлить. В газетах печатали ваши описания, но вы теперь точно под них не подходите.

Джонни, который под шумок доедал уже пятый сэндвич барбекю, вдруг взял и заявил:

– Мы вернемся и сдадимся полиции.

Теперь поперхнулся Далли. Потом продолжительно выругался. Потом склонился к Джонни и спросил:

– Чего?

– Говорю, мы вернемся и сдадимся полиции, – тихо повторил Джонни.

Я удивился, но не то чтоб сильно. Я и сам много раз думал, что надо бы сдать, но Далли, очевидно, эта мысль в голову вовсе не приходила.

– Я могу еще легко отделаться, шансы у меня хорошие, – отчаянно сказал Джонни, и я не знал, это Далли он хочет убедить или себя. – В полицию меня ни разу не забирали, и, вообще, это была самозащита. Понибой и Черри подтвердят. И я не собираюсь всю жизнь просидеть в этой церкви.

Для Джонни это была прямо целая речь. Его огромные черные глаза стали еще больше при одной только мысли о том, что ему придется пойти в полицию, потому что Джонни до смерти боялся копов, но он все равно добавил:

– Мы никому не скажем, Далли, что ты нам помог, отдадим тебе пистолет и остатки денег, а сами скажем, что обратно добрались на попутках, и тогда к тебе никто не привяжется. Лады?

Далли жевал уголок своего удостоверения – там было написано, что ему якобы двадцать один и он имеет право покупать спиртное.

– Вы точно хотите вернуться? Нам, грязерам, от полиции сильнее достается.

Джонни кивнул.

– Точно. Нечестно, что Понибой торчит тут со мной в этой церкви, а Дэрри с Газом с ума сходят от беспокойства. Вряд ли... – тут он сглотнул и спросил, стараясь говорить как можно небрежнее, – вряд ли мои родители

там обо мне волнуются, или еще что?

– Парни за тебя волнуются, – сухо ответил Далли. – Смешинка собрался в Техас ехать, вас искать.

– Родители, – упрямо повторил Джонни, – они насчет меня спрашивали?

– Нет, – огрызнулся Далли, – не спрашивали. Да и хрен бы с ними, Джонни, какое тебе до них дело? Вон моему старику вообще начхать – в тюрьме я сижу, в канаве пьяный валяюсь или разбился насмерть на тачке. И меня это ни капли не волнует.

Джонни промолчал. Только уставился на приборную доску с такой болью и растерянностью в глазах, что я чуть не разревелся.

Далли выругался себе под нос и чуть коробку передач с мясом не выдрал из «Ти-Бёрда», когда мы с ревом отъехали от «Дэйри Квин». Мне было жаль Далли. Он-то искренне говорил, что ему на родителей наплевать. Но и он, и все наши парни из банды знали, что Джонни было не наплевать, и потому изо всех сил старались заменить ему родителей. Уж не знаю, что такого было в Джонни – может, из-за того, что вид у него был как у потерявшегося щенка, может из-за того, что глаза у него были такие огромные и испуганные, – но все с ним обращались как с младшим братишкой. Но как бы они ни старались, а родителями ему они стать не могли. Я немного поразмышлял об этом – Дэрри с Газом были моими братьями, ну и пускай, что Дэрри меня пугал, я любил их обоих, но даже Газ не смог заменить мне маму с папой. И это при том, что они мне родные братья, не какие-нибудь там названные. Понятно, почему Джонни переживает, что родителям он не сдался. Такое Далли мог пережить – Далли был из той породы людей, которые все что хочешь пережить могут, потому что он крутой и злой, и даже когда он не был крутым и злым, он в одну минуту таким мог стать. Джонни классно дрался, и умел делать вид, будто ему все до лампочки, но человек он был чувствительный, а для грязера это не самое лучшее качество.

– Блин, Джонни, – прорычал Далли, когда мы летели по красной дороге, – и чего ты пять дней назад-то сдаться не надумал? Всем было бы куда проще.

– Я перетрусил, – признался Джонни. – Я и сейчас трушу. – Он потер пальцем огрызок бакенбарда. – Похоже, Понибой, мы с тобой зазря волосы испортили.

– Похоже на то.

Я был рад, что мы едем домой. У меня эта церковь уже вот где сидела. Да хоть бы я облысел – наплевать.

Далли только ослабил, а я уже на собственной шкуре проверил, что с ним лучше не заговаривать, когда у него глаза вот так поблескивают. Так можно и чем-нибудь тяжелым по голове получить. Такое уже было раньше, у нас в банде всем от Далли рано или поздно доставалось. Между собой мы почти что и не дрались – Дэрри у нас был вроде как за главного, потому что он головой лучше всех думает, Газ со Стивом еще с детского сада дружили и вообще никогда не дрались, а Смешинке просто лениво было с кем-то цапаться. Джонни все чаще помалкивал и в споры не влезал, да и никто с Джонни и не подумал бы драться. Я тоже, в основном, помалкивал. Но с Далли дела обстояли совсем по-другому. Как что не по его, так он молчать не станет, скажешь ему что-нибудь поперек – берегись, короче. Даже Дэрри не хотел с ним связываться. От Далли добра не жди.

Джонни сидел, уставившись себе под ноги. Он прямо не выносил, когда на него кто-нибудь злился. Вид у него был самый что ни на есть печальный. Далли то и дело косился на него. Я глядел в окно.

– Джонни, – Далли вдруг заговорил пронзительным, умоляющим голосом, я в жизни не слышал, чтоб он так говорил, – Джонни, я на тебя не сержусь. Я просто не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ты и сам не знаешь, что с тобой будет после пары месяцев в тюрьме. Ох, черт, Джонни, – он откинул со лба светлую, почти белую челку, – в тюрьме ты ожесточишься. А я не хочу, чтоб с тобой это случилось. Как со мной...

Я все глядел в окно на проносящиеся мимо пейзажи, а сам прямо чувствовал, как у меня глаза на лоб лезут. Никогда я от Далли таких слов не слышал. Никогда. Далли только о себе думал, а на всех остальных чхать хотел, потому что Далли был крутым, злым и жестоким. Никогда он даже не заикался о своем прошлом, о том, каково ему пришлось в тюрьме, – обычно он похвалялся только, когда про тюрьму рассказывал. И тут я вдруг подумал про Далли... десятилетнего Далли, который попал в тюрьму... Далли, который рос на улицах...

– Ты хочешь, чтобы я всю оставшуюся жизнь прятался? Чтоб был вечно в бегах? – серьезно спросил Джонни.

Ответь тогда Далли, что да, мол, и Джонни вернулся в церковь – и не пикнул бы. Он считал, что Далли лучше во всем разбирается, и что слово Далли – закон. Но что ответил бы Далли, он так и не узнал, потому что тут мы как раз подъехали к Сойкиной горе и Далли вдруг резко дал по тормозам и уставился в окно.

– Ох, черт, – прошептал он.

Церковь горела!

– Пойдем, посмотрим, что там, – я выскочил из машины.

– Чего ради? – раздраженно спросил Далли. – А ну сядь обратно, пока я тебе по башке не настучал.

Но я-то знал, что Далли сначала нужно припарковаться, а потом меня поймать, да и Джонни уже вылез из машины и бежал за мной, поэтому я решил, что ничего страшного Далли со мной не сделает. Мы слышали его ругань, но ловить он нас не стал, не так уж и рассердился. Перед церковью собралась толпа – в основном, какие-то детишки, и я еще подумал, как это они так быстро успели сюда добежать. Я постучал по плечу первого попавшегося взрослого.

– Что случилось?

– Да мы и сами точно не знаем, – добродушно улыбнулся мне дядька в ответ. – У нас тут школьный пикник был, и вдруг – не успели мы и оглянуться – как церковь запылала. Слава богу, что сейчас дожди, да и церковь-то – невелика потеря. – Он прокричал детям: – Дети, отойдите назад! Пожарные скоро приедут.

– Это все из-за нас, вот как пить дать, – сказал я Джонни. – Наверное, сигарету не потушили или еще что.

Тут к нам подбежала какая-то дамочка.

– Джерри, я кое-кого из детей недосчиталась.

– Да тут они где-нибудь. Такой переполох, за всеми и не углядишь.

– Нет, – она покачала головой. – Я их уже полчаса доискаться не могу.

Мне помнится, они на гору взбирались...

Тут мы все и застыли. Откуда-то доносились слабые, очень слабые крики. И, похоже, доносились они из церкви.

Женщина побелела.

– Я же велела им не играть в церкви... я же им велела...

Вид у нее был такой, будто она вот-вот заорет, поэтому Джерри ее потряс.

– Спокойно, мы их вытащим, – я со всех ног рванул было к церкви, но мужчина ухватил меня за руку.

– Я их вытащу! Вам, детям, там делать нечего!

Я вырвался и побежал. В голове была только одна мысль: это из-за нас. Это из-за нас. Это из-за нас.

Через горящую дверь я войти не собирался, поэтому расколотил окно здоровенным булыжником и влез через него. Сейчас вот думаю, чудом еще не порезался.

– Эй, Понибой!

Я вздрогнул, оглянулся. Я и не знал, что Джонни за мной следом побежал. Я сделал глубокий вдох, закашлялся. Дым ел глаза, потекли

слезы.

– А дядька тот – за тобой?

Джонни мотнул головой.

– Не, он в окно лезть не стал.

– Испугался?

– Не-а, – Джонни усмехнулся. – Не пролез.

Я боялся, что если засмеюсь, то захлебнусь дымом. Треск и грохот меж тем становились все громче, и Джонни проорал:

– А дети где?

– Возле черного хода, наверное, – проорал я в ответ, и мы с ним стали пробираться через церковь.

Мне же должно быть страшно, на удивление отстраненно размышляя, а мне не страшно. На нас – жалящими муравьиными укусами – сыпались пепел и угольки. И вдруг посреди красного жара и марева, я припомнил, что мне хотелось узнать, каково это – очутиться внутри пылающего угля, и я подумал – ну вот, теперь я знаю, это красный ад. Так почему же мне не страшно?

Мы кое-как отворили дверь в подсобку и увидели, что штук пять детишек – лет по восемь, а то и младше – сгрудились в уголке. Один орал во всю глотку, и Джонни тогда заорал тоже:

– А ну заткнись! Щас мы тебя вытащим!

Кроха так удивился, что даже закрыл рот. Я и сам заморгал – Джонни был сам на себя не похож. Он оглянулся и увидел, что в дверь не выйдешь – за ней бушевал пожар, тогда он распахнул окно и выкинул в него первого попавшегося ребенка. Я успел увидеть его лицо – все в красных метинах от угольков, полосатое от пота, но Джонни смеялся. Ему тоже не было страшно. По-моему то был единственный раз, когда я вообще видел Джонни без этого его затравленного, недоверчивого взгляда. Казалось, будто сегодня – лучший день в его жизни.

Я ухватил какого-то ребенка, тот, разумеется, в ответ меня укусил, но я все равно, высунувшись в окно, шлепнул его наземь как можно аккуратнее, хоть времени у нас и было в обрез. За окном уже собралась толпа. Далли тоже там был, и, увидев меня, он завопил:

– А ну вылезай оттуда, кому сказал! Крыша щас рухнет! К черту детей этих!

Я и ухом не повел, хотя куски старой крыши падали уже как-то совсем рядом, можно было и насторожиться. Я схватил еще одного ребенка, надеясь, что хоть этот не станет кусаться, и вышвырнул его из окна, уже не проверяя, как он там приземлился. Кашель так скрутил меня, что я еле на

ногах стоял, жалея, что не успел снять с себя куртку Далли. Было очень жарко. Когда мы просунули в окно последнего ребенка, церковь начала рушиться. Джонни толкнул меня к окну:

– Лезь!

Я выскочил в окно под треск перекрытий и рев огня. Меня так шатало, что я чуть не упал, я кашлял и хватал ртом воздух. И тут я услышал крик Джонни, но едва я обернулся, чтобы влезть обратно, за ним, Далли, выругавшись, треснул меня по спине, да так сильно, что я провалился в блаженную темноту.

Когда я очнулся, меня мотало из стороны в сторону, все тело болело и ныло, и я вяло пытался понять, где нахожусь. Думать получалось не очень, мешал какой-то надсадный вой, и я все не мог понять – это у меня в голове или все-таки снаружи.

Наконец я понял, что воеет сирена. Фараоны, равнодушно подумал я. Копы нас поймали. Я застонал, пытаюсь не разжимать рта. Отчаянно хотелось, чтоб рядом был Газ. Кто-то нежно обтер мне лицо влажной прохладной тряпкой, послышался голос:

– Похоже, приходит в себя.

Я открыл глаза. Было темно. Меня куда-то везут, подумал я. В тюрьму?

– Куда?.. – хрипло сказал я, не в силах выдать больше ни слова. Горло ужасно болело. Я заморгал, глядя на сидевшего возле меня незнакомца. Нет, это не незнакомец... Я его уже где-то видел...

– Тише, тише, парень. Ты в скорой.

– Где Джонни? – вскрикнул я, перепугавшись из-за того, что оказался в машине один и с какими-то чужими людьми. – И Даллас?

– Они в другой скорой, едут прямо за нами. Так что успокойся. Все с тобой будет хорошо. Ты просто сознание потерял.

– Ничего я не терял, – ответил я скучающим, грубоватым голосом, каким мы обычно разговаривали с копами и незнакомцами. – Меня Даллас стукнул. Но почему?

– Потому что у тебя спина горела, вот почему.

Я удивился.

– Правда? Надо же, а я и не почувствовал. И больно не было.

– Мы успели все потушить, ожогов нет. Ты не обгорел только благодаря этой куртке, как знать, она тебе, может, жизнь спасла. Ты просто отключился – испугался немного, дыма надышался, ну и удар по спине свое дело сделал.

Тут я вспомнил этого дядьку – какой-то там Джерри, который не смог пролезть в окно. Наверное, он учитель, подумал я.

– Вы нас в полицию везете? – спросил я, до сих пор толком не понимая, что нас ждет.

– В полицию? – теперь он удивился. – С чего бы нам везти вас в полицию? Мы вас троих в больницу везем.

Я решил не отвечать на этот его вопрос.

– А с Джонни и Далли все хорошо?

– Кто из них кто?

– У Джонни черные волосы. А Далли – тот, что покруче.

Он принялся разглядывать свое обручальное кольцо. Может, о жене вспомнил, подумал я. Лучше бы он не молчал.

– Со светловолосым парнишкой, похоже, все будет хорошо. Он, правда, одну руку здорово обжег, когда пытался второго мальчишку из окна вытащить. Джонни, ну, насчет него не знаю. Ему обломком бруса по спине попало – мог и позвоночник сломать, к тому же он сильно обгорел. Когда его вытащили, он уже был без сознания. Ему сейчас плазму переливают. – Тут он, наверное, заметил, какое у меня стало лицо, и поспешно сменил тему. – Честное слово, я давно не видал таких храбрых ребят, как вы. Сначала вы с тем черноволосым пареньком лезете в окно, а потом парень, похожий на хулигана, кидается туда, чтобы спасти друга. Мы с миссис О’Брайент считаем, что вы к нам прямиком с небес спустились. Или это у вас просто профессия такая – герои?

С небес? Да он Далласа-то видел вообще?

– Нет, мы грязеры, – сказал я.

Я так встревожился и испугался, что не оценил его попыток меня развеселить.

– Вы кто?

– Грязеры. Ну, знаете, типа как хулиганы, малолетние преступники. Джонни разыскивают за убийство, а на Далли у полицейских уже километровое досье.

– Это что, шутки такие? – Джерри вылупился на меня так, как будто я, не знаю, от шока еще не отошел.

– Нет. Будем в городе, сами в этом убедитесь.

– Ну, мы в любом случае туда вас везем, в больницу. У тебя в бумажнике мы нашли карточку с адресом, вот мы и узнали, что ты оттуда. Тебя вправду зовут Понибой?

– Да. Так и в свидетельстве о рождении записано. И нечему тут удивляться. А... – навалилась слабость, – а с детьми-то все нормально?

– Все отлично. Ну, перепугались разве. Сразу после того, как вы выбрались, там как будто взорвалось что-то. Хлопки – точь-в-точь как

выстрелы.

Выстрелы. Мы там пистолет забыли. И «Унесенных ветром». С небес нас, значит, послали? Я еле слышно засмеялся. Похоже, дядька этот понял, что я на грани истерики, потому что всю дорогу до больницы он говорил со мной тихим, успокаивающим голосом.

Я сидел в приемном покое, ждал, пока мне сообщат, как там Далли и Джонни. Меня уже осмотрели, но со мной все было нормально – так, пара ожогов да здоровенный синяк на спине. Далли и Джонни в больницу внесли на носилках. У Далли глаза были закрыты, но когда я с ним заговорил, он ухмыльнулся и пообещал, что в следующий раз за такие глупости он из меня всю душу выбьет. Его уносили уже, а он все на меня ругался. Джонни был без сознания. Я боялся на него смотреть, но потом с облегчением увидел, что лицо у него не обожжено. Он просто был очень бледный, очень неподвижный и какой-то нездоровый. Я чуть не расплакался, увидев его, но сдержался, потому что вокруг были люди.

Джерри Вуд не отходил от меня ни на минуту. Все благодарил за то, что мы детишек вытащили. Его и не трогало похоже, что мы хулиганы. Я ему всю историю выложил – прямо с того самого момента, как мы с Далласом и Джонни встретились на углу Пикетт и Саттон. Умолчал только про пистолет и про то, как мы в грузовом вагоне незаконно проехали. Джерри очень мило себя повел, сказал, что после такого геройского поступка нам точно ничего не грозит, особенно если это была самозащита, ну и вообще.

И вот, я там сидел и курил, а Джерри как раз отошел позвонить. Вернулся – и так на меня и вытаращился.

– Не кури, не надо.

Я удивился.

– Это еще почему? – Я поглядел на сигарету. Сигарета как сигарета. Огляделся, думал, тут, может, где знак висит «Не курить!», но знака не было. – Почему?

– Ээээ, ну-у, – замялся Джерри, – в общем, маловат ты еще для этого.

– Это я-то?

Мне это и в голову не приходило. В нашем квартале все курили, даже девчонки. Не курил один Дэрри, который слишком уж гордился тем, какой он спортсмен, и берег здоровье, а так мы все начали курить еще чуть ли не в детстве. Джонни курил с девяти, Стив начал в одиннадцать. Так что, когда начал курить я, никто и не подумал, что с этим что-то не так. Я в семье был один курилка – Газ курит только, чтобы подуспокоиться, ну или если хочет

казаться крутым.

Джерри только вздохнул, но потом улыбнулся.

– Там к тебе пришли. Говорят, что они твои братья, в общем, родственники.

Я вскочил и рванул к двери, но она уже распахнулась, и Газ стиснул меня в объятиях и принялся кружить. Я так был рад его видеть, что чуть не разревелся. Наконец он поставил меня на ноги и поглядел на меня. Откинул мне челку со лба.

– Ох, Понибой, твои волосы... Твои кейфовые, кейфовые волосы...

И тут я увидел Дэрри. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, на нем были бежевые джинсы и черная футболка. С виду прежний – высокий, широкоплечий Дэрри, но стоял он, втиснув кулаки в карманы, и взгляд у него был умоляющий. Я просто смотрел на него. Он сглотнул и хрипло сказал:

– Понибой...

Я отлип от Газа, замер. Дэрри меня не любил... это из-за него я тогда сбежал из дома... он меня ударил... орал на меня все время... ему на меня начхать. И тут я с ужасом заметил, что Дэрри плачет. Плакал он беззвучно, но по щекам у него катились слезы. Я уже давно не видел, чтоб он плакал, он не плакал, даже когда мама с папой погибли. (Я вспомнил похороны. Я поначалу держался, но все равно расплакался, Газ вообще сорвался и рыдал как ребенок, но Дэрри только стоял, засунув руки в карманы, и лицо у него было точь-в-точь как сейчас – беспомощное, жалкое.)

И тут до меня дошло все, что мне никак не могли втолковать Газ, Далли и Смешинка. Дэрри меня любил, может, прямо так же сильно, как и Газа, и именно потому, что он меня любил, он слишком уж рьяно старался, чтоб из меня что-то вышло. Когда он накричал на меня: «Пони, где тебя носило?», на самом деле он хотел сказать: «Пони, ты до смерти меня напугал. Пожалуйста, ну будь ты поосторожнее, я не переживу, если с тобой что-то случится».

Дэрри опустил голову и молча отвернулся. И тут я наконец вышел из ступора.

– Дэрри! – крикнул я, и сам не успел опомниться, как уже обнимал его за талию и сжимал так, будто хотел весь дух из него выжать.

– Дэрри, – сказал я, – прости меня...

Он гладил меня по голове, и я чувствовал, что он изо всех сил сдерживается, но его прямо трясет от рыданий.

– Ох, Пони, я думал, мы тебя больше не увидим... как маму с папой...

Так вот, значит, чего он втайне боялся – потерять еще кого-нибудь

близкого. Я вспомнил, что папа с Дэрри были неразлучны, и подумал, как это мне только в голову пришло, что Дэрри, мол, жесткий и бесчувственный. Через футболку я слышал, как колотится его сердце, и знал, что теперь все будет как надо. Пришлось поплутать, конечно, но я наконец вернулся домой. И никуда больше не уйду.

Глава седьмая

Теперь мы втроем сидели в приемном покое и ждали новостей про Далли и Джонни. Приезжали репортеры, приезжала полиция. Они задавали вопросы – слишком много, слишком быстро – и совсем меня запутали. Да и вообще, сказать по правде, чувствовал я себя препаршиво. Прямо нехорошо мне было. Ну и полиции я боюсь тоже. Репортеры так и сыпали вопросами – как из пулемета, я растерялся и уже плохо понимал, что к чему. Наконец Дэрри сказал им, что нечего на меня вопить, потому что я еще толком не оправился, и тогда они чуть подсадили назад. Дэрри он такой, немаленький.

Газ их всех насмешил до коликов. Он, значит, то стащит у одного репортера шляпу, у которой из-за ленты торчит карточка «Пресса», то у другого камеру выхватит и давай их передразнивать – разгуливает по больнице и берет интервью у медсестричек. Еще он пытался стащить пистолет у полицейского, а когда тот поймал его за руку, Газ начал так заразительно хохотать, что и полицейский не удержался от смеха. Газ кого хочешь насмешит. Мне удалось раздобыть немного бриолина и я зачесал волосы, так чтоб на снимках хоть чуть-чуть получше выглядеть. Я помру со стыда, если на фото в газетах буду с такими позорными волосами. Дэрри и Газировка тоже попали на фото, Джерри Вуд мне потом сказал, что нас так много фотографировали, потому что Дэрри с Газировкой очень симпатичные. Публике это понравится, сказал он.

Газ оттягивался вовсю. Если б дела не были так плохи, он бы, наверное, от всего этого еще больше удовольствия получил, но мимо такой шумихи никогда б не прошел. Вот правда, иногда он напоминал мне жеребенка. Длинноногого жеребенка соловой масти, которому обязательно надо во все свой нос сунуть. Репортеры восхищенно на него пялились, я ж говорил, что он похож на кинозвезду и весь так и светится.

Наконец даже Газу репортеры надоели – когда что-нибудь надолго затягивается, ему это быстро надоедает – и он растянулся на скамейке, уткнулся головой в коленки Дэрри и уснул. Наверное, они здорово устали – было уже поздно, да и, как я понимаю, на неделе им особо спать не пришлось. Даже отвечая на вопросы, я думал о том, что всего каких-нибудь несколько часов тому назад, улегся спать в углу церкви, чтобы стряхнуть одурь от сигарет. Теперь это казалось каким-то сном, нереальностью, а ведь тогда мне казалось, что другой реальности не существует. Наконец и

репортеры, и полицейские стали расходиться. Один репортер повернулся ко мне и спросил:

– А вот если бы ты мог сейчас сделать все, что захочешь, что бы ты сделал?

Я устало поглядел на него.

– Помылся бы.

Они-то сочли, что я так классно пошутил, но я говорил серьезно. Мне казалось, будто я весь завшивел. После того, как все разошлись, в больнице стало очень тихо. Слышно только было, как тихонько ходят медсестры да посапывает Газ. Дэрри глянул на него, вымученно улыбнулся.

– Он на этой неделе спал мало, – тихо сказал он, – считай, что и вообще не спал.

– Хммммм, – сонно отозвался Газ, – ты тоже Сестры нам отказывались сообщать хоть что-то про Джонни и Далли, поэтому Дэрри поймал врача. Врач сказал, что разговаривать будет только с членами семьи, но Дэрри все-таки удалось вдолбить этому дядьке, что мы, в принципе, и есть семья Джонни и Далли.

Далли еще проваляется в больнице денька два или три, но с ним все будет хорошо, сказал врач. Он здорово обжег руку, шрамы на всю жизнь останутся, но уже через пару недель он ей сможет нормально пользоваться. С Далли-то все будет хорошо, думал я. С Далли всегда все хорошо. Он что хочешь переживет. Я насчет Джонни волновался.

Джонни был в критическом состоянии. Упавшая балка сломала ему позвоночник. Он в шоковом состоянии, ожоги третьей степени. Врачи делают все, чтобы облегчить боль, впрочем, из-за того, что позвоночник у него сломан, боли от ожогов ниже пояса он просто не чувствует. Он все звал каких-то Далласа и Понибоя. Если выживет... Если? Пожалуйста, только не это, думал я. Пожалуйста, не надо никаких «если». У меня вся кровь от лица отхлынула, Дэрри крепко сжал мне плечо... Если выживет, останется калекой на всю жизнь.

– Просили все как есть, вот вам – все как есть, – сказал доктор. – А теперь идите домой и поспите.

Меня затрясло. В горле нарастала боль, хотелось плакать, но грязеры на людях не плачут. А некоторые грязеры и вообще не плачут. Например, Далли, Смешинка или Тим Шепард – эти разучились плакать еще в детстве. Джонни останется калекой на всю жизнь? Это просто сон, в панике подумал я, просто сон. Я проснусь дома или в церкви, и все станет как раньше. Но убедить себя я не смог. Даже если Джонни выживет, он останется калекой и больше не сможет играть в футбол, не сможет больше

пойти с нами на схлест. Ему придется торчать в ненавистном ему доме, где он никому не сдался, и как раньше уже не будет никогда. Я боялся даже рот раскрыть. Скажи я хоть слово и плотный ком в горле набухнет еще сильнее, и тогда я точно не смогу сдержаться и разревусь.

Я глубоко вздохнул и ничего не сказал. Газ к тому времени уже проснулся и лежал с каменным лицом, как будто и не слышал ничего, что врач сказал, но взгляд у него был печальный, ошеломленный. Когда случается что-то по-настоящему серьезное, до Газа это не сразу доходит, но уж когда доходит – накрывает с размаху. Лицо у него было такое же, как у меня, когда я увидел, как тот черноволосый воб, скрючившись, лежит в лунном свете и не двигается.

Дэрри тихонько потрепал меня по затылку.

– Поедем-ка домой. Тут нам пока делать нечего.

Мы сели в наш форд, и меня вдруг одолела сонливость. Я откинулся на сидении, закрыл глаза и не успел опомниться, как мы уже были дома. Газ ласково меня потряс:

– Эй, Понибой, просыпайся. Тебе еще до дома дойти надо.

– Угумммм, – сонно ответил я и улегся на сидении.

Я не смог бы встать даже под страхом смертной казни. Я слышал Газа с Дэрри, но их голоса доносились как будто бы издалека.

– Ой, ну вставай уже, Понибой, – уговаривал меня Газ. Он потряс меня уже посильнее. – Нам тоже спать охота.

Тут, похоже, Дэрри это все надоело, потому что он поднял меня и затащил в дом.

– Здоровый он уже вырос, чтоб на руках его таскать, – сказал Газ.

Я хотел ему сказать, чтоб он заткнулся, но получилось только зевнуть.

– Ну, он здорово похудел, – сказал Дэрри.

Сквозь сон я подумал, что надо бы ботинки снять, но так и не снял их. Я заснул, едва Дэрри шлепнул меня на кровать. Я и забыл, какими мягкими бывают кровати.

Наутро я проснулся первым. Наверное, Газ снял с меня ботинки и рубашку, лежал я в одних джинсах. А вот сам он, наверное, так хотел спать, что и раздеться не смог – Газ лежал рядом, полностью одетый. Я выполз из-под его руки и прикрыл его одеялом, затем пошел в душ. Когда Газ спал, то выглядел куда моложе своих почти семнадцати лет, но потом ведь и Джонни во сне выглядел моложе, так что, наверное, это у всех так. Может, во сне люди молодеют.

Помывшись, я натянул чистую одежду и минут пять, наверное, искал у себя на лице зачатки бороды и оплакивал волосы. Из-за этой чмошной

стрижки теперь было видно, что у меня уши торчат Дэрри еще спал, когда я прошел на кухню и принялся готовить завтрак. Кто первый встает, готовит завтрак, остальные – моют посуду. Такое у нас дома правило, и обычно завтрак готовит Дэрри, а нам с Газом достается посуда. Я порылся в холодильнике, отыскал яйца. Мы все любим яйца есть по-разному. Я люблю яйца вкрутую, Дэрри любит сэндвичи с яйцом, беконом и помидорами, а Газировка ест омлет с виноградным джемом. Но мы все трое очень любим на завтрак шоколадный торт. Мама запрещала нам есть сразу и торт, и яичницу с ветчиной, но мы с Газом уломали на это Дэрри. Впрочем, не то чтобы мы ему руки выкручивали, Дэрри сам не меньше нашего обожает шоколадный торт. Газировка всегда по вечерам проверяет – остался ли еще торт в холодильнике, а если нет, тогда сам его быстренько печет. Торты Дэрри мне нравятся больше, Газ вечно в глазурь кладет слишком много сахара. Не понимаю, как он может одновременно есть и джем, и яичницу, и шоколадный торт, но ему, похоже, нравится. Дэрри пьет черный кофе, а мы с Газом – шоколадное молоко.

Мы могли бы и кофе пить тоже, но уж очень любим шоколадное молоко. Мы трое прямо до смерти любим все шоколадное. Газ говорит, что если кому и суждено изобрести шоколадные сигареты, так это мне.

– Дома есть кто? – через дверь-сетку послышался знакомый голос, вошли Смешинка и Стив.

Мы так всегда делаем, приходим к кому-нибудь домой, просовываем в дверь голову и орем: «Эй!», а потом просто заходим. Мы входную дверь никогда не запираем, на случай если кто-то из ребят поругается с предками и захочет у нас перекантоваться и поостыть. Никогда не знаешь, кого утром увидишь на диване. Чаще всего у нас ночевал Стив, которому папаша примерно раз в неделю велит убираться из дому и не возвращаться. Стив всякий раз бесится, хоть старик наутро к нему и подлизывается, дает ему долларов пять-шесть. Ночевал у нас и Далли, который жил везде, где только мог. А однажды утром мы застали у нас даже Тима Шепарда, главаря банды Шепарда, а тут вообще не его территория – Шепард просто сидел в кресле и читал утреннюю газету. На нас он едва глянул, бросил: «Привет», и потом ушел, даже позавтракать не остался. Мать Смешинки пугала нас грабителями, но Дэрри напряг мускулы, так что они вздулись, будто громадные бейсбольные мячики, и прорычал, что никаких грабителей он не боится, да и ничего ценного у нас нет. Пусть лучше нас обворуют, сказал он, чем пойдут и сгоряча ограбят, например, заправку или еще что. Короче, дверь мы никогда не запирали.

– Есть! – крикнул я, забыв, что Дэрри и Газировка еще спят. – Дверью

не хлопай!

Ну конечно, дверью они хлопнули, и Смешинка влетел на кухню. Он ухватил меня подмышками и стал кружить, совершенно не обращая внимания на то, что у меня в руках два сырых яйца.

– Здорово, Понибой, – радостно вопил он, – давно не виделись!

Можно подумать, мы с ним пять лет не виделись, а не пять дней, но я не сопротивлялся. Смешинка мне нравился, он отличный приятель. Он перебросил меня Стиву, который весело шлепнул меня по больной спине, да так, что я улетел в другой угол. Одно яйцо выскочило у меня из рук. Приземлилось оно на часы, поэтому я покрепче ухватил второе, ну и раздавил его, и оно потекло у меня по руке.

– Смотри, что ты наделал, – проворчал я. – Это был наш завтрак. Не могли, что ли, подождать, пока я яйца положу, и только потом швырять меня туда-сюда?

Я и впрямь слегка разозлился, потому что только теперь понял, что уже давно ничего не ел. Последнее, что я съел, – мороженое с горячим шоколадом в «Дэйри Квин» в Виндриксвилле, и теперь я был очень голодный.

Смешинка медленно принялся меня обходить, и я вздохнул, зная, что сейчас начнется.

– Блин, гляньте, у нас плешак завелся! – он ходил кругами и все пялился на мою голову. – В жизни бы не поверил. А я уж думал, что всех индейцев в Оклахоме усмирили. И какой же крошке-скво достался твой кейфовый скальп, Понибой?

– Да отвали ты, – огрызнулся я.

Я вообще чувствовал себя не очень, как будто вот-вот свалюсь с простудой или типа того. Смешинка подмигнул Стиву, и Стив сказал:

– Не, он постригся, чтобы попасть в газету. Иначе кто бы поверил, что у героев бывают такие грязерские рожи. Ну что, крутышка, как оно – ходить в героях?

– Ходить – в чем?

– В героях. Ну вот, – он нетерпеливо сунул мне под нос утреннюю газету – типа в знаменитостях.

Я уставился на газету. На первой полосе, прямо посередине, был заголовок: «МАЛОЛЕТНИЕ ПРЕСТУПНИКИ СТАЛИ ГЕРОЯМИ».

– Мне нравится вот это «стали», – заметил Смешинка, убирая яйца с пола. – Вы с самого начала были героями. Вы в них не то чтобы внезапно превратились.

Но я его почти не слушал. Я читал газету. Вся полоса была про нас –

про драку, про убийство, про пожар в церкви, про то, что вобы были пьяные, про все, в общем. И моя фотография там была – вместе с Дэрри и Газировкой. В статье было написано, что мы с Джонни рисковали жизнями, спасая детей, а кто-то из родителей сказал – это было прямо процитировано, – что если бы не мы, дети сгорели бы заживо. И про драку с вобами там тоже все было написано, только в статье их «вобами» не называли, потому что взрослые не знают вообще, как мы тут с ними враждуем. Еще они взяли интервью у Черри Баланс, которая сказала, что Боб был пьяный, и когда они везли ее домой, стало ясно, что парни сами только и искали, с кем бы подраться. Боб сказал ей, что он нам задаст за то, что мы его девчонку склеили. Его приятель, Рэнди Аддерсон, который вместе с Бобом на нас и полез, тоже сказал, что они во всем виноваты, а мы только защищались. Но Джонни все равно было предъявлено обвинение в убийстве. Потом я выяснил, что мне придется предстать перед судом по делам несовершеннолетних за то, что я сбежал из дома, и Джонни тоже, если он выкарабкается. (Не «если», снова подумал я. Почему они все время говорят «если»?) В кои-то веки Далли не предъявили никаких обвинений, и я знал, как он взбесится, потому что в газете расписали, какой он герой, потому что спас Джонни, и ни словом не обмолвились о том, какое у полиции на него уже досье собрано, а Далли этим типа гордился. Попадись ему репортеры, он бы их прикончил. И там была отдельная колонка про Дэрри, Газа и меня: как, значит, Дэрри трудится на двух работах, и что везде о нем только хорошие отзывы, и каким в школе он был спортсменом, про Газа там было сказано, что он бросил школу только ради того, чтобы нам не разлучаться, а про меня – что в школе мое фото висит на доске почета и что я, может быть, будущая звезда легкой атлетики. (Кстати, я и забыл сказать – я же состою в школьной команде легкоатлетов, я там самый младший. Я бегаю хорошо.) И еще там было написано, что нас нельзя разлучать, раз уж мы так много сделали, чтобы нам остаться вместе.

Тут до меня дошло, что это значит.

– Получается... – я громко сглотнул, – что они хотят нас с Газом по приютам распихать или еще куда?

Стив старательно зачесывал волосы назад, так чтобы завитки покрасивее ложились.

– Типа того.

Я так и сел, голова пошла кругом. Нельзя, чтобы нас упекли в приют. Только не теперь, когда у нас с Дэрри все наладилось, не теперь, когда на носу большой схлест и мы раз и навсегда разберемся с этой историей про грязеров и вобов. Не теперь, когда мы так нужны Джонни, а Далли в

больнице и на схлест не придет.

– Нет, – сказал я, и Смешинка, оттиравший яйцо с часов, обернулся и поглядел на меня.

– Чего – нет?

– Нет, ни в какой приют они нас не отправят.

– Насчет этого ты не волнуйся, – сказал Стив, самонадеянно полагая, что уж они-то с Газом с чем хочешь справятся. – С героями так не поступают. А где Газ и Супермен?

Больше он ничего не успел сказать, потому что Дэрри, одетый и свежесбрившийся, возник у него за спиной и сначала поднял его, а потом уронил на пол. Мы все хоть раз да называли Дэрри «качком» или «суперменом», но Стив однажды неосторожно сказал, что у Дэрри «сила есть, ума не надо», и Дэрри тогда ему чуть челюсть не сломал. Больше Стив ничего такого не говорил, но Дэрри ему этого так и не простил, Дэрри до сих пор переживал, что не поедет учиться в колледж. Я тогда, кстати, впервые видел, чтоб Газ разозлился на Стива, хотя Газу это все образование до лампочки. В школе ему было скучно. Там же ничего не происходит.

На кухню вбежал Газ.

– А где голубая рубашка, которую я вчера постирал.

Он отхлебнул шоколадное молоко прямо из пакета.

– Ты уж прости, дружище, что напоминаю тебе об этом, – сказал Стив, который так и остался лежать на полу, – но на работу надо приходиться в одежде. Типа даже закон такой есть.

– А, ну да, – сказал Газ. – И белые джинсы мои где?

– Я погладил. В моем шкафу лежат, – сказал Дэрри. – Поторопись, не то опоздаешь.

Газ убежал обратно, бормоча:

– Тороплюсь, тороплюсь.

Стив пошел за ним, и уже через секунду в гостиной начался какой-то балаган и битва подушками. Я рассеянно глядел, как Дэрри ищет в холодильнике шоколадный торт.

– Дэрри, а ты знаешь про суд по делам несовершеннолетних? – выпалил я.

Не оборачиваясь, он ответил ровным голосом:

– Да, копы мне вчера вечером сказали.

Он, значит, понимал уже, что нас могут разлучить. Мне не хотелось его еще больше беспокоить, но я сказал:

– Мне вчера опять тот сон снился. Который я даже вспомнить не могу.

Дэрри резко обернулся, я увидел, что он по-настоящему испугался.

– Правда?

Накануне похорон мамы и папы мне приснился кошмар. Мне и раньше снились кошмары и всякие страшные сны, когда я был маленький, но такого не было никогда. Проснувшись, я орал так, будто меня режут. И я никогда не мог вспомнить, что же именно меня так напугало. Газировка с Дэрри пугались не меньше моего. Потом я каждую ночь много недель подряд просыпался с криками или в холодном поту. И ни разу не вспомнил, что я видел во сне. Тогда Газ стал спать вместе со мной, и кошмары стали пореже, но все равно никуда не делись, и Дэрри даже отвел меня к врачу. Врач сказал, что у меня очень бурное воображение. Лекарство он посоветовал простое: больше учиться, больше читать, больше рисовать и почаще играть в футбол. Обычно, наигравшись в футбол или просидев часов пять за книжками, я так выматывался – и умственно, и физически, – что спал вообще без снов. Но Дэрри так и не успокоился насчет этого, и то и дело спрашивал, не снились ли мне кошмары.

– Очень страшный? – спросил Смешинка.

Он знал эту всю историю, и его это все очень интересовало, потому что ему самому снились одни блондинки.

– Нет, – соврал я.

Проснулся я в холодном поту, меня всего трясло, но Газ дрых и ни на что не реагировал. Я просто подполз под его руку, да так и пролежал, дрожа, пару часов. После кошмара мне всегда было дико страшно.

Дэрри хотел что-то сказать, но тут вошли Газ со Стивом.

– Знаете что? – сказал Газировка, что называется, в зал. – Когда мы как следует отлупим этих вобчиков, мы со Стиви закатим большущую вечеринку и все знатно нагрузимся. А потом погоним вобов до самой Мексики.

– И где ж ты деньги возьмешь, малышок? – Дэрри нашел торт и раздал всем по куску.

– Что-нибудь придумаю, – жуя, заверил его Газировка.

– А Сэнди пригласишь? – спросил я, просто чтобы сказать что-нибудь.

И разом стало тихо. Я огляделся.

– Что не так-то?

Газировка уставился в пол, уши у него покраснели.

– Нет. Она уехала жить к бабке, во Флориду.

– Это еще почему?

– Слушай, – вдруг разозлился Стив, – тебе, что, на пальцах объяснять надо? Или это, или замуж, а ее родители чуть в окно не выпрыгнули, представив, как она выходит замуж за шестнадцатилетнего пацана.

– Семнадцатилетнего, – тихо сказал Газ. – Мне через пару недель будет семнадцать.

– А-а, – смущенно сказал я.

Газ, конечно, не был невинным ребенком, в компании других парней он своими победами всегда похвалялся так же громко, как и все остальные. Но про Сэнди он всегда молчал. Ни разу он не сказал ничего про Сэнди. Я вспомнил, как сияли ее голубые глаза, когда она смотрела на него, и мне стало ее очень жаль.

– Ох, не хочется мне тебя одного оставлять, Понибой, – протянул Дэрри. – Может, мне отпроситься на сегодня?

– Я и раньше один дома оставался. Отпрашиваться тебе нельзя, дорого выйдет.

– Ну да, но ты только что вернулся, мне бы надо остаться...

– Я с ним посижу, – сказал Смешинка, увертываясь от моих кулаков. – У меня других дел нет.

– На работу не хочешь устроиться? – спросил Стив. – Можно работать и себя содержать. Не приходила тебе такая мысль в голову?

– Работать? – ужаснулся Смешинка. – И всю репутацию себе испортить? Я бы и с малышом сидеть не стал, если б по субботам какие-нибудь приличные ясли были открыты.

Я выдернул из-под Смешинки стул и напрыгнул на него, но он вмиг меня скрутил. Мне дышалки не хватало. Надо с курением полегче, а то в следующем году не видать мне забега.

– Сдавайся!

– Фигу, – вырываясь, сказал я, но в этот раз сил у меня не было.

Дэрри натягивал куртку.

– Так, вы двое, помойте посуду. Если хотите, можете в кино сходить, перед тем, как пойдете в больницу к Далли и Джонни. – Он помедлил, глядя, как Смешинка выжимает меня как тряпку. – Смешинка, а ну, отстань от него. Вид у него не очень. Понибой, ты выпей пару таблеток аспирина и давай полегче. Выкуришь сегодня больше пачки, я с тебя шкуру спущу. Ясно?

– Ага, – ответил я, вставая на ноги. – А если ты сразу две коробки черепицы за раз на крышу потащишь, Газ с тебя шкуру спустит. Ясно?

Он улыбнулся – редкий случай.

– Ага. До вечера.

– Пока, – сказал я.

Я услышал, как наш фورد взрррррр-ревел, и подумал: Газ за рулем. И они уехали.

– ...ну и, короче, иду я такой по центру, а потом решил срезать через аллею, – рассказывал мне Смешинка об очередном своем приключении, пока мы с ним мыли посуду. Точнее, пока я мыл посуду. Он сидел на шкафчике и точил свой выкидной нож с черной рукоятью, которым он так гордился, – ...ну и наскочил на трех парней. Говорю им – «Здрате», а они только переглядываются. Потом один говорит: «Мы бы тебя пощупали, но ты, похоже, такой же скользкий тип, как и мы, а значит, брать у тебя нечего». Я говорю: «Дружище, твоя правда» – и иду себе дальше. Мораль – кем лучше всего быть, когда встречаешься с отбросами общества в темном переулке?

– Мастером дзюдо? – предположил я.

– Нет, таким же отбросом общества! – крикнул Смешинка и захохотал так, что чуть со шкафчика не свалился.

Я и сам невольно улыбнулся. Смешинка понимал, как оно все в жизни устроено, и вечно превращал все в шутку.

– Нужно дома прибраться, – сказал я. – А то кто-нибудь зайти может – репортеры или полиция, да и вообще, из социальных служб вот-вот должны прийти, как обычно, проверять нас.

– У вас дома не грязно. Видел бы ты, что у меня дома творится.

– Я видел. И если бы у тебя хоть чуть-чуть соображалка работала, ты бы тоже по дому помогал, вместо того, чтоб шататься без дела.

– Ой, малыш, ты это брось, мать бы удар хватил, если б я ей помогать стал.

Смешинкина мать мне нравилась. Она была такая же добродушная и веселая, как и он. Ленилась она не ленилась, не то что Смешинка, но ему все с рук спускала. Хотя, черт его знает, – по-моему, на Смешинку вообще невозможно злиться.

Когда мы закончили уборку, я натянул коричневую куртку Далли – сзади она вся почернела от огня, – и мы отправились на Десятую улицу.

– Я бы сам нас отвез, – говорил Смешинка, пока мы шли по улице, пытаюсь поймать машину, – но на моей тачке тормоза отказали. Мы с Кэти чуть не разбились в ней вчера вечером. – Он вздернул воротник своей черной кожаной куртки, чтобы заслониться от ветра, и закурил. – Видел бы ты брата Кэти. Вот уж кто вылитый гангстер. Такой набриолиненный, что не идет, а катится. В парикмахерскую, небось, ходит не стричься, а масло менять.

Не будь у меня адской головной боли, я бы даже посмеялся. Мы заскочили в «ОК-Холодок» купить по банке колы и передохнуть, и тут рядом притормозил голубой «мустанг», который тащился за нами восемь

кварталов. Я чуть было не рванул с места, но Смешинка, похоже, понял, что я хочу сделать, еле заметно мотнул головой и бросил мне сигарету. Я закурил, а из «мустанга» тем временем выскочили вобы, которые тогда на нас с Джонни напали в парке. Я узнал парня Марсии, Рэнди Аддерсона, и того верзилу, который меня чуть не утопил. Я их ненавижу. Это из-за них Боб погиб, и из-за них умирал Джонни, из-за них нас с Газом могут отправить в приют. Я ненавижу их с горечью и презрением, я ненавижу их, как Даллас Уинстон.

Смешинка облокотился на мое плечо, затянулся сигаретой.

– Вы знаете правила. Перед схлестом никакого баловства, – сказал он вобам.

– Знаем, – ответил Рэнди.

Он поглядел на меня.

– Отойдем? Хочу с тобой поговорить.

Я взглянул на Смешинку. Он пожал плечами. Мы с Рэнди отошли к машине, чтобы остальные нас не слышали. Мы сели в машину помолчали. Черт, я в жизни еще ни разу не сидел в такой крутяцкой машине.

– Я читал про тебя в газете, – наконец сказал Рэнди. – Как это вы так?

– Не знаю. Может, в героев поиграть захотели.

– Я б так не смог. Не полез бы за детьми, они бы сгорели.

– Может, и полез бы. Может, поступил бы как мы.

Рэнди вытащил сигарету, зажег ее от прикуривателя.

– Не знаю. Ни черта я больше не знаю. Никогда б не подумал, что грязер на такое способен.

– «Грязеры» тут ни при чем. Мой приятель, вон там, он бы не полез, например. А ты, может быть, и полез бы, а твой друг – нет. Это все от человека зависит.

– Я сегодня на схлест не пойду, – медленно сказал Рэнди.

Я внимательно поглядел на него. Ему было лет семнадцать, не больше, но он уже был старым. Старым – как Даллас. Черри говорила, что ее друзья, мол, такие все из себя опытные, что их уже ничем не проймешь, но ведь она же помнила, как смотрела на закат. Рэнди вроде тоже был весь такой опытный и непрошибаемый, а в глазах – боль.

– Как же мне это все надоело. Сил уже никаких нет. Боб был хорошим парнем. Лучше друга не найдешь. Да, он классно дрался, и был крутым чуваком, но еще он ведь был – и человеком. Понимаешь?

Я кивнул.

– А вот теперь он умер, у его матери нервный срыв. Они его избаловали. То есть я о чем, таким сыном все родители бы гордились –

симпатичный, умный и все такое, – но они ему во всем потакали. Он только и ждал, когда же ему кто-нибудь скажет: «Нет», а они все не говорили. А ему только это было нужно. Чтобы кто-нибудь сказал ему – «Нет». Чтобы кто-нибудь установил правила, обозначил границы, дал ему то что-то весомое, от чего можно оттолкнуться. Нам всем, на самом деле, это нужно. Однажды... – Рэнди попытался улыбнуться, но я видел, что он чуть не плачет, – ...однажды он пришел домой пьяный просто как свинья. Думал, ну уж тут-то они ему всыпят. А они, знаешь, что? Решили, что это они что-то не так делают. Решили, что это они во всем виноваты – что это они не оправдали его надежд, что это они его довели типа. Взяли всю вину на себя, а ему ничего и не было. А если б его старик просто его выпорол бы – хотя бы разок, как знать, может, он сейчас бы и жив был. Не знаю даже, зачем я тебе это все рассказываю. Никому больше я этого рассказать не могу. Мои друзья... они думают, что у меня крыша поехала, что я раскис. Может, так оно и есть. А я только одно знаю – мне все это уже обрыдло. Этот пацан – приятель твой, который обгорел – он умрет?

– Может, – ответил я, стараясь не думать о Джонни.

– И вот сегодня вечером... на схлестах людей калечат, а когда и убивают. И мне это все надоело, потому что ничего хорошего из них не выходит. Вы ведь понимаете, что вам не победить, да? – Я промолчал, тогда он продолжил. – Вам не победить, даже если вы нас вздуете. Вы все равно останетесь там, где и были – на дне. И мы – так и останемся везунчиками, которым все с рук сходит. Так что, ничего хорошего из этого не выйдет – из этих драк и убийств. Ничего никому не докажешь. Победите вы, не победите вы – у нас это все равно из головы вылетит. Грязеры так и останутся грязерами, а вобы – вобами. Мне иногда кажется, что настоящие везунчики – это те, кто в серединке. – Он глубоко вздохнул. – Я б подрался, если б думал, что от этого хоть кому-то хорошо станет. А так я, наверное, уеду из города. Возьму все деньги, какие есть, сяду на свой старенький «мустанг» и свалю.

– Если сбежать – не поможет.

– Черт, да знаю я, – считай, что всхлипнул Рэнди, – но что мне еще делать? Не пойду на схлест, скажут – трус, а пойду – сам себя возненавижу. Не знаю, что делать.

– Если б я мог тебе помочь, помог бы, – сказал я.

Я вспомнил слова Черри – людям везде несладко. Теперь-то я ее понимал.

Он взглянул на меня.

– Нет, не помог бы. Я же воб. Стоит занять немного денег, и весь мир

тебя уже ненавидит.

– Нет, – ответил я, – это вы весь мир ненавидите.

Он только посмотрел на меня – посмотрел так, будто ему не семнадцать, а все двадцать семь. Я вылез из машины.

– Ты бы спас детей, если б там очутился, – сказал я. – Ты поступил бы так же, как мы.

– Спасибо, грязь, – сказал он, пытаясь улыбнуться. И осекся. – Я не хотел. То есть спасибо, чувак.

– Меня зовут Понибой, – ответил я. – Приятно было с тобой пообщаться, Рэнди.

Я пошел обратно к Смешинке, а Рэнди погудел клаксоном – посигналил друзьям, что можно садиться в машину.

– Чего он хотел? – спросил Смешинка. – Что мистер Супервоб желает нам сообщить?

– Никакой он не воб, – сказал я, – обычный парень. Просто поговорить хотел.

– Хочешь, сначала в кино сходим, а потом – к Джонни и Далласу?

– Не-а, – ответил я, закуривая.

Голова у меня еще болела, но чувствовал я себя получше. Вобы все-таки оказались обычными людьми. Всем приходится несладко, но так даже лучше. Так ты хотя бы знаешь, что и там, на другой стороне, – тоже люди.

Глава восьмая

Медсестры не пускали нас к Джонни. Он был в критическом состоянии. Посещения запрещены. Но Смешинка слова «нет» не понимает. Тут лежит его приятель, и он с ним повидается. Мы и просили, и умоляли, но безуспешно, пока наконец не вмешался доктор.

– Пустите их, – сказал он медсестре. – Он про них спрашивал. Теперь уж не повредит.

Смешинка не обратил внимания на то, каким голосом он это сказал. Значит, все правда, заторможенно думал я, он умирает. В палату мы вошли считай что на цыпочках, больничная тишина нас пугала. Джонни лежал и не двигался, глаза у него были закрыты, но едва Смешинка сказал: «Привет, Джонни-кед», как он открыл глаза и посмотрел на нас, пытаясь улыбнуться.

– И вам привет.

Медсестра раздернула шторы и улыбнулась:

– Так, значит, говорить он все-таки умеет.

Смешинка огляделся.

– Дружок, с тобой тут хорошо обращаются?

– Не дают... – просипел Джонни, – не дают волосы бриолином нормально смазать.

– Ты не разговаривай, – сказал Смешинка, подтаскивая к кровати стул, – слушай и все. В следующий раз захватим тебе бриолина. У нас сегодня ночью большой схлест.

Огромные черные глаза Джонни стали еще больше, но он промолчал.

– Жаль, что вы с Далли не сможете прийти. Такого большого схлеста у нас давно уже не было... если не считать того раза, когда мы навалили банде Шепарда.

– Он заходил, – сказал Джонни.

– Тим Шепард?

Джонни кивнул.

– Навещал Далли.

Тим с Далласом были старыми приятелями.

– А ты знаешь, что ты герой и про тебя в газетах написали?

Джонни кивнул и даже почти улыбнулся.

– Клево-кейфово, – выдавил он, но глаза у него так сияли, что я подумал – куда там джентльменам с Юга до Джонни Кейда.

Я видел, что ему тяжело даже пару слов сказать, он был бледный,

одного цвета с подушкой, и выглядел ужасно. Смешинка притворялся, будто ничего этого не замечает.

– А кроме бриолина, еще что-нибудь нужно, малыш?

Джонни еле заметно кивнул.

– Книжку, – он поглядел на меня, – новую раздобыть сможешь?

Смешинка тоже на меня посмотрел. Я ему не рассказывал про «Унесенных ветром».

– Он просит принести ему «Унесенных ветром», чтоб я ему почитал, – объяснил я. – Сбегаешь в магазин, купишь?

– Ладно, – бодро откликнулся Смешинка. – Вы только никуда не уходите.

Я уселся на место Смешинки и стал думать, что бы такого сказать.

– Далли выкарабкается, – наконец сообщил я. – И у нас с Дэрри теперь все хорошо.

Я знал, что Джонни меня поймет. Мы с ним всегда были хорошими друзьями и, просидев столько времени в церкви, только сильнее сблизились. Он снова попытался улыбнуться, но вдруг побелел и зажмурился.

– Джонни! – встревожился я. – Ты как, в порядке?

Он кивнул, не открывая глаз.

– Ага, просто иногда побаливает. Обычно не... Я ниже пояса ничего не чувствую.

Он тяжело задышал, потом затих.

– Плохи мои дела, да, Пони?

– Ты поправишься, – сказал я, стараясь говорить пободрее. – Иначе нельзя. Мы без тебя не справимся.

Я с ужасом понял, что это правда. Мы без него не справимся. Джонни жить не мог без банды, но и банда не могла жить без Джонни. По этой вот самой причине.

– Я больше не смогу ходить, – начал было Джонни, и голос у него задрожал. – Даже на костылях. Позвоночник сломан.

– Ты поправишься, – твердо повторил я.

А ну не реви, приказал я себе, только не реви, Джонни перепугаешь.

– Знаешь что, Понибой? Мне страшно до жути. Я раньше говорил, мол, пойду и покончу с собой... – он судорожно вздохнул. – А теперь я не хочу умирать. Мне мало. Шестнадцати лет мне мало. Если б я много чего успел сделать, много чего повидать – тогда другое дело. А так – нечестно. Я тебе знаешь, что скажу? Когда мы с тобой приехали в Виндриксвилль, я вообще впервые из наших краев выбрался.

– Ты не умрешь, – сказал я, стараясь говорить ровно. – И не накручивай себя, а то доктор нас больше к тебе не пустит.

За шестнадцать лет на улицах многому можно научиться. Но не тому, чему нужно учиться, не тому, что хочется. За шестнадцать лет на улицах многое можно перевидать. Но не то, что стоит увидеть, не то, что хочется.

Джонни прикрыл глаза, полежал так минутку. Когда столько лет живешь на нашей, восточной, стороне, учишься управлять эмоциями. Иначе так и взорваться недолго. Учишься плевать на все.

В палату заглянула медсестра.

– Джонни, – тихо сказала она, – к тебе мама пришла.

Джонни открыл глаза. Сначала они так и расширились от удивления, но потом потемнели.

– Я не хочу ее видеть, – твердо сказал он.

– Она же твоя мать.

– Сказал же, не хочу ее видеть. – Он повысил голос. – Наверное, пришла рассказать мне, сколько хлопот я им доставил и как они с моим стариком обрадуются, когда я помру. Так что передайте ей, пусть оставит меня в покое. Хотя бы раз, – голос у него сорвался, – хотя бы раз в жизни пусть просто оставит меня в покое.

Он попытался было сесть, как вдруг всхрипнул, стал блее наволочки и потерял сознание.

Медсестра выпроводила меня за дверь.

– Поэтому я к нему никого и не пускала, боялась, что этим все и кончится.

В дверях я столкнулся со Смешинкой.

– Сейчас к нему нельзя, – сказала медсестра, поэтому Смешинка отдал книжку ей.

– Проследите, чтобы он ее увидел, когда очнется.

Она взяла книжку и закрыла дверь. Смешинка долго простоял, глядя на эту дверь.

– Лучше б это был кто угодно из нас, но только не Джонни, – наконец сказал он, и в кои-то веки голос у него был серьезный. – Мы бы справились, только без Джонни – никак.

Резко обернувшись, он сказал:

– Пойдем, навестим Далласа.

Мы вышли в коридор и увидели мать Джонни. Я ее знал. Маленькая женщина с прямыми черными волосами и такими же черными глазами, как у Джонни. Но на этом все их сходство заканчивалось. У Джонни-кекса взгляд был боязливый и чуткий, у его матери – подлый и злой. Мы прошли

мимо и слышали, как она говорит медсестре:

– Но я имею право его увидеть. Он мой сын. Мы с отцом растили его, из сил выбивались, и вот что мы получили взамен? С этим хулиганьем, которые ему никто, он, значит, хочет видаться, а со своей родней – нет... – Тут она заметила нас и с такой ненавистью на нас поглядела, что я чуть не попятился. – Это все из-за вас! Шляетесь ночами где-то, по тюрьмам таскаетесь и, уж не знаю, что еще вытворяете...

Я думал, она сейчас на нас накинется. Вот правда.

У Смешинки глаза сузились, и я побоялся, что он сейчас как что-нибудь скажет. Я не люблю, когда на женщин ругаются, пусть даже и за дело.

– Неудивительно, что он тебя на дух не выносит, – бросил Смешинка.

Он явно собирался ей все высказать, но я его оттащил. Меня мутило. Неудивительно, что Джонни не хотел ее видеть. Неудивительно, что он ночевал у нас или у Смешинки, а в хорошую погоду спал на поле. Я вспомнил маму... прекрасную и золотую, как Газ, мудрую и решительную, как Дэрри.

– Господи ты боже! – сказал Смешинка срывающимся голосом, и я, кажется, впервые видел, что он вот-вот заплачет. – И ему с ней жить!

Мы поспешно зашагали к лифту. Я надеялся, что у сестры ума хватит не пускать мать Джонни к нему в палату. Он этого не вынесет.

Когда мы вошли, Далли препирался с медсестрой. Увидев нас, он улыбнулся во весь рот.

– Чуваки, рад видеть! Эти... эти больничники курить мне запрещают, на волю хочу!

Мы уселись, улыбаясь друг другу. Далли ничуть не изменился – такой же вспыльчивый и упрямый. Далли был в норме.

– Тут ко мне недавно Шепард заходил.

– Джонни говорил. Чего хотел?

– Сказал, что видел мое фото в газетах и глазам своим не поверил, когда увидел, что под ним не написано: «Внимание: розыск!» Он на самом деле приходил, чтоб соль на рану посыпать – насчет схлеста. Блин, как же жаль, что меня там не будет.

А ведь только на прошлой неделе Тим Шепард сломал Далли три ребра. Но Далли с Тимом Шепардом всегда были друзья-приятели, даже когда дрались – понимали ведь, что они два сапога пара.

Далли, смеясь, сказал мне:

– Ну ты, малыш, до чертиков меня тогда напугал. Я уж думал, убил

тебя.

– Меня? – удивился я. – Это почему?

– Да когда ты из окна выпрыгнул. Я всего-то хотел тебя с ног свалить, чтоб огонь затушить, а ты рухнул как подкошенный, и я подумал, что высокомерно ударил и шею тебе сломал. – Он задумался на минутку. – Рад, что не сломал, кстати.

– Это уж точно, – засмеялся я.

Далли мне никогда не нравился, но тут мне впервые показалось, что мы с ним как будто друзья. А все потому, что он радовался, что меня не убил.

Далли поглядел в окно.

– А... – спросил он совершенно будничным тоном, – как там малыш?

– Мы только что от него, – ответил Смешинка, видно было, что он не знает, говорить ли Далли правду или не стоит. – Ну, я в этом плохо разбираюсь, конечно... но... как по мне, а выглядит он очень плохо. Перед нашим уходом он вырубился вообще.

У Далли побелели скулы, он стиснул зубы, выругался.

– Смешинка, у тебя с собой этот твой модный нож с черной ручкой?

– Нуда.

– Давай сюда.

Смешинка вытащил из заднего кармана свой заветный трофей. Десятидюймовый выкидной нож с блестящей черной ручкой, лезвие выскакивает от малейшего нажатия. Награда за то, что он два часа бесцельно слонялся по хозяйственному магазину, чтобы отвлечь от себя подозрения. Нож был острым, как бритва, Смешинка за этим следил. Насколько я знаю, он даже в драке им ни разу не воспользовался; если ему нужен был нож, он пользовался своим старым, складным. Но этот нож был его радостью, его гордостью, поводом для хвастовства – стоило ему познакомиться с каким-нибудь новым грязером, как он тотчас же вытаскивал этот нож и давай выпендриваться. Далли знал, как много этот ножик значит для Смешинки, и раз уж он его попросил, значит нож ему был позарез нужен, и все тут. Не о чем разговаривать. Смешинка протянул Далли нож, даже глазом не моргнув.

– Драка за нами будет, – сказал Далли. Голос у него был недобрый. – Поквитаемся с вобами. За Джонни.

Он сунул нож под подушку и улегся, уставившись в потолок. Мы ушли. К Далли лучше не приставать, когда у него так глаза сверкают и когда он в таком настроении.

Домой мы решили доехать на автобусе. У меня не было сил ни идти,

ни ловить машину. Я уселся на остановке, а Смешинка пошел на заправку за сигаретами. Меня как-то подташнивало, и голова была ватная. Я уже клевал носом, когда почувствовал, что кто-то мне лоб щупает. Я чуть из штанов не выскочил. Надо мной обеспокоенно склонился Смешинка.

– Ты как? Ты очень горячий.

– Я нормально, – ответил я, но он поглядел на меня так, что видно было – не верит, и тогда я запаниковал. – Слушай, только Дэрри не говори, ладно? Смешинка, ну будь другом. К вечеру отойду. Наемся аспирина.

– Ну ладно, – неохотно согласился Смешинка. – Но Дэрри меня убьет, если ты больной на драку пойдешь.

– Да не больной я, – я уже слегка завелся, – а если ты трепаться не будешь, тогда и Дэрри ни о чем не узнает.

– Знаешь что? – сказал Смешинка, когда мы ехали в автобусе. – Можно подумать, что раз ты живешь со старшими братьями, тебя там разбаловали, но ведь Дэрри с тобой куда строже обходится, чем родители, верно?

– Ну да, – ответил я, – но они-то до меня еще двух парней вырастили. А Дэрри – нет.

– Знаешь, если б не мы, Дэрри был бы вобом.

– Знаю, – сказал я.

Я уже давно это понял. Денег у нас, конечно, не водилось, но Дэрри только одно мешало стать вобом – мы. Наша банда. Мы с Газом. Для грязера Дэрри был слишком умный. Не знаю, как я это понял, просто понял. И было мне от этого как-то грустно.

Почти всю дорогу домой я молчал. Думал про схлест. В животе у меня все сжималось, и совсем не от того, что я заболел. Я чувствовал себя так же беспомощно, как в ту ночь, когда Дэрри наорал на меня за то, что я заснул на поле. Мне, как и тогда, стало до смерти страшно, что снова случится что-нибудь такое, чего никто из нас не сможет предотвратить. Когда мы вылезли из автобуса, я наконец сказал об этом вслух.

– То, что сегодня будет... мне это все совсем не нравится.

Смешинка прикинулся, будто ничего не понял.

– А раньше ты перед схлестом не трусил. Даже когда совсем крохой был.

Я понимал, что он меня заводит, но не повелся.

– Я не трус, Смешинка Мэтьюс, и ты сам это знаешь, – сердито ответил я. – Что я, не Кертис, что ли, не брат Газа и Дэрри? – Этого Смешинка не мог отрицать, и я продолжил: – Просто у меня какое-то дурное предчувствие, будто что-то случится.

– Что-то случится. Мы взгреем вобов как следует, вот что случится.

Смешинка понял, что я имел в виду, но упорно притворялся, что не понимает. Он как будто верил, что если сказать, что все нормально, все и станет нормально, как бы оно ни было. Он всю жизнь такой был, и не думаю, что он переменится. Газировка меня бы понял, и мы бы с ним вместе попытались бы что-то придумать, но Смешинка – это не Газ. И рядом не стоял.

Черри Баланс сидела в своем «корветте» возле нашего поля. Свои длинные волосы она собрала в пучок, и при дневном свете казалась даже еще симпатичнее. Ну и кейфовая же машина этот «стингрей». Ярко-красная. Модная.

– Привет, Понибой, – сказала она. – Привет, Смешинка.

Смешинка остановился. Значит, Черри уже приезжала сюда, пока мы с Джонни были в Виндриксвилле.

– Какие новости от важных шишек?

Она затянула тесемки на куртке.

– Они вас не обманут. Никакого оружия, все по-честному Игруют по вашим правилам.

– Точно?

Она кивнула.

– Мне Рэнди сказал. Он знает.

Смешинка развернулся и пошел к дому.

– Спасибо, Черри.

– Понибой, погоди минутку, – сказала Черри. Я развернулся, подошел к машине. – Рэнди на схлест не пойдет.

– Угу, – ответил я. – Знаю.

– Он не боится. Ему просто надоело драться. Боб... – она сглотнула, тихо договорила, – Боб был его лучшим другом. С первого класса.

Я подумал про Газа со Стивом. А что если бы кого-то из них убили на глазах у другого? Завязали бы они из-за этого с драками? Нет, подумал я, ну, может, Газ и завязал бы, но уж не Стив точно. Он бы так и дальше ввязывался бы в драки и всех ненавидел. Может, Боб повел бы себя так же, если б вместо него убили Рэнди.

– Как Джонни?

– Не очень, – сказал я. – Навестишь его?

Она покачала головой.

– Нет. Не могу.

– А почему нет-то? – спросил я.

Это ж самое меньшее, что она могла сделать. Ведь это ее парень всю эту кашу заварил... и тут я осекся. Ее парень...

– Я не могу, – сказала она тихим отчаянным голосом. – Он убил Боба. Да, может, Боб сам на это напрашивался. Я знаю, так оно и было. Но я даже глядеть не могу на человека, который его убил. Ты его знал только с плохой стороны. А он иногда бывал милым и приветливым. Но когда напивался... в таком состоянии он и избил Джонни. Я сразу поняла, что это Боб, когда ты мне рассказал про Джонни. Он так гордился своими кольцами. И как мальчишкам вообще продают спиртное? Как? Я знаю, что по закону это запрещено, но ведь они все равно его как-то добывают. Не могу я пойти к Джонни. Знаю, что мне еще рано влюбляться и все такое, но Боб был особенный. Не просто какой-нибудь там парень. Что-то в нем было такое, отчего люди тянулись за ним, чем-то он отличался, выделялся из толпы. Понимаешь, о чем я?

Я понимал. Именно это Черри и увидела в Далласе. Поэтому-то и боялась с ним встречаться, боялась полюбить. Да уж, все я понимал. И понимал, что она не пойдет к Джонни, потому что он убил Боба.

– Да нормально все, – резко сказал я. Джонни не виноват, что Боб напивался как свинья и что Черри тянуло к парням, от которых одни проблемы. – И мне не очень хочется, чтобы ты с ним виделась. Ты и своих предаешь, и с нами знаться не желаешь. Думаешь, если ты для нас шпионишь, то никто не заметит, что ты разъезжаешь на «корветте», а моему брату пришлось школу бросить и пойти работать? И не смей нас жалеть. Не смей нам тут одолжения делать, а потом нос перед нами задирать.

Я хотел было развернуться и уйти, но увидел лицо Черри и остановился. Мне стало стыдно – не выношу, когда девчонки плачут. Она не плакала, но явно чуть не расплакалась.

– Я к вам не из милости пришла, Понибой. Я просто помочь хотела. Ты мне сразу понравился... из-за того, как ты говорил. Ты очень милый мальчик, Понибой. Ты хоть понимаешь, как редко теперь такого милого мальчика можно встретить? Ведь и ты тоже бы мне помог, разве нет?

Помог бы. Если б надо было, помог бы и ей, и Рэнди.

– Слушай, – вдруг сказал я, – у вас там, на западной стороне, закат нормально видно?

Она удивленно заморгала, потом улыбнулась.

– Нормально.

– На восточной его тоже видно хорошо, – тихо сказал я.

– Спасибо, Понибой, – она улыбнулась сквозь слезы. – Все ты понимаешь как надо.

Глаза у нее были зеленые. Я развернулся и медленно пошел домой.

Глава девятая

Домой я пришел в половине седьмого. Схлест был назначен на семь, поэтому к ужину я, как всегда, опоздал. Я вечно опаздываю. Просто забываю о времени. На ужин Дэрри запек курицу с картошкой и кукурузой – даже двух куриц, потому что мы едим как кони. Особенно Дэрри. Я люблю запеченную курицу, но тут и кусочка не смог проглотить. Зато, пока Дэрри с Газом не видели, проглотил пять таблеток аспирина. Я их часто пью, потому что плохо сплю ночами. Дэрри думает, что я пью по одной штучке, но обычно я беру сразу четыре. Я решил, что пять уж точно помогут мне продержаться в драке, а заодно, может, и головную боль снимут.

Потом я по-быстренькому принял душ и переоделся. Мы с Газом и Дэрри всегда перед дракой приводим себя в порядок. Да и вообще, нужно же показать этим вобам, что мы не отбросы какие-нибудь, что мы ничем не хуже них.

– Газ, – крикнул я из ванной, – а ты когда начал бриться?

– Когда мне пятнадцать было, – крикнул он в ответ.

– А Дэрри?

– В тринадцать. А что? Хочешь к схлесту бороду отрастить?

– Да ты шутник. Надо тебя в «Ридерз дайджест» пристроить. Говорят, там за шутки неплохо платят.

Газ расхохотался – они со Стивом играли в покер в гостиной. Дэрри надел обтягивающую черную футболку, такую обтягивающую, что у него не только мускулы на груди видны были, но даже «кубики» на животе. Ох, и не повезет тому вобу, который на него полезет, подумал я, натягивая чистые джинсы и футболку. Жаль, что на мне футболка не так хорошо сидит – я для своего роста очень даже неплохо сложен, но, пока мы были в Виндриксвилле, здорово похудел, и теперь футболка на мне болталась. К вечеру похолодало, а футболка – не самая теплая в мире одежда, конечно, но на схлесте никто не мерзнет, а куртка к тому же мешает как следует замахнуться.

Мы с Газом и Стивом слегка переборщили с маслом для волос, но мы хотели, чтоб сразу было заметно, что мы – грязеры. Сегодня можем этим и погордиться. У грязеров, может, и нет ничего за душой, зато у них есть репутация. И длинные волосы. (Что ж это за мир такой, где у меня всего-то поводов для гордости – репутация хулигана да набриолиненные волосы? Я

не хочу быть хулиганом, но даже если я не ворую, не нападаю на людей и не напиваюсь, все равно считаюсь отбросом. А с чего мне этим гордиться? С чего бы мне даже притворяться, будто я этим горжусь?) А Дэрри волосы себе так и не отрастил. У него они всегда чистые и коротко постриженные.

Я уселся в кресло в гостиной, ждал, пока вся банда будет в сборе. Сегодня, впрочем, мы ждем только Смешинку – Джонни с Далласом не придут. Газ со Стивом, как обычно, играли в карты и переругивались. Газ безостановочно хохмил и кривлялся, а Стив врубил радио так громко, что у меня чуть барабанные перепонки не полопались. Конечно, его так всегда и слушают, но дело это не самое хорошее, когда голова болит.

– Ты любишь драться, да, Газ? – вдруг спросил я.

– Ну да. – Он пожал плечами. – Я люблю драться.

– А почему?

– Не знаю. – Он недоуменно поглядел на меня. – Тогда что-то происходит. Это как соревнование. Вроде гонок, или танцев, чего-то такого.

– Да ну, фигня, – сказал Стив. – Я вот просто хочу вобам по башкам настучать. Когда я дерусь, мне так и хочется кому-нибудь прямо с ноги пробить. Люблю я это дело.

– А ты, Дэрри, почему любишь драться? – спросил я, взглянув на Дэрри, который стоял у меня за спиной, прислонившись к кухонной двери.

Он посмотрел на меня – как обычно, по глазам и не поймешь, о чем он думает, но тут вклинился Газ:

– Мускулы свои любит показывать.

– Будешь болтать, я их, дружок, тебе покажу.

Я обдумал сказанное Газом. А ведь правда. Дэрри любил все, где надо было приложить силу, например, выжимать штангу, или играть в футбол, или класть крыши, даже если он и гордился тем, что умен. Дэрри никогда этого не говорил, но я знал, что он любит драться. Один я чувствовал себя не в своей тарелке. Я с кем угодно подерусь когда угодно, только я этого не люблю.

– Не знаю, стоит ли тебе на эту драку ходить, Пони, – медленно сказал Дэрри.

Только не это, в ужасе подумал я, мне позарез нужно там быть. Тогда у меня, считай, важнее дела не было, чем помочь нашим разделать вобов под орех. Только бы он не оставил меня дома. Только бы разрешил пойти.

– Это почему? Раньше от меня на схлестах всегда толк был, а то нет, что ли?

– Это да, – с гордой улыбкой ответил Дэрри. – Ты хоть и не вырос еще, а дерешься что надо. Но раньше ты всегда был в форме. А теперь и

похудел, да и выглядишь ты, малыш, не очень. Ты весь на нервах.

– Да брось ты, – вмешался Газ, пытаясь вытащить туза из ботинка так, чтобы Стив не заметил, – перед схлестом мы все на нервах. Пусть пойдет, подерется. На кулачках драться не страшно – нет оружия, и опасности никакой нет.

– Все со мной будет хорошо, – умолял я. – Я себе поменьше воба выберу.

– Ну, Джонни-то с тобой не будет... – мы с Джонни иногда объединяли усилия и валили какого-нибудь воба потолще, – но, с другой стороны, там не будет ни Кудряхи Шепарда, ни Далли, так что у нас каждый человек на счету.

– А с Шепардом-то что случилось? – спросил я, вспомнив младшего брата Тима Шепарда.

Мы с Кудряхой, который был Тимом в миниатюре – таким же крутым, дерзким и непрошибаемым – как-то раз на слабо прижигали друг другу пальцы сигаретами: кто дольше продержится и не отдернет руку. Вот стоим мы, зубами скрипим, морщимся, по лицам у нас пот катится, от запаха горелого мяса – мутит, но орать не орем, и тут мимо идет Тим. Как увидел, что мы друг в друге дырки прожигаем, схватил нас за головы, да как треснет лбами, пообещав, что убьет обоих, если еще раз за этим застукает. У меня на указательном пальце до сих пор шрам остался. Кудряха был самым обычным местным хулиганом, драчливым и не слишком-то сообразительным, но он мне нравился. Ему что угодно по плечу.

– За решеткой, – ответил Стив, ногой выбив туза у Газа из ботинка, – в исправилке.

«Опять?», – подумал я и сказал:

– Разреши мне пойти, Дэрри. Если б мы на ножах дрались или на цепях там, тогда другое дело. Но на кулаках ведь еще никого не калечили.

– Ладно, – сдался Дэрри, – иди уж. Но будь поосторожнее, а если что не так будет, ори погромче, я помогу.

– Да все со мной будет хорошо, – устало сказал я. – Вот чего ты за Газа так не волнуешься? Ему ты нотаций не читаешь.

– Дружище, – рассмеялся Дэрри и приобнял Газа за плечи, – за этого моего братишку я совершенно спокоен.

Газ любя ткнул его в ребра.

– Этот парень головой пользуется.

Газ поглядел на меня с нарочитым превосходством, но тут Дэрри добавил:

– Сам видишь, как он ей пользуется – волосы на ней растит.

Газ замахнулся было на него, но Дэрри увернулся и выскочил за дверь.

Смешинка просунул в дверь голову ровно тогда, когда из дома вылетел Дэрри. Он спрыгнул с крыльца, кувыркнувшись в воздухе, шлепнулся и вскочил прежде, чем Газ успел его поймать.

– Ясненько, – бодро сказал Смешинка, вскинув бровь. – Как я погляжу, к схлесту вы готовы. Ну что, все счастливы?

– Да-а! – заорал Газ, который тоже спрыгнул с крыльца, сделав сальто в воздухе.

Он прошелся по двору на руках, а затем сделал колесо без рук, чтобы затмить Дэрри. Их веселье оказалось заразным. Стив с индейским воплем проскакал по газону, делая высоченные прыжки, а потом резко остановился и закувыркался спиной вперед в обратную сторону. Такие акробатические трюки мы все делать умели, потому что Дэрри прошел гимнастический курс в Имке^[7], а потом все лето учил нас всему, чему он там научился – вдруг в драке пригодится. Оно и пригодилось, только Газ со Смешинкой однажды за решетку попали. Они в центре города кувыркались, ходили на руках и всячески нарушали покой жителей и полиции. Что еще ждать от этой парочки.

Радостно заухав, я сделал колесо без рук, скатился с крыльца и вскочил на ноги. Смешинка вышел вслед за мной примерно таким же образом.

– Я грязер, – прокричал Газ, – я шпана и хулиган! Я позорю наш прекрасный город! Я калечу людей! Я граблю заправки! Я – угроза для общества! И мне – весело!

– Грязер... грязер... грязер... – принялся подпевать ему Стив. – О, среды заложник, вонючий, неимущий и никчемный хулиган!

– Преступник малолетний, дрянь и грубиян! – проорал Дэрри.

– Подите прочь, белая шваль, – высокомерно произнес Смешинка. – Я – воб. Я богат и хорошо одеваюсь. Я накачиваюсь пивом, езжу на дорогих машинах, бью окна на вечеринках.

– А как же ты развлекаешься? – спросил я серьезным, подобострастным тоном.

– Грязерам морды бью! – взвизгнул Смешинка и сделал колесо.

Мы немного поутихли, пока шли до поля. В куртке был один Смешинка, у него по карманам были банки с пивом рассованы. Он всегда перед схлестом напивается. Вообще, если так подумать, он перед чем угодно напивается. Я покачал головой. Не хотел бы я вот так когда-нибудь из пивной банки храбрости набираться. Выпивку я однажды пробовал. Вкус у нее был мерзкий, меня вырвало, голова разболелась, а когда Дэрри

об этом узнал, то еще и на две недели под домашний арест посадил. Но я с тех пор больше не пил. У Джонни дома насмотрелся на то, к чему это приводит.

– Слушай, Смешинка, – я решил завершить мой опрос, – а ты почему любишь драться?

Он глянул на меня так, будто у меня крышу снесло.

– Да потому что все дерутся.

Если б все пошли прыгать в реку Арканзас, Смешинка и тогда бы от всех не отставал. Ну, в общем, так. Газ дерется потехи ради, Стив – потому что всех ненавидит, Дэрри – чтоб было чем гордиться, а Смешинка – чтоб быть как все. А я почему дерусь? Я думал-думал и ни одной стоящей причины не мог придумать. Не бывает для драки стоящих причин, кроме самозащиты.

– Так, Газ и Понибой, слушайте, – сказал Дэрри, пока мы шли по улице, – если появятся фараоны, мигом смывайтесь. Самое худшее, что с нами может случиться, – попадем за решетку. А вот вас могут в приют отправить.

– Никто из местных не станет их вызывать, – мрачно сказал Стив. – Знают, что с ними потом будет.

– Все равно, если вдруг что – сразу ноги уносите. Вы меня слышите?

– Слышим, тебе даже микрофон не нужен, – отозвался Газ и, когда Дэрри отвернулся, высунул язык.

Я изо всех сдерживался, чтоб не захихикать. Когда прожженный хулиган показывает язык старшему брату, это и впрямь смешно.

Когда мы пришли на поле, нас там уже ждал Тим Шепард со своими ребятами и бандой из Брамли, это в пригороде. Тим был поджарый, похожий на кота восемнадцатилетний парень и выглядел точь-в-точь как образцовый несовершеннолетний преступник из книжек или журналов. У него были тугие черные кудри, горящие черные глаза и длинный шрам от виска до подбородка, которым его наградил какой-то бродяга, набросившийся на него с разбитой бутылкой. Ему дважды ломали нос, и вид у Шепарда был суровый и неприветливый. Ухмылялся он, как Далли, – угрюмо и цинично. Ему-то как раз нравилось быть бандитом. И ребята у него все такие же. И парни из Брамли – тоже. Маленькие бандиты, которые вырастут и станут большими бандитами. Раньше я как-то об этом не думал, но теперь понял, что они с возрастом становятся не лучше, а только хуже. Я поглядел на Дэрри. Он-то, когда повзрослеет, в бандита не превратится. Он чего-нибудь в жизни добьется. Он от одной нашей жизни только еще

сильнее захочет чего-нибудь в жизни добиться. Поэтому он и лучше нас всех, думал я. Он далеко пойдет. А я вырасту и буду как Дэрри. Я не собираюсь всю жизнь проторчать в этом паршивом местечке.

У Тима был настороженный, голодный взгляд бродячего кота, – вот кого он мне всегда напоминал, бродячего кота – и он и секунды не мог спокойно постоять на месте. Его ребятам было от пятнадцати до девятнадцати – хмурые парни, ходившие у Шепарда по струнке. Этим их банда и отличалась от нашей – у них был главарь и действовали они организованно, мы же просто дружили, ну и друг друга держались, а так у нас каждый сам себе главарь. Может, потому мы их всегда и делали.

Тим и главарь парней из Брамли подошли к нам – пожать руки, показать, что, мол, в этой драке они на нашей стороне, хотя нам, если честно, мало с кем там было по пути. Когда Тим дошел до меня, он внимательно меня оглядел, может, припомнив тот случай, когда мы с его младшим братом друг друга на слабо брали.

– Это вы с тем чернявым тихоней воба завалили?

– Ага, – ответил я, сделав вид, что горжусь этим, а потом вспомнил Черри и Рэнди, и в животе у меня все сжалось.

– Хвалю, парень. Кудряха всегда говорил, что ты парень что надо. А Кудряха в исправилку загремел, на полгода. – Тим горько усмехнулся, вспомнил, наверное, своего громилу-брата. – Его сцапали, когда он в алкогольный магазин лез, вот же маленький... – Тут он назвал Кудряху всеми мыслимыми и немыслимыми непечатными словами, это Тим так нежность проявлял.

Я с гордостью огляделся. Я тут был самым младшим. Даже Кудряхе, будь он с нами, уже пятнадцать, так что он старше меня. Дэрри это тоже заметил, видно было, что он гордится, конечно, но и здорово за меня переживает. А, к черту, подумал я, на этот раз я так отличусь в драке, что ему больше не придется за меня переживать. Я ему покажу, что не один Газ головой думает.

Меня подозвал к себе какой-то парень из Брамли. Мы все больше своих держались, поэтому я поначалу напрягся, но потом махнул рукой и подошел. Он стрельнул сигарету, закурил.

– А вон того здорового парня, из ваших, ты как, хорошо знаешь?

– Ну вроде как, он мой брат, – ответил я.

Честно, я не мог просто сказать «да». Я знал Дэрри примерно так же, как он знал меня, а это еще ни о чем не говорит.

– Че, правда? Есть мнение, что его и попросят начать движ. Как он месит вообще, нормально?

Месит, в смысле, дерется. Ребята из Брамли выражались очень странно. Не думаю, что и половина их банды смогла бы прочесть газету или написать хоть что-то, кроме своих имен, и по их речи это заметно. Ну, то есть, когда парень называет схлест «месиловкой», сразу видно, что он не слишком-то образованный.

– Ага, – ответил я. – А почему его?

Он пожал плечами.

– А кого еще?

Я посмотрел на наших. Грязеры редко бывают качками. Они обычно поджарые, чуть сгорбленные – по-кошачьи так. Отчасти потому, что плохо питаются, отчасти – потому что осанка плохая. У Дэрри же вид был такой, как будто он всех тут может сделать. Мне кажется, многие парни нервничали из-за того, что мы условились, что никакого, мол, оружия. Я не знал, как там в Брамли, а у ребят Шепарда обычно в ход шло все, что под руку попадет – велосипедные цепи, ножи, битые бутылки, обрезки труб, бильярдные кии, а иногда и стволы. Пистолеты то есть. У меня тоже словарный запас так себе, хоть я и образованный. Наша банда обычно обходилась без оружия. Мы, конечно, хулиганы, но не настолько. Мы с собой только ножи носили, да и то для виду в основном. Ну, вот как у Смешинки был его ножик с черной рукоятью. Мы на самом-то деле и не покалечили даже никого, да и не то чтобы хотели. Ну, только Джонни. Да и тот – нечаянно.

– Слышь, Кертис! – заорал Тим.

Я так и подпрыгнул.

– Который? – крикнул Газ в ответ.

– Здоровяк. Иди сюда!

Парень из Брамли глянул на меня.

– Ну, что я тебе говорил?

Дэрри подошел к Тиму и главарю банды из Брамли. Не нужно ему тут быть, вдруг подумал я. И мне не нужно, и Стиву не нужно, и Газу не нужно, и Смешинке не нужно. Мы грязеры, а не бандиты, нечего нам делать с этими будущими уголовниками. А то и сами можем такими стать, думал я. Очень даже можем. От этих мыслей голова у меня сильнее разболелась.

Я вернулся к Газу, Стиву и Смешинке, потому что тут начали собираться вобы. Как раз вовремя. Они приехали на четырех машинах, молча из них вылезли. Я насчитал двадцать два человека. Нас было двадцать, так что, пожалуй, шансы у нас были равные, равнее не придумаешь. И вообще, Дэрри обычно сразу двоих на себя брал. Все вобы выглядели так, будто их шили по одной выкройке: чисто выбритые,

стрижки под полу-битлов, в клетчатых или полосатых рубашках, легких красных или коричневых куртках или в клетчатых ветровках. Как будто в кино собрались, а не на схлест. Потому-то вобов обычно никто ни в чем не винит, все сразу на нас валят. Мы выглядим как хулиганье, а они – как приличные люди. Все может быть и совсем наоборот – половина моих знакомых под слоем бриолина – вполне себе приличные ребята, а судя по тому, что я слышал, куча вобов дадут фору любому хулигану, но судят нас по внешнему виду.

Они молча выстроились в ряд, и мы точно так же выстроились напротив них. Я все высматривал Рэнди, но так его и не увидел. Я надеялся, что он все-таки не пришел. Вперед шагнул парень в клетчатой рубашке.

– Правила, значит, такие – деремся только кулаками, кто первый побежит – тот и проиграл. Так?

Тим отбросил банку из-под пива.

– Ты все верно просек.

Наступила неловкая тишина – ну, кто начнет? Тут пришел на выручку Дэрри. Он вышел к фонарю, в круг света. Несколько мгновений все казалось нереальным, какой-то сценой из фильма про малолетних преступников, ну или типа того. Потом Дэрри сказал:

– Ну, кто на меня?

Он стоял там – высокий, широкоплечий, все мускулы напряжены под футболкой, а глаза посверкивают, будто ледышки. С минуту казалось, будто никто и не осмелится выйти на Дэрри. Но потом безликая толпа вобов зашевелились, и вышел рослый светловолосый парень. Он взглянул на Дэрри и тихо сказал:

– Привет, Дэррел.

В глазах у Дэрри что-то промелькнуло, но они тотчас же снова стали ледяными.

– Привет, Пол.

Газ как-то сдавленно пискнул, и тут до меня дошло, что этот блондин – Пол Холден. В школьной футбольной команде, где играл Дэрри, лучше Пола полузащитника не было, и они с ним прямо дружили – не разлей вода. Он теперь, наверное, в колледже, курсе на первом, подумал я. Пол глядел на Дэрри с таким выражением, раскусить которое я никак не мог, но выражение это мне не нравилось. Презрение? Жалость? Ненависть? И то, и другое, и третье? Но почему? Потому что Дэрри вышел от лица нас всех, а Пол, может быть, грязеров только презирал, жалел и ненавидел? Дэрри не шевельнулся и даже не изменился в лице, но теперь видно было – Пола он

ненавидит. И дело тут было не только в зависти – уже кто-кто, а Дэрри имел все основания ему завидовать, дело было в том, что ему стыдно выступать за нас, стыдно, что его видят в компании ребят из Брамли, парней Шепарда, а может даже, и в нашей компании. Поняли это только мы с Газом. И задело это только нас с Газом.

Это же глупо, лихорадочно думал я, они оба пришли драться и оба вроде как должны вести себя поумнее. Ну и какая тогда разница, на чьей ты стороне?

Тут Пол сказал:

– Я выйду против тебя, – и у Дэрри на лице промелькнуло что-то вроде улыбки.

Я-то помнил, что раньше Дэрри считал, что может завалить Пола одной левой. Но это было года два, а то и три назад. А что если Пол теперь лучше дерется? Я сглотнул. Моих братьев одолеть еще никому не удавалось, но я вовсе не горел желанием увидеть, как кто-нибудь побьет их этот рекорд.

Они двигались в круге света, против часовой стрелки, оглядывая друг друга, примериваясь друг к другу, а то и вспоминая, какие у кого были слабые места и стоит ли сейчас по ним пробить. Все остальные ждали, напряжение нарастало. Мне это все напомнило книжки Джека Лондона – ну помните, там, где волчья стая молча ждет, пока один волк убьет другого. Но тут все не так. Стоит одному ударить – и схлест начнется.

Тишина сгустилась, слышно было, как хрипло и тяжело дышат парни, стоявшие рядом со мной. Но Дэрри с вобом так и ходили по кругу. Их ненависть даже я чувствовал. Они же были друзьями, думал я, они были друзьями, а теперь они друг друга ненавидят, а все из-за того, что одному пришлось зарабатывать на жизнь, а второй – родился в богатом квартале. Нельзя им друг друга ненавидеть... Я вот вобов больше не ненавижу... Им нельзя...

– Стойте! – заорал кто-то очень знакомый. – Подождите!

Дэрри обернулся на голос, и Пол его ударил – резко, с правой и прямо в челюсть, таким ударом кого хочешь с ног свалить можно – кроме Дэрри. Схлест начался. И Даллас Уинстон мчался к нам.

Я не сумел найти воба себе по размеру, поэтому выбрал чувака на размер побольше и накинулся на него. Даллас был рядом, и уже кого-то оседлал.

– Я думал, ты в больнице, – проорал я, воб повалил меня на землю, и я укатился у него из-под ног.

– Я там был, – Далли приходилось несладко, потому что левая рука у

него еще не зажила. – Но ушел.

– Как? – ухитрился спросить я, потому что воб, с которым я дрался, напрыгнул на меня, и мы с ним подкатились к Далли.

– Сестричку уболтал Смешинкиным ножиком. А то ты не знаешь, что схлест без меня не схлест?

Ответить я не смог, потому что воб, оказавшийся помощнее, чем мне казалось, прижал меня к земле и лупил меня так, будто весь дух хотел вышибить. Перед глазами у меня все плыло, и я думал уже, что он мне сейчас зубы выбьет или нос сломает, и что я против него уже не выстою. Но Дэрри за мной приглядывал, он ухватил этого парня за плечо – чуть от земли не оторвал – и врезал ему кулаком, как кувалдой, так что парень отлетел фута на три. Я решил, что будет только справедливо, если я помогу Далли, раз он одной рукой не может пользоваться.

Они со всех сил лупили друг друга, но Даллас явно проигрывал, поэтому я оседлал воба и принялся молотить его кулаками и драть за волосы. Он извернулся, ухватил меня за шею и сбросил на землю. Тут Тим Шепард, который дрался сразу с двумя парнями, нечаянно наступил на меня, и я чуть не задохнулся. Перевел дух, вскочил на ноги и снова напрыгнул на того воба, пытаюсь его придушить. Пока он мне пальцы разжимал, Далли ударил его и повалил на спину, так что все мы клубком покатались по земле, ругаясь, задыхаясь и молотя друг друга кулаками.

Тут кто-то мощно врезал мне по ребрам, и я, не сдержавшись, заорал. Какой-то воб вырубил нашего парня и теперь со всей дури запинывал меня. Но я обеими руками вцепился в шею тому, другому вобу, и отпускать не отпускал. Далли бил его по морде, а я как вцепился в него отчаянно, так рук и не разжимал, хотя второй воб охаживал меня ногами, а это, знаете ли, больно. Наконец он дал мне ногой по голове, да так, что я чуть не вырубился, поэтому я обмяк и изо всех сил старался унять шум в голове и не отключиться. Вокруг стоял ор, но в ушах у меня так звенело, что слышал я его как сквозь вату. Многочисленные синяки на спине и лице так и саднили, но я как будто бы отделился от боли, словно бы это не у меня все болело.

– Сматываются! – услышал я радостный вопль. – Смотрите-ка, побежали, вонючки!

Голос вроде был Смешинкин, но точно сказать я не мог. Я попробовал сесть и увидел, что вобы рассаживаются по машинам и уезжают. Тим Шепард крыл всех распоследними словами, потому что ему снова нос сломали, а главарь ребят из Бромли лупил своего же парня, потому что тот нарушил правила и во время драки вытащил обрезок трубы. Метрах в пяти

от меня лежал Стив, свернувшись клубком и постанывая. Потом выяснилось, что у него сломано три ребра. Газ сидел с ним рядом и говорил ему что-то тихим, ровным голосом. Я чуть не упал, когда увидел Смешинку – по лицу у него текла кровь, и еще ему руку здорово рассадили, но он счастливо хохотал, потому что вобы сбежали.

– Победа, – усталым голосом объявил Дэрри. У него под глазом наливался фингал, а на лбу была ссадина. – Вобов мы сделали.

Далли тихонько постоял рядом со мной, пока до него доходило, что мы и впрямь вобов сделали. Потом ухватил меня за футболку, рывком поставил на ноги.

– Пошли, – он потащил меня за собой по улице, – пошли к Джонни.

Бежать я не мог, ноги заплетались, и Далли нетерпеливо меня подталкивал.

– Да быстрее ты! Когда я уходил, ему хуже стало. Он с тобой хочет повидаться.

Не понимаю я, как Даллас мог нестись со всех ног после того, как его повозили по земле, да еще и больную руку задела, но бежал за ним что было сил. Никогда я так не бегал, как тогда ночью, куда там школьным забегам. Голова у меня до сих пор кружилась, и я очень слабо соображал, куда я вообще бегу и зачем.

Далли припарковал «Ти-Бёрд» Бака Меррита прямо возле нашего дома, мы прыгнули в машину. Пока Далли с ревом летел по городу, я сидел как на иголках. На Десятой за нами пристроилась сирена, в лобовом стекле замелькала красная вспышка.

– Притворись больным, – скомандовал Далли. – Совру, что везу тебя в больницу, что, кстати, правда.

Я привалился к прохладному оконному стеклу и притворился, что мне плохо – я себя так чувствовал тогда, что это было совсем не трудно.

Полицейский брезгливо глянул на нас.

– Так-так, приятель, на пожар опаздываем?

– Малыш, – Далли ткнул пальцем в мою сторону, – с мотоцикла навернулся, вот, в больницу везу.

Я застонал, даже особо не притворяясь. Похоже, вид у меня был не очень, еще бы – столько синяков и порезов.

Коп быстро сменил тон:

– Плохи дела? Эскорт нужен?

– Мне-то откуда знать, плохи у него дела или нет? Я ж не врач. Конечно, нам нужен эскорт! – Когда полицейский сел в машину, Далли прошипел: – Кретин!

Теперь, когда перед нами ехала машина с мигалкой, мы до больницы добрались за считанные секунды. Всю дорогу Далли о чем-то говорил, говорил, но меня так мутило, что я почти ничего не разбирал.

– Мне так хотелось, понимаешь, парень? Так хотелось, чтоб у Джонни все хорошо было, чтобы он не обозлился. Но будь он как я, не влип бы в такую передрагу. Просекай он все, как я, не полез бы в эту церковь. Вот она, награда за помощь людям. Статейка в газете да куча проблем... Будь поумнее, Пони... будь пожестче, как я, тогда цел останешься. Когда сам себя бережешь, здоровее будешь...

Он еще много чего говорил, но я не все расслышал. Мне все мерещилась какая-то чушь, будто Далли сошел с ума, потому что он все нес и нес какой-то несвязный бред, а Далли никогда так не разговаривал, теперь-то я бы все понял, наверное, а тогда меня всю дорогу мутило.

Коп довез нас до больницы и уехал, пока Далли делал вид, что вытаскивает меня из машины. Но едва тот скрылся из виду, Далли меня выпустил – я чуть не упал.

– Быстрее!

Мы промчались по коридору, растолкали всех и вскочили в лифт. Кто-то кричал нам вслед, потому что вид у нас был, похоже, очень потрепанный, но у Далли на уме был один Джонни, а я так плохо соображал, что только и мог, что за ним бежать. Когда мы наконец добрались до палаты Джонни, нас остановил врач.

– Простите, парни, но он умирает.

– Нам нужно с ним повидаться, – сказал Далли и щелкнул Смешинкиным ножом. Голос у него дрожал. – Нам нужно с ним повидаться, уйди с дороги, не то тебя потом будут оперировать.

Врач и глазом не моргнул.

– Я вас пуцую, но не из-за ножа, а потому что вы его друзья.

Далли поглядел на него и спрятал нож в карман. Мы зашли в палату к Джонни, минутку постояли, пытаясь отдышаться, хватая ртами воздух. Тихо было – ужас. Очень страшная это была тишина.

Я посмотрел на Джонни. Он лежал совсем неподвижно, и я, запаниковав, подумал – он уже умер. Опоздали.

Далли сглотнул, утер пот с верхней губы.

– Джонни-кекс, – хрипло позвал он его, – Джонни?

Джонни еле заметно шевельнулся, открыл глаза.

– Эй, – тихонько сказал он.

– Наша взяла, – пропыхтел Далли. – Мы уделали вобов. Навалили им, погнажи с нашей территории.

Джонни даже не попытался улыбнуться.

– Бесплезно... от драк никакого толку...

Далли нервнo облизал губы.

– В газетах про тебя до сих пор статьи пишут. Про то, какой ты герой, и всякое такое. – Говорил он чересчур быстро и чересчур спокойно. – Да-да, называют тебя героем, и всех грязеров в герои записали уже. Мы так тобой гордимся, дружище.

У Джонни глаза засияли. Далли им гордился. Джонни только об этом и мечтал.

– Понибой.

Я едва расслышал. Подошел поближе, склонился, чтобы узнать, что он хочет мне сказать.

– Будь всегда золотым, Понибой. Будь всегда золотым...

Подушка под ним как будто немного просела, и Джонни умер.

Про мертвых пишут обычно, что лица у них делаются такие, будто они мирно спят. И вовсе это неправда. У Джонни лицо стало просто мертвое. Как свечу задули. Я хотел было что-то сказать, но и звука из себя не смог выдать.

Далли сглотнул, протянул руку, убрал Джонни челку со лба.

– Вечно ему эти волосы на глаза падали... вот что бывает, дурилка, когда людям помогаешь, вот что бывает...

Он вдруг резко вскинулся, со всей силы приложился об стену. Лицо у него исказилось от боли, по лицу заструился пот.

– Черт, Джонни... – завыл он, молотя кулаком по стене, пытаясь вколотить в нее свою волю. – Ох, Джонни, черт, не умирай, не умирай, пожалуйста...

Он сорвался с места, выскочил за дверь и помчался по коридору.

Глава десятая

По коридору я шел как в тумане. Далли уехал на машине, а я в ступоре потащился домой. Джонни умер. И не умер. Оставшееся в больнице неподвижное тело – это был не Джонни. Джонни куда-то делся – может, спит на поле или играет в пинбол в кегельбане, или сидит на ступеньках той церкви в Виндриксвилле. Вот пойду сейчас домой, пройду мимо поля, а Джонни сидит там себе на бордюре и курит, и, как знать, может, мы с ним вместе полежим там и поглядим на звезды. Он не умер, сказал я себе. Не умер. И в этот раз мне удалось выдать сон за явь. Я убедил себя, что он не умер.

Я, похоже, несколько часов пробродил по городу, иногда даже на дорогу выходил, и тогда мне в спину сигналили и ругались. Как знать, может, я всю ночь так и ходил бы по улицам, если бы какой-то дядька не спросил, не нужно ли меня куда подбросить.

– А? Ой. Ну да, наверное, нужно, – ответил я.

Я сел в машину. Дядька, которому было уже лет двадцать пять, посмотрел на меня.

– Ты сам как, парень? Вид у тебя такой, будто ты с кем-то подрался.

– А я и подрался. На драке был. Я в порядке.

Джонни не умер, говорил я себе, и верил в это.

– Ты уж прости, что говорю тебе об этом, – сухо сказал дядька, – но ты мне всю машину кровью закапал.

Я заморгал.

– Да?

– Из головы.

Я потрогал висок, который уже давно побаливал, потом посмотрел на руку – она была вся в крови.

– Ой, блин, мистер, простите, – растерялся я.

– Не переживай. Эта развалина и не такое видала. Говори адрес. Я побитого ребенка посреди ночи на улице не высажу.

Я сказал ему адрес. Он довез меня до дома, я вылез.

– Спасибо вам большое.

Наша банда – все, что от нее осталось, – собралась в гостиной. Стив лежал на диване, рубашка расстегнута, бок перебинтован. Глаза у него были закрыты, но когда я хлопнул дверью, он их открыл, и я подумал, а вдруг у меня глаза такие же воспаленные и растерянные, как у него. Газу

раскроили губу и поставили синяк на щеку. У Дэрри лоб был залеплен пластырем, под глазом – фингал. У Смешинки пол-лица было перебинтовано, я потом узнал, что ему на щеку четыре шва наложили и семь – на руку, потому что он так врезал вобу по роже, что костяшки расшиб. Все переводили дух у нас в гостиной, читали газеты, курили.

А как же вечеринка, тупо подумал я. Разве Газ со Стивом не собирались закатить вечеринку после схлеста? Когда я вошел, все подняли головы. Дэрри вскочил.

– Ты где был?

Ой, ну только не начинай вот этого, подумал я. Вдруг Дэрри осекся.

– Понибой, что случилось?

Я взглянул на них немного испуганно.

– Джонни... он умер. – Мой голос мне самому казался странным. Но ведь он же не умер, твердил голос у меня в голове. – Мы ему рассказали, что уделали вобов, и... не знаю, он просто умер.

Он велел мне всегда быть золотым, вспомнил я. Что же он хотел сказать?

Все потрясенно умолкли. Похоже, никто не понимал, что у Джонни дела и впрямь были плохи. Газ издал какой-то странный звук, и лицо у него стало такое, будто он вот-вот расплачется. Смешинка закрыл глаза и стиснул зубы, и тут я вспомнил про Далли... Как Далли молотил кулаком по стене.

– Даллас уехал, – сказал я. – Выбежал из больницы, будто за ним черти гнались. Он что-нибудь натворит. Он этого не вынесет.

А как я это вынесу, думал я. Далли куда крепче меня. Почему же я могу это выносить, а у Далли не получается? И тут я все понял. Джонни был единственным, кого Далли любил. И Джонни больше нет.

– Сорвался все-таки, – Смешинка высказал то, что у всех остальных было на уме. – Значит, и Далли сломить можно.

Меня затрясло. Дэрри что-то тихонько сказал Газу.

– Понибой, – мягко начал Газ, будто говорил с раненым животным, – выглядишь ты неважно. Присядь.

Я попятился, и впрямь как раненое животное, замотал головой.

– Я в норме, – чувствовал я себя неважно. Казалось, что еще секунда и рухну ничком на пол, но я все равно мотал головой. – Не хочу я садиться.

Дэрри шагнул ко мне, но я снова попятился.

– Не трогай меня, – сказал я.

Сердце у меня билось медленными толчками, пульсировало в виске, интересно, слышат ли его остальные. Может, они потому так на меня и

уоставились, думал я, что слышат, как бьется мое сердце...

Зазвонил телефон, Дэрри, поколебавшись, отвернулся и снял трубку. Сказал «Алло?», послушал. Разговор был недолгий.

– Далли звонил. Из автомата. Он только что магазин ограбил, за ним копы гонятся. Нужно его спрятать. Он будет на поле через минуту.

Мы со всех ног рванули из дому, и Стив в том числе, и я еще тогда смутно подумал, что ж теперь никто салты в воздухе не крутит. У меня все расплывалось перед глазами, помню, еще смешно было, что я по прямой бежать не могу.

На поле мы прибежали одновременно с Далли, который что было сил мчался нам навстречу. Сирены выли все громче и громче, и вот на другой стороне улицы остановилась полицейская машина. Захлопали дверцы, из машины повыскакивали полицейские. Далли добежал до фонаря, резко затормозил в кругу света, развернулся и вытащил из-за пояса какую-то черную штуку. Я вспомнил его слова: «Я теперь пушку с собой ношу. Она не заряжена, но для блефа – сгодится».

А ведь он нам с Джонни только вчера это говорил. Но вчера было так давно. Целую жизнь тому назад.

Далли вскинул пистолет, и я подумал – кретин ты чертов! Они ж не знают, что он не заряжен. И только когда в темноте захаркали огнем полицейские пистолеты, я понял – именно этого Далли и добивался. От пуль Далли сначала подбросило, а потом он медленно, с мрачным, торжествующим лицом осел на землю. Умер он еще до того, как упал. Но даже когда по полю носилось трескучее эхо выстрелов, даже когда я про себя умолял – пожалуйста, только не он... только не они с Джонни, не сразу оба, я понимал, что все вышло так, как он и хотел, я понимал, что он умрет, потому что Далли Уинстон хотел умереть, а он всегда своего добивался.

Никто не напишет о Далли хвалебных статей. Сегодня вечером умерли два моих друга: один – героем, второй – преступником. Но я вспомнил, как Далли вытащил Джонни из горящей церкви, как Далли отдал нам свой пистолет, хоть мог за такое и в тюрьму попасть, как Далли рисковал ради нас жизнью, пытаясь уберечь Джонни. А теперь он мертвый несовершеннолетний преступник, и никто не станет заступаться за него в газетах. Далли умер не героем. Он умер молодым, озлобившимся и отчаявшимся, и мы все знали, что когда-нибудь так оно и будет. И что когда-нибудь и Тим Шепард, и Кудряха Шепард, и ребята из Брамли, и все остальные парни, которых мы знаем, умрут точно так же. Но Джонни был прав. Это была доблестная смерть.

Стив, спотыкаясь, всхлипывая, рванулся было к нему, но Газ удержал

его за плечи.

– Ну, тихо, дружище, тихо, – мягко сказал он ему, – тут уж ничем не поможешь.

Ничем не поможешь... ни Далли, ни Джонни, ни Тиму Шепарду, никому из нас... У меня резко свело желудок, казалось, я будто кусок льда проглотил. Все завертелось, поле заволокло красным туманом, а в нем запрыгали размытые лица и какие-то сцены из прошлого. Все это слилось в какую-то разноцветную гущу, и я зашатался. Кто-то крикнул:

– Ой, гляньте на малыша!

И тут земля оказалась у меня прямо под носом.

Когда я очнулся, было светло. И тихо – до жути. Слишком уж тихо. В смысле, у нас дома обычно не то чтобы тихо. Надрывается радио, и телек включен на всю громкость, парни дерутся, сшибают торшеры, опрокидывают столы и орут друг на друга. А тут что-то не то, но я никак не мог понять, что именно. Что-то случилось... Но я никак не мог вспомнить что. Я растерянно заморгал, увидев Газа. Он сидел на кровати и смотрел на меня.

– Газ... – голос у меня был хриплый и слабый, – кто-то заболел?

– Да, – говорил он до странного нежно. – Ты спи, спи.

Тут до меня вроде как начало доходить.

– Я заболел?

Он погладил меня по голове.

– Да, ты заболел. А теперь – шшшш.

Но у меня был еще вопрос. Я все никак не мог понять, что к чему.

– А Дэрри жалко, что я заболел?

Странно, но мне почему-то казалось, что Дэрри моя болезнь огорчила. Все казалось каким-то размытым, смутным.

Газ как-то странно на меня поглядел. Помолчал немножко.

– Да, Дэрри жалко, что ты заболел. А теперь давай-ка, дружок, помолчи, хорошо? Засыпай.

Я закрыл глаза. Я страшно устал.

Когда я в следующий раз проснулся, за окном был уже день, под грудой одеял было жарко. Хотелось есть, хотелось пить, но желудок у меня так крутило, что было понятно – во мне ничего не задержится. Дэрри притащил в спальню кресло и теперь спал в нем. А почему он не на работе, думал я. Почему спит в кресле?

– Эй, Дэрри, – тихонько сказал я и потряс его за коленку. – Эй, Дэрри,

просыпайся.

Он открыл глаза:

– Понибой, ты как, нормально?

– Ага, – ответил я. – Похоже на то.

Что-то случилось... но я так и не мог ничего вспомнить, хоть в голове теперь заметно прояснилось, не то что когда я в прошлый раз проснулся.

Он облегченно вздохнул, взъерошил мне волосы.

– Черт, парень, ты нас до смерти напугал.

– А что со мной такое было?

Он покачал головой.

– Говорил же, ты не в форме, не надо тебе было на драку идти. Шок, истощение, легкое сотрясение мозга... а тут еще Смешинка прибежал и давай скулить, что у тебя, мол, еще днем была температура, и это из-за него ты свалился. Он тогда ночью совсем расклеился, – сказал Дэрри. и немного помолчал. – Как и все мы.

И тут я все вспомнил. Далли и Джонни умерли. Не думай о них, думал я. (Не вспоминай, что Джонни был твоим лучшим другом, не вспоминай, как ему не хотелось умирать. Не думай о том, как Далли сорвался в больнице, как он обмяк под фонарем. Думай лучше, что для Джонни – это наилучший выход, что с Далли это случилось бы рано или поздно. А лучше всего – не думай вовсе. Сотри все из памяти. Не вспоминай. Не вспоминай.)

– Как это я получил сотрясение мозга? – спросил я. Голова зудела, но почесать ее я не мог – повязка мешала. – Долго я проспал?

– Сотрясение мозга ты получил, потому что тебя по голове били – Газ видел. Он того воба чуть не убил. Впервые видел, чтоб Газ так взбесился. Мне кажется, в таком состоянии он кого хочешь уделал бы. Сегодня вторник, ты пролежал в горячке с субботнего вечера. Не помнишь, что ли?

– Не-а, – протянул я. – Дэрри, я столько уроков пропустил, мне теперь в жизни не наверстать. И мне еще в суд надо, и в полицию – давать показания насчет убийства Боба. А теперь... когда Далли... – я глубоко вздохнул. – Дэрри, думаешь, они нас разлучат? Отправят меня в приют или еще куда?

Он молчал.

– Не знаю, малыш. Ничего не знаю.

Я уставился в потолок. Каково мне будет, думал я, смотреть в совсем другой потолок? Лежать в совсем другой кровати, в другой комнате? В горле у меня стоял твердый, острый комок, сглотнуть никак не получалось.

– И как в больнице был тоже не помнишь? – спросил Дэрри.

Он пытался сменить тему.

Я помотал головой.

– Не помню.

– Ты все звал меня и Газа. Еще маму с папой иногда. Но чаще всего – Газа.

Он сказал это таким голосом, что я взглянул на него. Чаще всего – Газа. А Дэрри я звал, или это он так говорит?

– Дэрри... – я и сам не знал, что хочу сказать. Но было у меня неприятное такое подозрение, что я вовсе и не звал его в бреду, что я, может быть, одного Газа к себе и звал. Что же я наговорил такого, пока мне было плохо? Я не помнил. И не хотел вспоминать.

– Джонни оставил тебе книжку, «Унесенные ветром». Сказал медсестре, что хочет тебе ее передать.

Я поглядел на книжку, которая лежала на столе. Дочитывать не хотелось. Не смогу читать дальше, после того, как джентльмены-южане доблестно едут на верную смерть. Джентльмены-южане с огромными черными глазами, в голубых джинсах и футболках. Джентльмены-южане, которые оседают на землю при свете фонарей. Не вспоминай. Не старайся понять, кто доблестно погиб, а кто нет. Не вспоминай.

– А где Газ? – спросил я и чуть себя за это не пнул.

Почему ты с Дэрри не разговариваешь, идиот ты этакий? Почему тебе так не по себе становится, когда ты с ним разговаривать?

– Надеюсь, что спит. Он утром брился, так я испугался, что он заснет и глотку себе перережет. Пришлось затолкать его в кровать, и он в один миг вырубился.

Но все надежды Дэрри на то, что Газ спит, тут же пошли прахом, потому что тот – в одних джинсах – влетел в комнату.

– Эй, Понибой! – завопил он и рванулся ко мне, но Дэрри успел его перехватить.

– Полегче, дружок, полегче.

Пришлось Газу всего-то попрыгать на кровати да помолотить меня по плечу.

– Черт, ну и разболелся же ты. Сейчас как, нормально?

– Нормально. Только голодный немного.

– Еще бы ты не был голодный, – сказал Дэрри. – Ты пока болел, от еды отказывался. Грибного супа хочешь?

Тут я вдруг ощутил, до чего пусто у меня в желудке.

– Блин, вот уж не откажусь!

– Сейчас сварю тебе. Газ, не наскокивай на него, ладно?

Газ возмущенно на него поглядел.

– Ты чего, думаешь, я его тут кроссы заставлю бегать или еще что?

– Ой, не-ет, – простонал я. – Кроссы. Похоже, из всех соревнований я выбыл. Ни одного кросса пробежать не смогу. А тренер так на меня рассчитывал.

– Да ладно тебе, на следующий год пробежишь, – сказал Газ. Газ никогда не понимал, почему для нас с Дэрри так важен спорт. Не понимал он, впрочем, и чего мы из кожи вон лезем ради учебы. – Не трясись ты из-за какого-то там кросса.

– Газ, – внезапно спросил я, – а что я в бреду говорил?

– А, тебе все казалось, что ты в Виндриксвилле. Потом ты повторял, что Джонни не хотел убивать того воба. Слушай, не знал, что ты копченую колбасу не любишь.

Я похолодел.

– Не люблю. Никогда не любил.

Газ только посмотрел на меня.

– А раньше ел. Вот поэтому ты от еды и отказывался, пока лежал в горячке. Мы тебе что ни предложим, а ты – не люблю колбасу, и все тут.

– Не люблю ее, – повторил я. – Газ, а я звал Дэрри, когда бредил?

– Ну да, звал, – он как-то странно на меня поглядел. – Ты и его звал, и меня. Иногда маму с папой. И еще – Джонни.

– А. Я думал, вдруг я Дэрри не звал. И мучился из-за этого.

Газ рассмеялся.

– Звал, звал, не волнуйся. Мы с тобой там столько времени просидели, что врач сказал, мы сами в больницу загремим, если не поспим хоть немного. Впрочем, поспать мы так и не поспали.

Я внимательно поглядел на него. Вид у Газа был совершенно измученный – под глазами темные круги, лицо усталое, напряженное. Но его темные глаза были по-прежнему смешливыми, беззаботными, бедовыми.

– Выглядишь ты паршиво, – честно сообщил ему я. – На что спорим, что ты и трех часов с субботы не проспал.

Он улыбнулся, но отнекиваться не стал.

– А ну, двигайся.

Он перелез через меня, шлепнулся на кровать, и когда Дэрри принес суп, мы уже оба крепко спали.

Глава одиннадцатая

В постели пришлось проваляться еще целую неделю. Меня это бесило, не люблю лежать без дела и таращиться в потолок. В основном я читал и рисовал картинки. Однажды я листал старый школьный альбом Газа и наткнулся на снимок, который показался мне смутно знакомым. Но даже имя под фотографией – Роберт Шелдон – мне поначалу ни о чем не сказало. Но потом до меня дошло – это же Боб. И я хорошенько взгляделся в снимок.

На фото он был совсем не похож на того Боба, которого помнил я, но на школьных фото мало кто вообще на себя похож. Здесь он в десятом классе, значит, когда погиб, ему было лет восемнадцать. Да, он уже тогда был симпатичным, с бесшабашной улыбкой – в этом он чем-то напоминал Газа. Красивый черноволосый парень с темными глазами, может, карими, как у Газа, а может, и темно-синими, как у братьев Шепард. А может, глаза у него были черными. Как у Джонни. Раньше я особо не думал про Боба – не было времени о нем подумать. А тут задумался. Каким он был?

Я знал, что он любил нарываться на драку, потому что, как и все вобы, считал, что он такой мистер Суперкрутыш, раз живет на западной стороне, знал, что ему идут бордовые свитера и что он гордился своими кольцами. Но что насчет Боба Шелдона, которого знала Черри Баланс? Она была девчонка умная, он ей не за красивые глаза нравился. Милый и приветливый, не такой как все – вот, что она сказала. Настоящий человек, лучше друга не найдешь, все хотел, чтобы его остановили, – вот, что мне сказал Рэнди. Был ли у него младший брат, считавший его своим кумиром? Или старший, который все нудел – мол, полегче на поворотах?

Родители разрешали ему творить все, что вздумается, – потому что слишком его любили или любили недостаточно? Ненавидят ли они теперь нас? Я надеялся, что они нас ненавидят, что у них не лезет из ушей вся эта чушь насчет того, как нам надо пожалеть жертв дурного влияния среды, которую Кудряхе Шепарду скармливали соцработники всякий раз, когда он попадал в исправилровку Пусть уж лучше ненавидят, лишь бы не жалели. Но, как знать, может, они все понимали, как Черри Баланс. Я смотрел на фото Боба, и из него начинал проглядывать человек, которого мы убили. Бесшабашный, вспыльчивый парень, нахальный и в то же время до смерти перепуганный.

– Понибой.

– Чего?

Я даже головы не поднял. Думал, врач пришел. Он почти каждый день заходил, хоть ничего особо и не делал, только со мной болтал.

– Там к тебе парень пришел. Говорит, что тебя знает, – Дэрри это таким тоном сказал, что я вскинул голову. – Зовут Рэнди.

– Ага, я его знаю, – сказал я.

– Пустить его?

– Ну да, – я пожал плечами. – Давай, почему нет?

Народ из школы заходил меня навестить, у меня в школе много приятелей, даже несмотря на то, что я младше всех и не очень разговорчивый. Но школьные приятели – они и есть школьные приятели, это тебе не друзья. Я радовался их приходу, но мне и неловко было тоже, потому что район у нас паршивый, а дом не то чтобы шикарный. Он какой-то весь обветшалый, а внутри – так даже и бедняцкий, хоть мы и вполне неплохо тут моем-убираем, даром что парни. Почти у всех моих школьных приятелей дома поприличнее, не такие прямо богатые, как у вобов, но средний класс, в общем. Странно, кстати, – я переживал, что мои школьные приятели увидят, как я живу. А вот на то, что там Рэнди подумает, мне было наплевать.

– Привет, Понибой, – Рэнди смущенно топтался в дверях.

– Привет, Рэнди, – ответил я. – Садись, если найдешь куда.

Везде лежали книги. Он снял парочку со стула и сел.

– Как себя чувствуешь? Черри сказала, что про тебя в школьной газете написали.

– Я нормально. Мое имя в любой газете не пропустишь.

Он усмехнулся, но вид у него был по-прежнему смущенный.

– Курить будешь? – я предложил ему сигарету, но он помотал головой.

– Нет, спасибо. Эммм, Понибой, ну, я вообще, конечно, пришел, чтобы узнать, как ты, но тебе... нам... завтра в суд надо.

– Угу, – ответил я, закуривая. – Знаю. Слушай, свистни, если кого из моих братьев увидишь. А то мне влетит за то, что я в кровати курю.

– Отец сказал, чтобы я говорил правду, что это никому не повредит. Он, короче, здорово расстроился из-за всего этого. Ну, то есть отец у меня мужик что надо, уж получше, чем у многих, а я его, короче, подвел, потому что в историю эту вляпался.

В ответ я только поглядел на него. Ничего тупее я в жизни не слышал. Он, значит, думает, что вляпался? Он никого не убивал, ему в драке башку не разбивали, и это не его друга застрелили под фонарем. И кроме того, чего ему терять-то? У его старика куча денег, любой штраф оплатит – за пьянку или за драку там.

– Насчет штрафа я не переживаю, пусть штрафуют, – сказал Рэнди, – но из-за старика я себя очень паршиво чувствую. А я впервые за долгое время что-то чувствую.

Я же долгое время чувствовал один только страх. Дичайший страх. Я как можно дольше старался не думать ни о суде, ни о слушании. Газ с Дэрри тоже об этом говорить не любили, поэтому мы все молча считали дни, пока я болел, считали, сколько дней еще проведем вместе. Но Рэнди как сел на эту тему, так и поехал, так что и я теперь ни о чем другом и думать не мог. Моя сигарета начала подрагивать.

– Твои предки тоже, наверное, здорово переживают.

– Мои родители умерли. Мы с Дэрри и Газом – это мои братья – одни тут живем, – я сделал глубокую затяжку. – Вот я и переживаю. Если судья решит, что Дэрри – плохой опекун, ну или типа того, меня могут упечь в приют. Вот что самое поганое. Дэрри – хороший опекун, он заставляет меня учиться и всегда знает, где я и с кем я. Ну, мы, конечно, не всегда ладим, но он следит за тем, чтобы я ни в какую передрыгу не попал, ну, или следил. Отец на меня столько не орал, сколько он орет.

– Про это я не знал, – Рэнди встревожился, прямо по-честному встревожился.

Боб, значит, встревожился из-за того, что малолетнего грязера могут отдать в приемную семью или еще куда. Чудно. В смысле, чудно. В общем, вы меня поняли.

– Послушай, Пони. Ты ни в чем не виноват. Это у твоего друга Джонни нож был...

– Нож был у меня, – перебил я его. Он как-то странно на меня смотрел. – У меня. И я убил Боба.

Рэнди помотал головой.

– Я все видел. Тебя чуть не утопили. А у черноволосого парня оказался выкидной нож. Боб его так напугал, что ему деваться было некуда. Я все видел.

Я растерялся.

– Я его убил. У меня был нож, я испугался, что меня избыют.

– Да нет, парень, это был твой друг, тот, который в больнице потом умер...

– Джонни не умер, – голос у меня задрожал. – Джонни не умер.

– Эй, Рэнди, – Дэрри просунул голову в дверь. – Мне кажется, тебе пора.

– Да-да, – сказал Рэнди. Он по-прежнему как-то странно на меня глядел. – До встречи, Пони.

– Даже не заикайся при нем о Джонни, – услышал я шепот Дэрри, когда они с Рэнди вышли за дверь. – Он пережил сильное потрясение, психическое и эмоциональное. Врач сказал, что все пройдет, но нужно время.

Я с трудом сглотнул, заморгал. Ничем он от вобов не отличается. Такой же бесчувственный. К убийству Боба Джонни никакого отношения не имеет.

– Понибой Кертис, а ну потуши сигарету!

– Ладно, ладно, – я потушил сигарету. – Дэрри, да не усну я с сигаретой. И где мне еще курить, если ты велел мне лежать в постели и не вставать.

– Не умрешь, если лишний раз не покуришь. А вот если кровать подожжешь – умрешь. До двери не добежишь по такому бардаку.

– Блин, ну я не могу это все разобрать, а Газ не станет, так что, похоже, кроме тебя этого и сделать некому.

Тут он на меня так уставился.

– Хорошо, хорошо, – сказал я, – есть кому. Может, Газ тут немного приберется.

– А может, ты, дружок, будешь поаккуратнее?

Раньше он меня так никогда не называл.

«Дружком» он только Газа звал.

– Ладно, – сказал я. – Буду поаккуратнее.

Глава двенадцатая

Слушание прошло совсем не так, как я себе представлял. Кроме нас с Дэрри и Газом, почти никого и не было, только Рэнди с родителями, Черри Баланс – тоже с родителями, да еще несколько парней, которые на нас напали тогда ночью. Уж не знаю, почему я думал, что все будет по-другому – наверное, посмотрелся фильмов про Перри Мейсона. А, и еще там был тот врач, и он перед слушанием очень долго о чем-то говорил с судьей. Тогда я не понимал, что он тут делает, зато теперь знаю.

Первым давал показания Рэнди. Он, похоже, немного нервничал, и я жалел, что ему нельзя закурить. И что мне нельзя закурить, я тоже жалел, потому что меня самого потряхивало. Дэрри велел мне помалкивать, пока Рэнди и все остальные будут говорить, мол, до меня очередь дойдет. Все вобы говорили одно и то же, и в основном даже правду, только все они сказали, что Джонни убил Боба, но я решил, что это исправлю, когда до меня дойдет очередь. Черри рассказала, как все было до того, как на нас с Джонни напали, и что случилось потом – по-моему, у нее по щекам скатилось несколько слезинок, но врать не буду. Даже если она и плакала, голос у нее ни капли не дрожал. Судья очень подробно всех расспрашивал, но ничего такого волнующего и эмоционального, как по телеку показывают, не случилось. Он немного порасспрашивал Дэрри и Газа про Далли, наверное, чтобы понять, кто мы такие и с кем по жизни общаемся. Значит, он был нашим хорошим другом? Дэрри ответил: «Да, сэр», не колеблясь и глядя судье прямо в глаза, но когда Газ сказал то же самое, то посмотрел на меня так, будто собственными руками меня на электрический стул отправил. Я ими обоими чертовски гордился. Далли был из наших, а мы своих не предаем. Я уж думал, что судья никогда до меня не доберется. Но когда настал мой черед, блин, мне было страшно, аж жуть. И знаете что? Они ничегошеньки не спросили про то, как Боба убили. Судья и спросил только, нравится ли мне жить с Дэрри, нравится ли ходить в школу, какие у меня оценки, ну и все такое прочее. Тогда я ничего не мог понять, но потом узнал, о чем врач с судьей разговаривал. Похоже, у меня по лицу было видно, до чего мне страшно, потому что судья мне улыбнулся и сказал, чтоб я перестал ногти грызть. Есть у меня такая привычка. Даже рта мне особо не дал раскрыть. Я, впрочем, не то чтобы расстроился. Не очень-то мне и хотелось разговаривать.

Хотелось бы мне сказать, что после этого дела пошли на лад, но все

было не так. Со мной – особенно. Я теперь вечно обо что-то ударялся, например, о двери, спотыкался о журнальные столики и все терял. Я и так-то всегда был рассеянным, но, блин, тогда я хорошо если приходил из школы с нужными учебниками и в обоих ботинках. Однажды я пришел домой в одних носках, и этого даже не заметил, пока Стив не отколол по этому поводу какую-то шуточку. По-моему, ботинки я положил в свой шкафчик, но так потом их и не нашел. И вот еще что, я перестал есть. Раньше я ел как конь, а теперь вдруг ни с того ни с сего расхотел. У всего был вкус копченой колбасы. С учебой тоже все стало так себе. С математикой еще куда ни шло, потому что Дэрри проверял всю мою домашку, вылавливал ошибки и заставлял все переделывать, но английский я просто слил. Раньше у меня по нему были одни пятерки в основном, потому что мы вечно писали сочинения. В смысле, что говорю-то я не очень гладко (покажите мне хулигана, который гладко говорит), а вот писать хорошо могу, если постараюсь. То есть раньше мог. Теперь мне и «двойка» за сочинение был за счастье.

Мой учитель английского здорово переживал, что я так лопухался. Он мужик что надо, заставляет нас думать, ну и по нему видно, что мы ему все интересны как личности. Однажды он сказал, чтоб я задержался после урока.

– Понибой, я хочу с тобой поговорить о твоих оценках.

Блин, как же мне хотелось оттуда удрать. Я понимал, что я на уроках бездельничал, но ничего с этим поделать не мог.

– Что касается твоих оценок, Пони, то говорить тут не о чем, это я тебе прямо скажу. Этот год ты завалил, но, с учетом всех обстоятельств, так и быть, поставлю тебе «тройку», если напишешь хорошее выпускное сочинение.

«С учетом всех обстоятельств» – эх, братаны, вот так способ сказать мне, что я паршиво учусь, потому что со мной много чего плохого случилось. Да уж, сказал, что называется, обтекаемо. После слушания первая неделя в школе выдалась ужасной. Те, кого я знал, перестали со мной разговаривать, а те, кого я не знал, подходили и задавали вопросы про всю эту заваруху. Даже учителя иногда. А училка по истории – казалось, будто она вообще меня теперь боится, хотя на ее уроках я себя всегда хорошо вел. Сами понимаете, как я себя кейфово из-за всего этого чувствовал.

– Хршо, сэр, – ответил я. – Попробую. А на какую тему писать?

– Пиши обо всем, что тебе кажется важным. И не про литературу, мне нужны твои собственные мысли и твои собственные впечатления.

Мой первый поход в зоопарк. Ой-ей-ей.

– Хршо, сэр, – сказал я и поскорее оттуда свалил.

В обед мы встретились со Стивом и Смешинкой на парковке за школой и поехали в магазинчик по соседству, чтобы купить сигарет, колы и шоколадок. В магазинчике обычно ошивались одни грязеры, вот так мы и обедали. В школьной столовой вобы бузили – кидались вилками и вообще, – а свалить все пытались на нас, грязеров. Как мы над этим ржали. Грязеры-то в столовку почти не ходят.

Пока Смешинка со Стивом торчали в магазинчике и болтали с какими-то девчонками, я сидел на бампере машины Стива, курил и пил пепси, и тут подъехала машина, из которой вылезли трое вобов. Я так и остался сидеть, где сидел, только поглядел на них и отхлебнул еще пепси. Страшно мне не было. Страннейшее это было ощущение. Я не чувствовал ничего – ни страха, ни злости, ничего. По нулям.

– Это ты убил Боба Шелдона, – сказал один воб. – А он был нашим другом. Нам не нравится, когда наших друзей убивают, особенно всякие грязеры.

Тоже мне. Я отбил у бутылки горлышко, отбросил сигарету.

– Садитесь в тачку и валите, не то порежу.

Они вроде как этого не ожидали, а один даже попятился.

– Я серьезно, – я прыгнул с машины. – Вы, ребята, у меня уже вот где сидите.

Я пошел на них, держа «розочку» так, как Тим Шепард нож обычно держит – в вытянутой руке, подальше от себя, крепко, но не напрягая руку. Похоже, они поняли, что я не шучу, потому что залезли обратно в машину и укатили.

– Ты что, и правда бы их порезал? – Смешинка наблюдал за нами из дверей магазина. – Мы со Стивом были наготове, но тебе, похоже, помощь не требовалась. Что, порезал бы, да?

– Ну да, а что, – вздохнул я.

Я не понимал, чего Смешинка так вскинулся – да любой бы на моем месте так поступил, сам Смешинка бы ни секунды не раздумывал.

– Понибой, слушай, не надо этого. Ты не такой как мы, вот и не будь таким...

Да что со Смешинкой такое? Я не хуже него знал, что если быть пожестче, тогда цел останешься. Будь поумнее, здоровее будешь...

– Ты чего это делаешь? – из задумчивости меня вывел голос Смешинки.

Я поглядел на него.

– Стекло подбираю.

Он уставился на меня, а потом расхохотался.

– Ах ты, чертов ты сын, – облегченно сказал он.

Я так и не понял, чего это он, поэтому просто собрал стекло от разбитой бутылки и высыпал его в урну. Не хочу, чтоб кто-нибудь потом себе шину пропорол.

Я пришел домой и засел за сочинение. По-честному, потому что Дэрри мне велел, а не то. Я думал было написать про папу, но не смог. Я еще долго не смогу думать о родителях. Еще очень долго. Хотел было написать про Микки Мауса, коня Газа, но не получалось, выходило слащаво. Поэтому я просто начал писать имена. Дэррел Шейн Кертис-младший. Газировка Патрик Кертис. Понибой Майкл Кертис. А потом сверху нарисовал много-много лошадей. Ну все, пятерка мне обеспечена, тут и думать не надо.

– Эй, почту приносили уже? – Газ хлопнул дверью, он так каждый день насчет почты орет, когда с работы приходит.

Я сидел в спальне, но знал, что он кинет куртку на диван, промахнется, стащит ботинки, пойдет на кухню и нальет себе шоколадного молока, потому что именно это он и делал каждый божий день. Он вечно носится по дому в одних носках – не любит обуваться.

Но тут он странно себя повел. Вошел, завалился на кровать, закурил. Он редко курит, только если нервничает, ну или хочет казаться покруче. Но передо мной-то ему чего выделяться, мы и так знаем, что он крутой. Значит, нервничает из-за чего-то.

– Как работа?

– Нормально.

– Случилось что?

Он мотнул головой. Я пожал плечами и снова принялся рисовать лошадей.

Вечером ужин готовил Газ и приготовил все как надо. Опять же странно, потому что он вечно пытается придумать что-то новенькое. Однажды мы ели зеленые блинчики. Зеленые. С таким братом, как Газировка не соскучишься, доложу я вам.

За ужином Газ молчал, да и не съел почти ничего. Вот это было совсем странно. Обычно ему рот не заткнешь, пока он не наестся от пуза. Дэрри вроде как ничего не заметил, поэтому я тоже промолчал.

После ужина мы с Дэрри поцапались, уже в четвертый раз за неделю. На этот раз из-за того, что сочинение я так и не написал, а хотел пойти прокатиться. Обычно я просто стоял молча, пока Дэрри на меня орет, но в

последнее время я начал орать в ответ.

– Ты не переживай за мою учебу! – наконец проорал я. – Мне все равно придется искать работу, когда я школу закончу. Вон, посмотри на Газа. Он школу бросил, и все у него нормально. Так что отвали!

– А ты – не бросишь! Слушай, с твоими мозгами, с твоими оценками сможешь получить стипендию, тогда мы отправим тебя в колледж. Но дело даже не в учебе. Ты, Пони, живешь как в вакууме, и с этим надо завязывать. Джонни и Даллас были и нашими друзьями тоже, но нельзя просто взять и перестать жить, когда близких теряешь. Уж тебе ли этого не знать. Так что ничего ты не бросишь! А не хочешь меня слушать, не устраивает что-то, так можешь выметаться.

Я сжался, похолодел. Мы никогда не говорили про Джонни и Далласа.

– Этого ты и хочешь, да? Хочешь, чтобы я свалил. Только это не так-то легко, да, Газ?

Но тут я взглянул на Газа и осекся. Лицо у него было белое, а когда он посмотрел на меня, то глаза у него как будто расширились от боли. Внезапно я вспомнил, какое лицо было у Кудряхи Шепарда, когда он свалился с телефонного столба и сломал руку.

– Не надо... Ох, ребята, ну почему же вы...

Он вдруг вскочил и выбежал за дверь. Мы с Дэрри только рты раскрыли. Дэрри поднял конверт, который уронил Газ.

– Это письмо, которое он Сэнди написал, – безо всякого выражения сказал Дэрри. – «Возвращено без вскрытия».

Так вот что весь вечер не давало Газу покоя. А я даже не почесался, чтобы узнать. Я вдруг понял, что никогда и не думал особо о проблемах Газа. Мы с Дэрри просто считали, что у него нет никаких проблем.

– Когда Сэнди уехала во Флориду... это не из-за Газа, Понибой. Он сказал мне, что любит ее, но похоже, она его любила не так сильно, как он думал, потому что не он это был.

– Мне без подробностей, пожалуйста, – сказал я.

– Он все равно хотел на ней жениться, но она взяла и уехала. – Дэрри озадаченно глядел на меня. – Почему он тебе не сказал? Я знал, что он вряд ли скажет Стиву или Смешинке, но уж тебе-то я думал, он все рассказывает.

– Может, у него не получилось, – ответил я.

Сколько раз Газ начинал мне что-то говорить и понимал, что я или витаю в облаках, или сижу, уткнувшись в книжку? Он-то всегда меня выслушивал, чем бы ни был занят.

– В ту неделю, когда ты сбежал, он каждую ночь плакал, – медленно

сказал Дэрри. – И ты, и Сэнди – в одну неделю. – Он положил конверт. – Ладно, пойдем его поищем.

Мы гнались за ним до самого парка. Почти догнали, но у него была фора в целый квартал.

– Давай, кругом и беги ему наперерез, – скомандовал Дэрри. Я все равно бегал лучше него, пусть и был не в форме. – А я за ним так и буду держаться.

Я рванул через деревья и отрезал ему путь на середине парка. Он вильнул вправо, но не успел и пары шагов пробежать, как я со всех ног на него напрыгнул. Из нас обоих чуть дух не вышибло. Мы пару минут лежали на земле, хватая ртами воздух, потом Газ сел и стряхнул с футболки траву.

– И куда это ты собрался?

Я растянулся на земле и глядел на него. Подбежал Дэрри и шлепнулся на землю возле нас.

Газ пожал плечами.

– Не знаю. Просто... сил нет слушать, как вы ссоритесь. Иногда мне просто нужно сбежать... а то чувство такое, будто я канат, который вы перетягиваете, и вот-вот вот порвете меня надвое. Ясно?

Дэрри удивленно глянул на меня. Мы и не задумывались о том, каково Газу слушать нашу ругань. От стыда мне стало тошно, я похолодел. Он правду сказал. Мы с Дэрри перетягиваем его как канат и не думаем, сколько боли ему причиняем.

Газ вертел в пальцах сухие травинки.

– Короче, я не могу встать ни на чью сторону. Если б мог, было бы проще, но я обе стороны понять могу. Дэрри слишком много орет, и слишком уж давит, и слишком серьезно ко всему относится, а ты, Понибой, думаешь как раз мало, и не понимаешь, чем Дэрри жертвует, лишь бы дать тебе шанс, который он уже упустил. А ведь мог бы засунуть тебя в приют, а сам – учиться в колледже и себе на учебу зарабатывать. Понибой, я тебе правду говорил. Я бросил школу, потому что я тупой. Я старался, учился, но ты сам мои оценки видел.

Слушай, да мне за счастье работать с машинами на заправке. А вот тебе от этого никогда счастья не будет. А ты, Дэрри, постарайся его получше понимать и перестань уже вязаться к нему из-за каждого пустяка. Он все по-другому чувствует, не так как ты, – он умоляюще поглядел на нас. – Блин, вот вы двое, вас и без того слушать сил нет, так вы же еще хотите, чтоб я на чью-нибудь сторону встал... – глаза у него налились слезами. – У нас, кроме нас, никого не осталось. Нам нужно держаться друг

друга, что бы ни случилось. Если нас друг у друга не будет, значит, у нас ничего не будет. А когда у тебя ничего нет, будешь как Даллас... и не в том смысле, что помрешь. В смысле, будешь таким, какой он был. Еще хуже мертвого. Пожалуйста, – он вытер глаза ладонью, – не ссорьтесь больше.

У Дэрри лицо сделалось прямо встревоженное. Вдруг до меня дошло, что Дэрри всего двадцать, что он немногим старше нас, а значит, ему тоже может быть страшно и больно, и он тоже может запутаться. Я ждал, что Дэрри будет меня во всем понимать, а сам даже не пытался понять его. А он столько пожертвовал ради меня и Газа.

– Хорошо, дружок, – мягко сказал Дэрри. – Мы больше не будем ссориться.

– Эй, Понибой, – сквозь слезы улыбнулся Газ, – ну ты еще не начинай реветь. Нам и одного нюни в семье хватит.

– Я и не реву, – сказал я.

Может, я заревел. Не помню. Газ шутливо стукнул меня по плечу.

– Больше никаких ссор. Идет, Понибой? – сказал Дэрри.

– Идет, – сказал я.

И я всерьез это сказал. Мы с Дэрри, конечно, еще разойдемся во мнениях – слишком уж мы разные, чтобы во всем соглашаться, но все, больше никаких ссор. Чтобы не причинять боль Газу. Газ всегда будет канатом между нами, но это не значит, что мы должны тянуть его во все стороны. И не мы с Дэрри будем его перетягивать, а он будет нас соединять.

– Ну, – сказал Газ, – я замерз. Пойдем домой?

– Кто первый добежит, – предложил я, вскакивая на ноги.

Для пробежки вечер выдался что надо. Воздух бы таким ясным, холодным и чистым, что почти сверкал. Луны не было, но от звезд было светло. Тишина, слышно только, как мы стучим ботинками по асфальту, да как ветер с сухим поскребыванием гоняет листья по улице. Отличный был вечер. Я, похоже, еще не пришел в форму, потому что мы все прибежали одновременно. Или нет. Наверное, нам просто хотелось держаться вместе.

Но домашку я тогда так и не сделал. Поискал, чего бы почитать, но все книги в доме я уже прочел по пятьдесят миллионов раз, даже «Саквояжников»^[8] Дэрри, хоть он и сказал, что я для этой книги еще маловат. Я тоже так подумал, когда дочитал. Наконец я взялся за «Унесенных ветром» и долго на эту книжку смотрел. Я знал, что Джонни умер. Я это с самого начала знал, даже когда болел и притворялся, что он не умер. И это Джонни, а не я убил Боба – это я тоже знал.

Я просто думал, вдруг если я буду вести себя так, будто Джонни не умер, будет не так больно. Точно так же, как Смешинка, который, после того как полицейские увезли тело Далли, исстрадался по своему ножу – полицейские его забрали, когда обыскали Далласа.

– Ты только из-за ножа переживаешь, что ли? – рявкнул Стив, глаза у него были красные.

– Нет, – ответил Смешинка и судорожно вздохнул, – но я хотел бы переживать только из-за этого.

Больно было по-прежнему. Когда долго человека знаешь, в смысле прямо по-настоящему знаешь, как-то трудно свыкнуться с мыслью, что он вдруг взял и в одну ночь помер. Для нас всех Джонни был не просто другом. Наверное, ему куда чаще нашего доводилось выслушивать про всякие ссоры и жалобы. А когда человек по правде тебя слушает, слушает – и ему важно, что ты говоришь, это такая редкость. И я все никак не мог забыть, как он мне сказал тогда, что столько еще не успел сделать, что всю жизнь из наших мест не выбирался – а потом вдруг стало поздно. Я глубоко вздохнул и открыл книгу. На пол выпал листок бумаги, я его поднял.

Понибой, я попросил медсестру отдать тебе книгу, чтоб ты ее дочитал, – почерк был Джонни, и я стал читать дальше, почти слыша его тихий голос. – Доктор недавно заходил, но я и сам все понял. Я все усталее и усталее. Знаешь, даже ничего, что я умираю. Оно того стоило. Стоило спасти тех детей. Их жизни ценнее моей, им есть ради чего жить – больше, чем мне. Чьи-то родители ко мне заходили, благодарили меня, так что я знаю – это того стоило. И Далли скажи, это того стоило. Я только по вам скучать буду ребята. Я все думал про это, и про тот стих, который тот дядька написал, он хотел сказать, что ты золотой, когда ты ребенок, когда ты зеленый. Когда ты ребенок, все новое, все – рассвет. И только когда ко всему привыкаешь, начинается день. Ну вот как ты закаты любишь, Пони. Вот это – золотое. Будь и дальше таким, это правильно. Попроси Далли, чтоб он тоже поглядел на закат. Он, наверное, подумает, что ты чокнулся, но ты все равно попроси, от меня. Мне кажется, он еще ни разу толком не видел заката. И не переживай ты так насчет того, что ты грязер.

У тебя еще куча времени, чтобы стать кем ты хочешь. В мире еще куча всего хорошего. Скажи Далли. Мне кажется, он этого не знает.

Твой друг, Джонни.

Скажи Далли. Поздно уже говорить Далли. Послушал бы он меня? Сомневаюсь. Вдруг я понял, что это не только мое личное дело. Я

представил себе сотни, сотни парней, живущих не «на том» конце города, парней с черными глазами, которые шарахаются от собственной тени. Сотни парней, которые, как знать, смотрели на закат и на звезды, и рвались к чему-то получше. Я видел парней, которые оседают наземь под фонарями, потому что они были злобными, крутыми и ненавидели весь мир, и которым уже поздно было рассказывать, что в мире есть еще что-то хорошее, потому что они все равно тебе не поверят. Слишком бескрайняя это была проблема, чтоб быть только моим личным делом. Им нужно как-то помочь, нужно сказать им, пока не поздно. Кто-то должен выступить и от их лица, и может тогда люди поймут, и не станут так вот сразу судить парня по тому, сколько у него масла на волосах. Мне это было важно. Я схватил телефонную книгу и позвонил учителю английского.

– Мистер Сайм, это Понибой. То сочинение... а оно какой длины должно быть?

– Ну, эээ, не меньше пять страниц, – голос у него был слегка удивленный.

Я и позабыл, что уже ночь на дворе.

– А больше можно?

– Конечно, Понибой, пиши, сколько хочешь.

– Спасибо, – сказал я и повесил трубку.

Я сел за стол, взял ручку, на минутку задумался. Я вспоминал. Вспоминал симпатичного черноволосого парня с бесшабашной улыбкой и вспыльчивым нравом. Светловолосого хулигана с сигаретой в зубах и циничной ухмылкой на суровом лице. Вспоминал – и на этот раз больно не было – тихого, понурого шестнадцатилетнего мальчишку, которому не помешало бы постричься и который боязливо глядел на всех черными глазами. За одну неделю не стало всех троих. И я решил, что о них нужно рассказать людям, и начну я с моего учителя. Я долго раздумывал, как бы начать это сочинение, как начать писать о том, что для меня очень важно. И, наконец, начал так: «Когда я вышел из темного кинотеатра на солнце, думал я только о Поле Ньюмане и о том, как буду добираться домой...»

notes

СНОСКИ

1

Название марки сигарет – *Kool*.

/J – название конезаводческой фермы, которая выращивает лошадей для выступлений на родео. Как правило, у них всех были простые короткие названия, состоявшие обычно из двух-трех инициалов.

Barrel racing – конкурсное упражнение на родео, наезднику или наезднице нужно за максимально короткое время объехать стоящие бочки в определенном порядке.

Популярный американский кантри-исполнитель, пик его карьеры пришелся на конец 40-х. Его песни были романтическими и сентиментальными и к концу 60-х заметно устарели, отсюда и презрительное отношение Понибоя.

Перевод с англ. Виктора Сонькина.

6

Известная сеть закусочных, была основана в 1940 году.

YMCA – Юношеская христианская ассоциация.

«Саквояжники» (*The Carpetbaggers*) (1961) – известный роман Гарольда Роббинса, классика американской поп-культуры. Саквояжниками в южных штатах называли предпринимателей с севера, которые приезжали на юг в надежде быстро разбогатеть. Роман был написан на заре сексуальной революции и содержал много откровенных для того времени сцен, поэтому Дэрри запрещает его читать Понибою.